

**страница
отсутствует**

**страница
отсутствует**

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

работница

ДЕКАБРЬ 1968 • № 12

Ежемесячный общественно-политический
и литературно-художественный журнал

Основан 8 марта 1914 года • Издательство «Правда»

Мой тост

«Нет мамы, кроме мамы». Эта строчка принадлежит Расулу Гамзатову. Так откровенно противопоставленная корановскому изречению «Нет бога, кроме бога», так бесхитростно утверждающая совершенно ясную и тем не менее величайшую истину, она всякий раз приходит мне на память, когда речь идет о матери. В этих простейших словах глубокий смысл — незаменимость матери никем и ничем на свете. Да, только она — мать, только она! Единственная, неповторимая, родная, роднее всех родных...

И в этом вся суть. В этом начало бытия, в этом муки и радости матери, в этом вечные, неиссякаемые до конца дней материнские тревоги за детей, малы они или велики, рядом они или за тридевять земель... В этом таинство материнства, быть может, единственное таинство в природе, не подлежащее познанию...

Мать — это начало родины, мать — это родной язык, мать — это совесть, вкушенная с материнским молоком...

Да разве скажешь обо всем том, что стоит за словом «мать»!

Мой первый новогодний тост — за наших матерей! Низко кланяюсь вам, мамы, в ноги и поднимаю за вас свою чарку! Будьте счастливы!

Я вижу при этом грустноватую улыбку в ваших добрых глазах и слышу в ответ ваши тихие слова: «Наше счастье — это вы, дети!» И вот так всякий раз, всякий раз вы ставите нас на первое место в своей жизни.

С Новым годом, мамы! А поскольку выпала мне эта честь — провозгласить новогодний тост за матерей, не обессудьте, я воспользуюсь случаем: разрешите мне поднять бокал за здоровье моей мамы — Нагимы Хамзеевны Айтматовой и тещи Селлябюбу Джакиновны Джакиновой (ведь только мать может быть тещей), а в их лице за всех вас, за всех матерей на Земле!

Годы будут приходить и уходить, а мать вечна! Но каждая из вас единственная в своем роде. И поэтому — за гамзатовскую строчку: «Нет мамы, кроме мамы»!

Еще раз с Новым годом!

Тингуз Айтматов

Ты-мать!

— Ма-ма!

Это слово первым произносит малыш. В той, к кому оно обращено, заключается для него весь мир. Она кормит его и купает, поет ему колыбельную и катает в коляске, она вскакивает ночью на его крик и не отходит от кроватки, когда в детском тельце вдруг поднимется жар и маленький спекшийся рот дышит зноем. Ее не надо звать, потому что она и без того рядом, измученная и неутомимая. Но малыш, как заклинание, повторяет это одно-единственное слово, бессознательно веря, что мама все может и все умеет, что с нею ничего не страшно, что она одна только поможет и спасет... И она спасает, отводя беду неистовой силой материнской любви.

Маленький человек понемногу растет, и вот уже остались позади первые нетвердые шагки, и с каждым часом смелее, год от году размахистее становится его поступь, и все дальше уходят его от дома молодые, крепкие ноги. Помните ли вы, взрослые женщины и мужчины, ваше детство? Помните, как прибегали вечером на одеревенелых от усталости ногах, голодные, как волчата, с оборванными пуговицами, в ссадинах, а то и с внушительной шишкой, полученной в пылу уличного сражения? Мама ворчала и выговаривала, а тем временем ее проворные руки ставили на стол блюдо горячей картошки, щедро, через всю буханку, отрезали вашу любимую горбушку и пододвигали молоко. И поздно вечером, когда, сморенные приятной усталостью, вы засыпали и видели безмятежные сны, мама все еще возилась по хозяйству, стирала, чинила, гладила вашу одежку, чтобы утром вы отправились в школу ухоженными и чистыми, «не хуже людей».

Шло время, и дороги, уводившие нас из дому, с каждым годом становились длиннее. Легкий пушок на верхней губе сына, подрастающая дочка, все чаще и все дольше простаивающая у зеркала, с тревожным недоумением и радостным вопросом разглядывающая свое похорошевшее лицо... И вдруг такое неожиданное, всегда застающее врасплох заявление: «Мама, а хочешь познакомить тебя с одной девушкой. Она очень хорошая, ма!» Может, так, а может, все это происходило иначе, но каждая мать рано или поздно проходит через обжигающее болью открытие: ее дитя стало взрослым, в его жизнь вошел новый человек! Чужой и непонятный, этот человек обладает безграничной властью над ее ребенком — все еще ребенком! Материнская любовь — мученическая любовь: даже счастье своего дитя она искупает терновым венцом страдания. Тревогой полнится все существо матери: а каков он, этот человек, с которым отныне суждено делить привязанность и нежность взрослого сына, выросшей дочери? Принесет ли он счастье или войдет в дом болью, разладом, бедою? И пока молодые бегают на свидания и бродят, обнявшись, до белой утренней зорьки, позабыв обо всем на свете — и о матери тоже, она не спит, она думает, она перебирает в памяти мельчайшие подробности детских и отроческих лет своего ненаглядного дитя и жарко молит судьбу, чтобы сберегла его, не ушибла горем, чтобы одарила жизнью прекрасной и светлой, как ясный майский день в черемуховом цветку.

Но разве не случалось, что черемуховый цвет осыпался без времени, оседал на материнском сердце горьким пеплом неизбывной печали?.. Было время, когда на родную землю пришел враг. В черном вдовьем платке, повязанном по самые брови, мать бежала вслед за сыном, уходившим в солдатском строю, и душила в себе рвущийся крик, из последних сил улыбалась ему помертвелыми губами, чтобы ободрить его, идущего на смертный бой...

И вот где-то во вьюжной степи, изрытой воронками взрывов, вспаханной гусеницами танков с паучьей свастикой на боках, ее сына, ее кровинку, повстречала вражеская пуля. Он упал вниз лицом, обнимая руками землю, как обнимают мать, и напоследок позвал меркнувшим голосом:

— Мама...

Ты была далеко, мать. Ты не могла в то смертное мгновение заслонить собою свое дитя, вторично подарить ему жизнь — пусть даже ценой собственной жизни. А если бы была такая невыносимая возможность, то ты сделала бы это, не размышляя, не медля ни минуты.

Под Москвой и на Смоленщине, в белорусских лесах и в сожженных степях Сталинграда, на крутосклонах Днепра и на тихой Висле, в Карпатских горах и в окрестностях Златой Праги — миллионы и миллионы могильных холмиков остались бессмертными вехами на трудном пути освобождения.

Осиротевшая мать солдата, ты не одна на свете. Все матери земли разделили твою утрату. Все дети земли благодарны тебе, что вырастила настоящего мужчину, патриота и воина, в трудный для всех час заслонившего грудью свой народ и другие народы планеты от фашизма. И сколько бы зим и лет ни пронеслось над миром, никогда не сотрется в людской памяти воинский подвиг твоего сына и твой незаметный и незначительный материнский подвиг.

...Живут на свете матери. Молодые и давно поседевшие. Те, что только учатся пеленать новорожденного, и те, которые вырастили детей и проводили их в дальнюю дорогу, в большую жизнь. Каждая из них достойна уважения и почитания, потому что она — Мать. Но среди миллионов и миллионов матерей были и есть такие, что подарили миру сыновей и дочерей, ставших гордостью народа. Благодарная память людей хранит образ Марии Александровны Ульяновой, вырастившей и благословившей на праведную борьбу целую плеяду революционеров и среди них самого светлого Человека Земли — Владимира Ленина. Все лучшие материнские качества — самоотверженную, умную любовь, негибаемую твердость духа и мужество сердца — собрала в себе эта скромная интеллигентная женщина из Симбирска. Недаром мудрец заметил, что у всех гениальных людей были замечательные матери...

А разве мы не вправе восхищаться матерями, воспитавшими летчиков-космонавтов, принесших славу Отчизне?

Совсем недавно мир услышал еще об одной замечательной матери: Марии Семеновне Береговой. Она вырастила трех сыновей, один сложил голову в боях за Родину в Отечественную войну, а два, уцелевшие, стали генералами. Ее средний сын, дважды Герой Советского Союза, летчик-космонавт Георгий Тимофеевич Береговой прославил свою Отчизну новым подвигом.

В каждом подвиге незримо присутствует Мать. Та, что не только дала жизнь, но и вскормила, вырастила, привила будущему герою лучшие человеческие качества, научила трудолюбию, воспитала мужество и верность гражданскому долгу. Чествуя героя, мы одновременно чествуем его мать.

Конечно, не одна она лепит, воспитывает личность. Весь наш строй, наше социалистическое общество, наша партия с младенчества и до зрелых лет направляет, формирует, создает нового человека, советского гражданина, преданного идеалам коммунизма.

...Нет, не одни только милые радости и мимолетные тревоги несет в себе материнство! Ведь это прежде всего от тебя, мать, зависит, каким вырастет человек. Будет ли он нашей общей гордостью, нашим героем. Проживет ли он полезную, разумную, яркую жизнь — или окажется пустоцветом. Одарит людей богатством ума и сердца — или тяжким балластом ляжет на плечи общества...

Нашим матерям не приходится бояться за будущность своих детей. Идите, юные, в жизнь — вы ее хозяйка! Живите для общества блага и находите в этом личное счастье и удовлетворение — таков человеческий закон нашего строя. Умейте быть счастливыми. Правда, никакое умение не приходит само собою. Ему надо учиться, его нужно постигать, к нему следует знать пути-дороги. И у истоков этих путей-дорог, у истоков каждой человеческой жизни стоит мать. С нее первой спрос, и первой ей признание общества за ее материнский труд.

Мать. Мы всегда в долгу перед нею. Хлопотливая, неутомимая, вечно озабоченная нашими делами, всегда готовая пожертвовать ради нас своим покоем и благополучием, принимающая наши радости и горести, как свои, — нет, ближе, горячее, чем свои! — чем мы оплатим ее святую, бескорыстную любовь? Лишь ответной любовью и признательностью да еще ежеминутным, нежным

Георгий Тимофеевич Береговой выступает на пресс-конференции в Москве.

Фото А. МОКЛЕЦОВА.

ЧЕЛОВЕК ШАГАЕТ К ЗВЕЗДАМ

Мать Георгия Тимофеевича Мария Семеновна и старший брат космонавта — генерал-лейтенант Михаил Тимофеевич Береговой.

вниманием к ней... Но мы все спешим, торопимся, увлекаемые потоком жизни, и нередко забываем лишний раз написать ей письмо, если она вдалеке, поцеловать, уходя на работу, если она рядом. Безотчетно, с безмятежностью детей принимаем как должное ее терпеливую доброту и бескорыстное служение, откладывая благодарность на потом. Так человек наслаждается солнечным теплом, не задумываясь о его источнике, и с беско-

Еще одно имя запомнила на века наша планета — имя советского космонавта Георгия Тимофеевича Берегового.

Четверо суток парил в невесомости над планетой гражданин нашей страны. Миллионам людей телевизор позволил увидеть, как проходила космическая вахта, как творился подвиг.

Да, каждая минута, проведенная человеком в космосе — работает ли он у приборов, спит, завтракает или ведет наблюдения, — это подвиг. И нужно обладать незаурядным мужеством, чтобы там, за сотни километров от Земли, в холодном космосе, в пустоте, от которой отделяют только тонкие стенки корабля, работать спокойно и уверенно.

Зачем же испытывать смелость человека? Разве не могут заменить его автоматы, приносящие ученым из заоблачных высей необходимую информацию? Конечно, современный космический корабль, ведомый приборами, в состоянии выполнить широкую исследовательскую программу. Возможности автоматических аппаратов все увеличиваются. Но автоматы никогда не смогут полностью заменить человека. И дело здесь не только в объеме информации. Это человек, а не автоматы, мечтает о звездах. Автоматы — лишь помощники его в дерзновенном порыве. А в будущем, когда далеко-далеко пролягут космические пути, разве можно будет целиком довериться автоматам?

Летчик-космонавт Георгий Тимофеевич Береговой свершал свой подвиг с удивительным спокойствием. У многих людей, следивших за его полетом, пульс от волнения бился чаще, чем у него. В этом спокойствии отразилось и мужество бывшего воина, и мастерство летчика-испытателя, и уверенность в надежности советского корабля.

Отечественная наука и техника вновь подтвердили свой высочайший класс. «Союз-3» — удивительный корабль, созданный для многодневных космических путешествий. На этот раз он летал четыре дня — такова была программа полета, — но мог бы находиться в рейсе до 30 суток. В зарубежной печати «Союз-3» называли космической двухкомнатной квартирой из спальни и кабинета. Действительно, обитаемая часть корабля — два отсека с общей кубатурой девять метров — это по космическим нормам целый зал. Мы видели его на экранах своих телевизоров, видели и кабину пилота и орбитальный отсек, где Г. Т. Береговой проводил научные исследования и где он отдыхал на специальном диване. «Жилые помещения» соединены между собой герметическим люком. Семь окон-иллюминаторов дают возможность обзора звездного неба.

Другая особенность этого космического корабля — прекрасный микроклимат. На протяжении всего полета поддерживаются за-

нечным и — увы! — бесполезным сожалением замечает его отсутствие только после того, как солнце зайдет за тучу или вовсе скроется за горизонтом. Но солнце назавтра снова взойдет, а ушедшие не возвращаются...

Так не будем же ничего откладывать на завтра, на потом — ни письма к матери, ни заботы о ней, ни признательности за все доброе, что в нас она вложила.

данные давление, температура и состав воздуха. Поэтому Георгий Тимофеевич обходился без защитного скафандра.

Выдерживать в определенных пределах температуру не так просто. В солнечных лучах металлический корпус быстро нагревается, а когда корабль уходит в тень Земли, он так же быстро остывает. Но особенно опасен период посадки. Врезаясь с огромной скоростью в воздушную оболочку планеты, корабль раскаляется от трения и может сгореть, как сгорают метеоры. Чтобы этого не случилось, металлический остов корабля снаружи и внутри одевают в специальные защитные одежды. Поэтому к моменту приземления в кабине пилота не жарче, чем в летний день на улицах Москвы.

Есть еще одна сложность в космическом полете — это перегрузки. Космический корабль при входе в атмосферу может тормозиться так сильно, что перегрузки станут опасными для пилота. В это мгновение он почувствует себя так, словно его собственный вес увеличился в несколько раз. Чтобы гасить скорость более плавно, корабль «Союз» использовал принцип спуска с аэродинамическим качеством, что позволяет в два-три раза снизить перегрузки и значительно повысить точность приземления.

«Меткость» при посадке «Союза» была снайперской. Не успел космонавт открыть люк, чтобы вдохнуть воздух Земли, а в иллюминатор уже глядело смеющееся лицо. «Выходи, довольно тебе сидеть там», — шутили встречавшие Берегового представители службы поиска... Надо сказать, что процесс приземления космического корабля довольно сложен. Сначала включается специальный тормозной двигатель. Идет постепенный спуск с торможением в атмосфере. Когда до Земли остается всего 9 километров, раскрывается тормозной парашют. Его надувшийся купол еще больше замедляет спуск корабля. Затем раскрывается основной парашют. И, наконец, перед самым соприкосновением с земной твердью срабатывают тормозные пороховые двигатели системы мягкой посадки; спускаемый аппарат проходит последний метр и мягко садится на поверхность.

...Все более и более самостоятельным становится человек в космосе, космонавты стали настоящими капитанами космических кораблей. Корабль «Союз» снабжен реактивной двигательной установкой. Она позволяет изменять орбиту, а также используется при спуске корабля на Землю.

За день до своего взлета Георгий Тимофеевич Береговой провожал в путь беспилотный корабль «Союз-2». Прошли сутки — и «Союз-3», пилотируемый Береговым, и беспилотный «Союз-2» сблизилась в космосе. Сблизжение осуществлялось автоматически. Но когда между кораблями оставалось всего двести метров, летчик-космонавт взял управление на себя. Отработка основных режимов ручного управления кораблем была одной из задач в большой программе научных и технических исследований, которую осуществлял Георгий Тимофеевич.

Так были проверены возможности широкого маневра корабля «Союз» и точность работы автоматики.

Для чего нужна эта возможность сближения в космосе? Она сослужит неоценимую службу при дальних космических рейсах. Нелегко оторвать от планеты и послать в невесомость большой груз. Проще доставлять его в космос по частям и уже там, на перекрестках будущих космических трасс, собирать целое из отдельных деталей.

...Семья космонавтов пополнилась еще одним героем, а космический флот — новым кораблем. Советский народ вписал новую страницу в летопись исследования космоса.

Р. ЩЕРБАКОВ

Рисунок С. ТИТОВОЙ.

Новогодний подарок

Виктор ДРАГУНСКИЙ

Рассказ

Это был последний день занятий в школе. Пахло зимними каникулами, елкой и мандариновыми корками. Я пришел из школы, поел и влез на подоконник. Мне давно уже хотелось посидеть у окна, поглядеть на прохожих и самому ничего не делать. А сейчас для этого был подходящий момент. И я сел на подоконник и принялся ничего не делать. В эту же минуту в комнату влетел папа. Он сказал:

— Скучаешь?

Я ответил:

— Да нет... Так... Отдыхаю. А когда же наконец мама приедет? Нету уже целых десять дней!

Папа сказал:

— Держись за окно! Покрепче держись, а то сейчас полетишь вверх тормашками! Я на всякий случай уцепился за оконную ручку и сказал:

— А в чем дело?

Он отступил на шаг, вынул из кармана какую-то бумажку, помахал ею издали и объявил:

— Через час мама приезжает! Вот телеграмма! Я прямо с работы прибежал, что-

бы тебе сказать! Обедать не будем, пообедаем потом все вместе. Я побегу ее встречать, а ты приberi комнату иждидайся нас, договорились?

Я мигом соскочил с окна:

— Конечно, договорились! Ур-ра! Беги, не теряй времени, вези поскорее маму! Папа метнулся к дверям. А у меня начался аврал, как на океанском корабле. Аврал — это большая приборка.

— Раз, два! Ширк-шарк! Стулья, по местам! Смирно стоять! Веник, совок! Подметать! Живо! Товарищ пол, что это за вид? Блестеть! Сейчас жел кем я молодец! Какой помощник! Гордиться нужно таким ребенком! Я, когда вырасту, знаете, кем буду? Я буду — ого! Я буду даже огого! Ого-гу-га-го! Вот кем я буду!

И я долге орал и выхвалялся напропалую, чтобы не скучно было ждать маму с папой. В конце концов дверь распахнулась, и в нее снова влетел папа! Он был весь взбудораженный, шапка на затылке! Он один изображал целый духовой оркестр и дирижера этого оркестра заодно. Папа размахивал руками.

— Дзум-дзум! — выкрикивал он, и я понял, что это бьют огромные турецкие барабаны в честь маминого приезда.

— Пхыйнь-пхыйнь! — поддавали жару медные тарелки.

Дальше закричал сводный хор в составе ста человек. Папа пел за всю эту сотню, но так как дверь за собой папа не закрыл, я выбежал в коридор, чтобы встретить маму.

Она стояла возле вешалки с каким-то свертком на руках. Мама мне ласково улыбнулась и тихо сказала:

— Здравствуй, мой мальчик! Как ты поживал без меня?

Я сказал:

— Я скучал без тебя.

Мама сказала:

— А я тебе новогодний сюрприз привезла!

Я сказал:

— Самолет?

Мама сказала:

— Посмотри-ка!

Мы говорили с ней почему-то очень тихо. Мама протянула мне сверток, и я взял его.

— Что это, мама? — спросил я.

— Это твоя сестренка Ксения, — все так же тихо сказала мама.

Я молчал.

Тогда мама отвернула кружевную простынку, и я увидел лицо своей сестры. Оно было маленькое, и на нем ничего не было видно. Я держал сверток на руках изо всех сил.

— Дзум-бум-трум! — Это появился из комнаты папа.

— Внимание, — сказал он дикторским голосом, — мальчику Дениске в честь новогоднего праздника вручается живая, свежая сестренка Ксения. Длина от пяток до головы пятьдесят сантиметров, от головы до пяток — пятьдесят тоже! Чистый вес — три кило двести пятьдесят граммов, не считая тары.

Он сел передо мной на корточки и подставил руки под мои, наверно, боялся, что я уроню Ксению. Он спросил у мамы уже своим, нормальным голосом:

— А на кого она похожа?

— На тебя, — сказала мама.

— А вот и нет! — воскликнул папа.

Она в своей косыночке очень смахивает на симпатичную народную артистку республики Корчагину-Александровскую, которую я очень любил в молодости. Вообще я заметил, что маленькие дети в первые дни своей жизни все бывают очень похожи на прославленную Корчагину-Александровскую. Особенно похож носик. Носик прямо бросается в глаза.

Я все стоял со своей сестрой Ксенией на руках, как дурень, и улыбался.

Мама сказала с тревогой:

— Осторожнее, умоляю, Денис, не урони.

Я сказал:

— Ты что, мама? Не беспокойся! Я целый детский велосипед выжимаю одной левой, неужели же уроню такую чепуху?

А папа сказал:

— Вечером купать будем! Готовься!

Он взял у меня сверток, в котором была Ксенька, и пошел. Я пошел за ним, а за мной мама. Мы положили Ксеньку в выдвинутый ящик от комода, и она там спокойно лежала.

Папа сказал:

— Это пока, на одну ночь. А завтра я куплю ей кроватку, и она будет спать в кроватке. А ты, Денис, следи за ключами, как бы кто не запер сестренку в комод. Будем потом искать, куда подевалась...

И мы сели обедать. Я каждую минуту вскакивал и смотрел на Ксеньку. Она все время спала. Я удивлялся и трогал пальцем ее щеку. Щека была мягкая, как сметана. Теперь, когда я рассмотрел ее внимательно, я увидел, что у нее длинные темные ресницы...

Вечером мы стали ее купать. Мы поставили на папин стол ванночку с пробкой и наносили целую толпу кастрюлек, наполненных холодной и горячей водой, а Ксения лежала в своем комодике и ожидала купания. Она, видно, волновалась, потому что скрипела, как дверь, а папа, наоборот, все время поддерживал ее настроение, чтобы она не очень боялась. Папа ходил туда-сюда с водой и простынками, он снял с себя пиджак, засучил рукава и ластиво покрякивал на всю квартиру:

— А кто у нас лучше всех плавает? Кто лучше всех окунается и ныряет? Кто лучше всех пузыри пускает?

А у Ксеньки такое было лицо, что это она лучше всех окунается и ныряет, — действовала папина лесть. Но когда стали купать, у нее такой сделался испуганный вид, что вот, люди добрые, смотрите: родные отец и мать сейчас утопят дочку. И я тут как раз вовремя подсунулся под мамин локоть и дал Ксеньке свой палец. И, видно, угадал, сделал, что надо было: она за мой палец так схватилась (ого-го!) и совсем успокоилась. Так крепко и отчаянно ухватилась девчонка за мой палец, ну просто как утопающий за соломинку. И мне стало ее жалко оттого, что она именно за меня держится. Держится изо всех сил своими воробьиными пальчиками, и сквозь эти пальцы чувствуется ясно, что она мне одному доверяет и что, честно говоря, купание для нее — мука и ужас, риск и угроза. И надо спасаться: держаться за палец старшего, сильного и смелого брата.

Когда я обо всем этом догадался, когда я понял наконец, как ей трудно, бедняге, и страшно, я сразу стал ее любить.

А потом... потом уже поздно вечером в кровати я все думал про то, как завтра сам наряжу для Ксеньки елку, и про то, что никто из ребят не получил сегодня такого удивительного новогоднего подарка.

О самом родном человеке

ЖИЗНЬ — НАСТАВЛЕНИЕ

Директор любого завода — человек всегда занятый. И все-таки Владимир Алексеевич ЕРМОЛАЕВ, директор московского завода «Серп и молот», сразу выкроил время для этого интервью.

— Какие наставления матери вам особенно пригодились в жизни?

— Наставления? Насколько помню, наставлений вообще я не слышал, мама до них не охотница была. Но ее собственная жизнь стала для меня наставлением. Шли двадцатые годы. Мы жили тогда в рабочем пригороде Казани. Родители мои, окончившие в свое время гимназию, учительствовали. В нашей округе грамотных, особенно среди женщин, было раз-два и обчелся. А люди тянулись к новой жизни, к знаниям. И скольким из них помогла мама овладеть грамотой, как сейчас принято говорить, «на общественных началах» — учила их читать и писать. Мы с сестрой всегда присутствовали на этих занятиях. И до чего же мы гордились своей мамой!

Однажды летней ночью случился большой пожар. Загорелся наш дом, вернее, дом хозяйки, у которой мы снимали комнату. Тесовый,

он вспыхнул, как спичка. Начался переполох, спросонья люди не сразу сообразили, в чем дело. Мне рассказывали после, что только мама не растерялась. Она первой кинулась в огонь спасать спящих ребятишек. И потом уже все за ней...

Помню, мама всегда была занята: то самодеятельность в нашей школе организует, то какой-нибудь кружок. А как она отличалась на чужую беду! У соседки несчастье, значит, мама там.

— Доставляли ли вы своей матери огорчения?

— Наверное. Никогда не забуду, как увидела она меня на улице с папиросой. Ну, думаю, пропал, теперь не избивать наказания. До этого я много наслушался от своих однонашников, мол, родители за такие проделки по голове не гладят. Вернулся домой — мама молчит. Хоть бы слово! Но вижу: расстроена, почти больна. Уж лучше бы выругала! С тех пор не курю.

— Кем она хотела видеть вас в будущем?

— Мама никогда не навязывала мне, что делать, — идти работать, учиться. Она

доверяла мне. Она одобрила мой выбор, когда я решил поступить в школу ФЗУ при заводе «Серп и молот», хотя, возможно, мечтала для меня о другом. В институт я пошел уже потом, работая на заводе. Незадолго до войны увлекся я парашютным спортом. Бывало, еду на аэродром на ночные прыжки, возвращаюсь рано утром — мама не спит. По глазам вижу, что всплакнула. Но, стараясь казаться спокойной, только спрашивает: «Как прыгнул?» За это я был ей очень благодарен.

— Что вы подарили матери со своей первой получки?

— Тридцать первый год. Я — ученик школы ФЗУ. Первая получка — 32 рубля. Как же я бежал с ними домой, чтобы вручить маме! Годы трудные были, хлеб получали по карточкам... Вспомнил, что мама любит хризантемы. Купил горшок цветочек. Правда, по дороге они у меня изрядно помялись. Видите ли, дарить цветы в то время считалось буржуазным пережитком. И пока я их нес в руках, пришлось выслушать немало насмешек от своих же друзей. Но для мамы...

Клавдия Григорьевна Обухова с сыновьями Виктором (слева) и Толей в музее. Фото А. ТЕРЗИЕВА

СЧАСТЛИВАЯ

В. КОНОНЕНКО

Смеркалось, когда они вышли на улицу. Было скользко, и Толя бережно поддерживал мать под руку.

Соседки на лавочке зашептались: «Смотрите, Григорьевна опять куда-то с сыном отправилась. В кино, верно, или в театр. Вот ведь, молодой парень, а не стесняется с матерью ходить. Счастливая она, Клавдия...»

«Счастливая...» Так говорили мне о Клавдии Григорьевне Обуховой и на «Уралмаше», в чугунолитейном цехе, где проработала она двадцать с лишним лет. Да она и сама себя счастливой считает. Какое же оно, ее счастье, откуда пришло?

Когда Клавдия Григорьевна думает о светлых минутах своей жизни, память всегда возвращает ее в комнату с низким потолком и подслеповатыми окнами. Клавдия пришла сюда вместе с Сергеем. Теперь это их дом. У нее никогда еще не было своего угла. Выросла она в детском доме, и хоть на судьбу не жаловалась, все-таки жила у нее в глубине души тоска по семейному, теплomu очагу.

Клавдия развязала узел со скарбом, начала устраиваться. Чисто вымыла пол. На кровать водрузила свое «приданое» — огромную подушку в цветастой наволочке, которую купила еще с первой полочки. Комната сразу ожила, словно отогрелась.

Первый сын появился на свет в памятный день — как раз, когда отмечали столетие со дня гибели Пушкина. И назвали его Александром.

Пришла Клавдия из роддома, распоролла свое «приданое», сделала для Сашки маленькую подушку и положила сына в старую ванночку, которую соседи за ненадоб-

ностью выставили в коридор. Александр Сергеевич бодро сосал соску и барабанил в гулкие стенки ванночки мягкими розовыми кулачками. Через год родился второй сын — Володя.

Позже Клавдино хозяйство окрепло. Ребят переселили в никелированную кровать с сеткой. Когда Сергей принес ее из магазина, радости было — не передать. Не знали, в какой угол такую красоту поставить. И еще, подарил муж Клавдии на день рождения крепдешиновое платье василькового цвета. Первое время она и носить его стеснялась: ни у кого на всей улице такого платья не было.

Никогда не забыть тот день, когда уговорил-таки ее Сергей надеть это платье: уж очень она ему в нем нравилась. Отправились они тогда далеко за город. Сергей с Сашкой рыбу удил, Володька рядышком в песке копался. Клавдии захотелось цветов нарвать, чтобы домой привезти, пошла она в лес. В лесу березы что кружево вологодское, земляничкой пахнут. И так у нее на душе хорошо стало, что сама не заметила, как запела. Вдруг из-за деревьев старик вышел: «Ты чего, девка, песни орешь? Война ведь, война!» Сказал, словно топором подрубил.

...Однажды в комнату вбежала соседка. «Слушай, мой с завода пришел, говорит, Сергею бронь дают, а он отказывается, на фронт хочет. Не пускай, ни за что не пускай, ведь третьего ждешь!» Что она ответила ей? Кажется, ничего. Это она про себя подумала: «Разве у меня одной дети?»

Уходили с «Уралмаша» на фронт шихтовщики, формовщики, сталевары. На их места вставали женщины. Пришла в чугунолитейный цех и Клавдия. У стерженщиц работа тяжелая. Это сейчас в цехе многое меха-

низировали, а тогда стержневую смесь в ящики лопатами насыпали. Так намахаешься за смену, к вечеру не разогнешься. «Ты уж побереглась бы, Клавдия, не ровен час повредишь ребенку», — уговаривали ее в бригаде. Да уж где там беречься, такое ли время: танки с завода прямо на фронт шли!

Многие тогда ночевали в цехе, а Клавдия, отработав двенадцать часов, шла домой: Сашку из детсада забрать, Вовку из яслей, постирать, обед приготовить.

Зимой привела к себе женщину с девочкой, беженку из Одессы. Пусть живут. Ничего, что пятеро их теперь в комнатухе, — теплее будет.

Похоронку принесли в феврале. И стало в России одной вдовой больше. Выла за окном пурга, обнимала холодными руками простыльную землю, билась о камни в слепой ярости.

Пластом лежала на полу Клавдия. Хлопотали вокруг соседки, в чувство привести старались. Поднял ее ребенок. Забился, задергался под сердцем...

Третьего сына назвала она Сергеем, в память об отце. Только вскоре сгас Сережка. Похоронила Клавдия сына — и снова в цех. Земляную смесь пополам со слезами в стержни набивала.

Долгие годы после гибели мужа не могла Клавдия остудить свое горе. Но живое всегда к жизни тянется. После войны вышла Клавдия замуж. Первое время Иван к детям хорошо относился, а как появились Витька с Толей, его словно подменили. На Сашку с Володькой волком начал смотреть. И однажды сказал такое, что сразу отпал от сердца. «Не буду я, — говорит, — чужих детей кормить. Если хочешь со мной жить, отдавай их в детдом!»

В тот же час собрала Клавдия вещи мужа и вывела его из дома. Навсегда. И алиментов не взяла. Так и поднимала всех четверых сама.

* * *

Я пришла к Обуховым под вечер. Клавдия Григорьевна была в доме одна. Но поговорить нам не удалось, потому что следом за мной открылась дверь, и на пороге появился Виктор, такой высокий и широкоплечий, что детская коляска с невозмутимым Виталькой, которую он держал в руках, казалась невесомой. Виктор быстро сбросил пальто, и пока Клавдия Григорьевна ставила на кухне чайник, ловко распеленал сына: надо было купать Витальку.

Пришел с работы Толя и тут же, засучив рукава, стал помогать брату.

В доме у Клавдии Григорьевны удивительно уютно. Простая мебель, большой семейный стол, шкафы с книгами, телевизор. Не знаю почему, но мне сразу показалось, что людям, которые здесь живут, хорошо вместе.

Зазвенел звонок в прихожей: пришел еще один высокий черноволосый парень. «Ага,— ехидно сказал Виктор, вынося из ванной укутанного Витальку,— опять явился! Видно, несладко тебе с тещей живется, все к нам бегаешь?» «При чем тут теща? — отбивался Александр.— Просто соскучился. Ну, говорите, в чем моя помощь требуется?» «Ужин помоги уничтожить!»

Все было готово к ужину, но почему-то никто не садился за стол. Клавдия Григорьевна задержалась на кухне. «Вы там без меня начинайте, не ждите»,— уговаривала она сыновей. Но ни Саша, ни Виктор, ни Толя так и не сели за стол, пока не пришла и не села мать. «Вот упрямые»,— улыбнулась Клавдия, но я не могла не заметить, как ей это приятно.

За столом разгорелся семейный спор: кому носить новую куртку? Куртку купил сегодня Толя. Себе. Пришел из магазина, заставил Виктора примерить обновку и тут же решил: «Носить будет Витка, а я и в старой прохожу...»

Клавдия Григорьевна рассказывала мне потом: «Они у меня с детства такие. Бывало, с завода придешь усталая — ложка из рук валится. Если бы не старшие, не знаю, что бы я делала. А Саша с Володей и за малышами в детский сад ходят, и в магазин сбегают, и ужин какой-никакой приготавливают, и комнату приберут. А как работать пошли — ни копейки из своей полочки не истратят, все в дом несут. Легко мне с ними было...»

Легко ли?

Жили Обуховы тесно. Квартиру-то новую Клавдии Григорьевне перед самой пенсией дали. Это за других она хлопотать могла, а для себя никогда ничего не просила, не требовала.

Комнатушка одна, и всегда полно народу. Чуть ли не вся ребятня со двора у Обуховых толкалась: тетя Клава не прогонит, не будет кричать, что насорили да наследили.

Всегда Клавдия Григорьевна знала, кто из ребят с кем дружит. И сыновья в дом, а не из дома тянулись. Праздник — придут к ним товарищи, и мать обязательно всех пригласит к столу, угостит, чем может... И, наверное, в этой ее доброте, в уважительном отношении к ребятishкам было больше мудрости, чем в целом своде педагогических статей.

Это уже сейчас, став взрослыми, понимают ее сыновья, во что обходились матери все их увлечения. А тогда...

В тесной комнате, что ни день, появлялись новые обитатели. То черепаха, то синица, с пяти утра начинающая петь, то ежик, кото-

рый днем тихонько сидит под кроватью, а ночью будит всех, стуча своими коготками. Все это были Сашины подопечные. Больше всего на свете любил он зверей. Однажды притащил со двора собаку с перебитой лапой. Клавдия так и ахнула. Да куда же его, такого огромного пса? И положить-то негде. И еды на него не напасешься... Но тут же принялась помогать Сашке перевязывать пациента.

Стала Сашина детская страсть делом его жизни. Окончил сельскохозяйственный институт, работает ветеринарным врачом. «Наш звериный доктор... Наш Айболит»,— подшучивают над ним братья.

Виктор и Толя с младших классов техникой увлеклись. У них было свое хозяйство: какие-то болты, гайки, разобранные будильники. И мать никогда не забывала в зарплату выделить рубль-другой своим «кинженерам», потому что им то новый конденсатор до зарезу нужен, то паяльник. Лишние деньги в доме — смешно сказать об этом! Конечно, их никогда не было. Но Клавдия Григорьевна покупала мальчишкам книги, выписывала им любимые журналы: «Знание — сила», «Техника — молодежи», «Наука и жизнь». А по ночам сама их читала. Все хотела понять, чем же интересуются ее сыновья. Но с каждым годом становилось это труднее. Витя еще в восьмом классе «Физику для всех» Ландау проштудировал. Учителя всегда хвалили его, да и сейчас он один из лучших студентов на физико-техническом факультете. Английский знает, любую статью без словаря переведет.

А начинал Виктор свою самостоятельную жизнь на ее заводе, как Саша в свое время, как младший, Толя, сейчас. Клавдия Григорьевна считала, что нужно обязательно мальчишкам заводскую школу пройти. А там уж видно будет, кто победит в них: работая жилка или тяга к науке.

И Володя вот — тоже. Вчера получила от него телеграмму: «Принят аспирантуру института народного хозяйства тчк Привет братьям-богатырям тчк Спасибо тебе мама». Только сейчас, в тридцать лет, будет Володя учиться, не зная других забот. Школу он окончил вечернюю, институт из братьев.

Началось с того, что Володя просто хотел помочь матери. Он варил суп, разогревал братишкам завтраки и ужины, а потом увлекся всерьез. И стал вместе с матерью стрелять бельями, лепить пельмени. Приятели подшучивали над Володькой, когда заставляли его у плиты в фартуке и с поварешкой в руках. А когда узнали, что он собирается учиться на повара, и вовсе засмеяли: «Повар? Ты с ума сошел! Бабское же дело!» Подбадривала его только мать: «Это хорошо, сынок, если человеку какая работа по душе. И я тебе скажу: в каждом деле свои профессора есть».

Говорила она в то время не про научные степени и звания, а про рабочее мастерство. И получилось — как в воду глядела. Будет ее Володя ученым.

Говорят, в каждом человеке можно разглядеть его мать, и не только по внешнему сходству.

Ребята с детства чувствовали, что завод для их матери не просто место, где она работает. Возвращаясь домой, она рассказывала им про то, что готовится «Уралмаш» к выпуску новой машины, и поэтому их бригада сегодня осваивает формовку необыкновенных деталей. Про то, что решено строить два новых дома и новый пионерский лагерь в красивом месте. «Построят, отправятся и вы туда на все лето...» — говорила она, довольная, мальчишкам.

Они знали, что их мать — коммунистка. И незаметно для себя постигали, что это зна-

чит быть коммунистом. Часто слышали от женщин-соседей, которые работали рядом с ней: «Клавдия — это человек! Увидит непорядок — не смолчит. И рабочему в глаза выскажет и начальнику цеха, если надо...»

Мать часто задерживалась на заводе: собрание партийное, заседание женсовета. И всегда она о ком-то хлопотала: то чужого ребенка в детский сад устраивала, то «до-ставала» кому-то квартиру.

И мальчишки с детских лет научились понимать чужую боль, откликаться на чужое горе.

Как-то заболел Володин товарищ, попал в больницу. Братья целый месяц бегали его навещать. А потом по всем предметам с ним занимались, чтоб от класса не отстал. Клавдия Григорьевна не обижалась на них, если по дому что-нибудь не успевали, понимала: нельзя друга в беде оставить.

Никто из сыновей Клавдии Григорьевны не может вспомнить такого случая, чтобы мать не помогла им, не поддержала.

Вите только исполнилось двадцать, когда он невесту в дом привел, тоненькую девочку с косичками. «Невеста! — думала Клавдия Григорьевна, разглядывая Люду.— Поди, школу только что окончила. Им с Виткой учиться да учиться, а они жениться надумали». Всю ночь проплакала, а сыну вида не подала. Справили свадьбу. Пришла Люда в дом к Клавдии Григорьевне, тихая такая, лишнего слова не скажет. Потом признавалась, смеясь, что она Клавдию Григорьевну боялась: все-таки свекровь, не мама. А сейчас чувствует себя так, словно в этой семье родилась.

Появился внук, и Клавдия Григорьевна оградилась Людой от многих забот. «Нельзя»,— сказала,— Людочке институт бросать. Силы пока у меня есть. Сама за Виталькой догляжу. Да и понимаю я в таком деле больше вас, молодых».

* * *

Счастливая Клавдия... Она сидит с сыном в театре, положив на колени тяжелые руки. Толя слушает музыку. Нет-нет, да и взглянет на мать.

Толя еще не научился понимать жизнь, как понимает ее мать, не было у него ни большой любви, ни большого горя. Может быть, поэтому музыка и не затрагивает его так глубоко, не волнует так сильно, как маму? Ведь и в оперу он пошел потому, что мать не хотел обидеть. И еще потому, что она сказала: «Не понимать хорошей музыки человеку стыдно...»

Всегда она хотела, чтобы сыновья умели понимать прекрасное. Несколько лет назад привела Клавдия Григорьевна Толю в музей. И там он увидел настоящее чудо, только рукотворное, — знаменитое каслинское литье. Диковинные птицы и цветы в черной ажурной решетке огромного павильона. Все сооружение казалось легким, словно висающим в воздухе.

— Вот,— сказала ему мать,— что рабочий человек может из чугуна сделать. Всякое чудо на земле рабочими руками создается. Запомни это, сынок.

* * *

Есть люди, которых однажды встретишь и унесешь в своей памяти навсегда. И неважно, увидишься ты с ними снова или нет, они будут незримо идти рядом, станут критерием твоих поступков, твоими судьями и совестью.

Именно таким человеком будет для меня Клавдия Григорьевна Обухова.

г. Свердловск.

Крестины

Я и тогда, в 1923 году, жила в Москве. Коммунисты Щепетильниковского трамвайного парка избрали меня секретарем парторганизации.

Как-то летом, в июле или в августе, пришел в партком пожилой рабочий и заявил:

— У меня жена родила. Не хочу ребенка нести в церковь. Октябрить буду.

— Очень хорошо,— говорю ему,— обязательно организуем октябрины.

— Только у меня просьба... Вот если бы моего ребенка либо товарищ Калинин октябрил, либо Крупская.

Я опешила и даже подумала, что рабочего подослали эсеры с целью какой-нибудь провокации.

Попросила его подождать до завтра, а сама думаю: «Что делать?» В это время зашел в партком старый член партии Петр Немудров. Он мне и подсказал:

— А ты позвони Михаилу Ивановичу или Надежде Константиновне — что они тебе посоветуют.

Служебного телефона Надежды Константиновны я не знала, а звонить на кварти-

ру товарища Ленина не хватило смелости. Но все-таки беру телефонную трубку, прошу Кремль. Дозвонилась до товарища Калинина, собралась с духом и сказала ему о просьбе рабочего.

Выслушал меня товарищ Калинин, отвечает:

— Я, конечно, приехал бы, да сейчас очень занят, но я вам помогу, договорюсь с Надеждой Константиновной.

Минут через сорок звоню Надежде Константиновне. Говорю, кто я и что. Она объясняет, что Михаил Иванович ей уже звонил.

— Назначайте собрание, приеду.

Я говорю:

— Надежда Константиновна, когда вы скажете, тогда и соберем.

— Нет, нет! Вы назначайте и скажите мне о времени.

Радости нашей не было границ. В назначенный день и час приехала в наш трамвайный парк Надежда Константиновна. Тепло поздоровалась с нами, мы представили ей родителей ребенка. Открыли митинг. Отец ребенка сказал Надежде Константиновне несколько благодарственных слов, мать положила ей на руки ребенка. Крупская с

малышом на руках пожелала родителям воспитывать сына честным тружеником и преданным Родине человеком.

Закончился митинг, но не хотелось расставаться с Надеждой Константиновной.

Рассказали мы ей о трудностях нашей работы.

— Ничего, смелее! — подбодрила она. — Выйдет, все выйдет, мы теперь сильнее, чем наши враги.

...А ведь где-то живет, наверное, «крестник» Крупской.

М. ЯКОВЛЕВА

«Быть гордой!»

Это было в феврале 1933 года. Я работала секретарем отдела рабочего образования Ленинского райсовета Москвы. На собрании учителей школ рабочей молодежи Надежда Константиновна Крупская делала доклад о библиотечной работе.

После доклада нужно было показать Надежде Константиновне протокол. Не дожидаясь конца собрания, я убежала с бумагами за сцену в какую-то маленькую комнату, вероятно, ар-

тистическую, и стала лихорадочно переписывать свои записи: как бы не задержать Надежду Константиновну. А через несколько минут вошла и она сама. Спросив, не помешает ли, устало опустила на скамью рядом со мной.

— Не спешите, девочка, я подожду,— успокоила меня Надежда Константиновна, поняв мое волнение.

А у меня вдруг брызнули слезы, потому что я была совсем не девочкой, а матерью двух детей, покинутой мужем.

Я тут же рассказала Надежде Константиновне, как горько переживаю разрыв с мужем.

— Женщина-мать должна быть гордой,— сказала, выслушав меня, Надежда Константиновна. Она стала говорить мне, что в Советской стране женщина может достигнуть всего, чего захочет, что вырастить детей мне поможет государство, и еще сказала: если человек оставил двух таких маленьких детей, то он не стоит слез. «Помните: наша женщина должна быть гордой»,— повторила Надежда Константиновна, когда мы прощались.

С тех пор никто не видел моих слез.

К. ПЕТРОВСКАЯ

Управители государства

Этой фотографии сорок один год. Ее прислала в редакцию наша читательница из Ташкента, старая коммунистка Любовь Нестеровна Шамшурова. Председатель сельского Совета из Яранского уезда, Вятской губернии, Любовь Шамшурова была делегаткой Всесоюзного съезда работниц и крестьянок — членов сельских, городских и волостных Советов, который проходил в Кремле с 10 по 16 октября 1927 года. Собрались, как сказала одна делегатка, «управители государства».

За первые десять лет Советской власти в строительство новой жизни включились сотни тысяч работниц и крестьянок, их надо было учить управлять страной,— об этом и шла речь на съезде. Открыл его М. И. Калинин, а одной из докладчиц была Н. К. Крупская.

Как-то в перерыв делегатки попросили Надежду Константиновну сфотографироваться с ними. Это и есть тот памятный снимок.

Новый год, как известно, встречают в полночь тридцать первого декабря. Но в нашей стране давно родилась добрая традиция — опережать календарь.

Стоял на дворе июль, самый разгар московского лета, в Сокольниках цвели розы, а совсем рядом, на заводе «Красный богатырь», в бригадах Зинаиды Рогалевой и Марии Якубович было новогоднее торжество.

В один из июльских дней кончили они годовое задание и начали работать в счет следующего года. Только следующий для них — не 69-й, а 70-й. Да, эти бригады уже работают в счет последнего года пятилетки. Завершить ее они решили на 18 месяцев раньше срока. Это — их обязательство в честь столетия со дня рождения Владимира Ильича Ленина.

Познакомьтесь (слева направо): Раиса Степанова, Татьяна Тимошина, Раиса Лисицына, Маргарита Сидорова, Зинаида Рогалева, Мария Гуцина, Мария Щербанова, Фира Белозерова, Валентина Адарова, Мария Якубович (у рояля).

Фото Н. МАТОРИНА.

Ю. ПИМЕНОВ. РАННИЕ ЗРИТЕЛИ.

Они снова ехали по темному городу. Молния сверкнула, разорвалась над головой, и первые капли дождя стукнулись о ветровое стекло. Они промчались мимо ресторана «Металлург», освещенного яркими огнями... Здесь, в этом ресторане, Гребенкин во второй раз встретил Люду. Это было... Ведь совсем недавно это было...

...Два лучших сверловщика, портреты которых висели рядом на заводской доске почета, два друга — Гребенкин и Венка Борисов — любили по вечерам толкаться по городским бульварам и паркам с гитарой.

В тот вечер они тоже встретились: не было гитары, но зато в кармане хрустела зарплата. А если в кармане хрустит зарплата, то надо ее тратить. Решили идти в «Металлург».

Венка ушел переодеваться. Гребенкин стоял во дворе, курил, ждал его. Но увидел не Венку, а Настю. Она прошла мимо, Гребенкин засмеялся, сказал:

— Настя, привет.

— Ой, Вася, — удивилась она. — Я тебя сто лет не видела.

— А почему не заходишь? — спросил он. — Мама Вера обижается.

— Некогда. А ты хочешь, чтоб я зашла?

— Конечно. Мама Вера соскучилась.

— А ты?

— И я.

— Правда?

— А ну тебя, — сказал Гребенкин. — Как живешь-то?

Он обнял ее за холодные плечи.

— Что у тебя случилось, Настя?

Она отодвинулась, проговорила с тоской:

— Почему ты меня так обнимаешь? Почему ты всегда меня так обнимаешь, будто я маленькая девочка? Ты кто? Брат? Отец? Кто ты? Не обнимай меня никогда так. Обидно. И вообще, какое право ты имеешь меня обнимать?

— Не заводись, — сказал Гребенкин. — Ведь ты и вправду мне как сестра.

— Братец! — Она хмыкнула. — До свидания!

Гребенкин не хотел отпускать ее в таком состоянии и сказал:

— погоди. Мы с Венкой в «Металлург» решили завалиться. Пошли?

— Ты в самом деле хочешь, чтобы я пошла? Или так? Ты вежливый...

Он снова обнял ее, сказал:

— Не валяй дурака, идем.

— А я вот возьму и пойду, — решительно сказала она.

Настя никогда еще не была в ресторане, она смущенно стояла у дверей, пряча за спину обветренные свои руки. Гребенкин ободряюще обнял ее за талию, повел к столику.

Плыл табачный дым, звякали о тарелки ножи и вилки. Хлопнула пробка шампанского. А на эстраде пел любимец завсегда-ев «Металлурга» Коля Левик, лысый толстяк, одессит.

Они выпили, и Настя сразу же опьянела. Она привалилась к Гребенкину и хихикала. Щеки ее стали красными, и нос был красным, даже уши покраснели.

— Ты дурачок, Вася, — думая, что шепчет ему на ухо, громко говорила она, — ничего не понимаешь. Пойдем потанцуем. Пойдем, Вася, ну, пожалуйста.

Они уже подошли к эстраде, как вдруг будто что-то кольнуло Гребенкина в сердце. Он даже остановился на секунду, боясь оглянуться, боясь ошибиться.

* Окончание. Начало см. в № 11 «Работницы».

ТРЮЕ

Николай ЕВДОКИМОВ

Но он оглянулся и понял, что не ошибся: на него смотрели знакомые глаза, глаза, которые, казалось, он никогда не вспоминал, которые, казалось, давно забыл, но которые, значит, всегда помнил.

— Тебе скучно со мной? Да? — с тоской проговорила Настя. — Я знаю, тебе неинтересно со мной, я знаю...

— Не говори глупости, — ответил он и снова посмотрел туда, где сидела с подругами та, которую он встретил у статуи Прометея. Еще минуту назад он, Гребенкин, был весел и спокоен, а сейчас ему стало тревожно, лихорадочно как-то. Над его ухом что-то говорила Настя, и он заставил себя посмотреть в ее и грустные и счастливые, в ее покорные, укоряющие глаза.

— Ты чем-то расстроена была, когда я тебя встретил? — ласково спросил он. — Да, Настенька?

— Ой, нет, Вася, — просветлев, воскликнула она. — Ничем не расстроена, ты не беспокойся. Я просто устала.

Настины губы были возле его губ, он чувствовал на щеке своей ее теплое дыхание. Ему приятно было смотреть ей в лицо, приятно чувствовать податливость и теплоту ее легкого тела. Любит он ее или нет? Он и сам не знает. Он так привык к ней, что и представить себе не может, что было бы, если бы она ушла из его жизни. Любит он ее или нет? Откуда он это знает? Он только знает, что часто ему не хватает ее, что он всегда думает о ней с нежностью.

— Я ведь с работы ушла, — сказала Настя.

— Опять? — Он засмеялся. За несколько лет она сменила не одну профессию: работала поваром в столовой, ушла, работала продавщицей в магазине — и тоже ушла, и тоже с треском, со скандалом, потому что и тут и там пыталась бороться с воровством. Последние полгода работала трамвайным контролером, билеты проверяла в вагонах — тут-то какое воровство?

— Не смейся, — сказала Настя. — Я не могла больше. Нас заставляли в часы «пик» за пассажирами гоняться. Люди на завод торопятся, висят. Если висят, как они могут билет купить? А мы таких и хватаем. Разбой это. Я и на собраниях говорила и с начальством ругалась — все без толку. Я, знаешь, что делала? Только не смейся, ладно? Я никого не штрафовала. Угу. Я, чтоб план выполнить, своими платила. А потом плюнула и ушла. Правильно?

— Свои деньги — это зря.

— Угу, зря, но что делать? Я и из общезжития выписалась, ну их... Вот неделю то на вокзале, то у подружки ночую.

— Сумасшедшая! Ночевать у нас будешь, — сказал Гребенкин и увидел далекое лицо той, которую встретил у статуи Прометея. Она смотрела на него.

— Душно тут, — сказал он.

— Это от водки, — сказала Настя, — ты не пей больше, ладно?

Она говорила, и кончик ее вспотевшего носа шевелился. Он никогда не замечал, чтобы у нее шевелился кончик носа, это

было не то, чтобы неприятно, но почему-то раздражало Гребенкина.

— У тебя кончик носа шевелится, — сказал он.

— Да? — Настя удивилась. — Смешно?

Он проводил ее к столику, сказал: «Я сейчас» — и пошел туда, где сидела та, которую он уже потерял однажды.

Он пригласил ее танцевать. Она поколебалась, но встала, направилась впереди Гребенкина к эстраде. А потом положила руку ему на плечо, сказала:

— Ну, здравствуйте.

— Я искал вас, — сказал Гребенкин, глядя в ее глубокие ясные глаза.

Пел Коля Левик. Он пел какую-то ослабленную тоскующую песенку по-румынски, и оттого, что слова ее были непонятны, загадочны, песня эта казалась еще более печальной, нездешней, волнующей.

— Я провожу вас, — сказал Гребенкин.

Она помолчала, ответила:

— Не надо.

И снова они молчали и снова смотрели куда-то в сторону.

— Кто эта девушка? — спросила Люда.

Гребенкин проследил за ее взглядом и увидел Настю, которая танцевала с Венкой.

— Настя это, — ответил Гребенкин. — Она мне вроде сестры.

— У нее хорошее лицо, — сказала Люда.

А потом, когда кончился танец, когда Гребенкин проводил Люду к ее товарищам, а сам вернулся к своему столику, Настя спросила его то же самое:

— Кто эта девушка?

— Электросварщица из второго цеха, — сказал Гребенкин беспечным голосом.

— А, — проговорила Настя и замурлыкала что-то под нос, и потому, что она замурлыкала что-то под нос, Гребенкин понял, что Настя не очень поверила его беспечному тону.

Люда и ее товарищи поднялись из-за стола, пошли к выходу. Гребенкин ждал, что она посмотрит в его сторону, но она не посмотрела.

— Домой пора, — сказал Гребенкин.

— Да, пойдём, — согласилась Настя.

На лестнице она остановилась, облокотясь о перила. За спиной ее в огромном окне была видна площадь, фонари на бульваре, огни универмага, вот троллейбус проплыл, может быть, в этом троллейбусе уехала Люда.

— Пойдем, — сказал он.

— Ты меня никогда не будешь любить, я знаю.

Он увидел ее глаза, чуть пьяные, любящие, и отвел взгляд.

Они вышли на площадь. Гребенкин сразу увидел Люду и одну из тех девушек, которые были с ней в ресторане. Они ждали такси.

Все же случилось то, чего хотел Гребенкин, — он проводил в этот вечер Люду. Они сели в одно такси, подруга вышла на полдороге. Потом такси остановилось возле дома Гребенкина. Настя вышла, и Гребенкин тоже стал вылезать вслед за ней, но ему не хотелось вылезать, ему хотелось

остаться, и Настя, наверно, поняла его и шепнула:

— Нехорошо, проводи ее.— И он остался.

Люда жила за железной дорогой в новом районе, который не хотел отставать от Москвы и назывался Черемушками. Еще недавно здесь текла речка Безымянка, ленивая, обросшая зеленью и тростником, в ней было много мусора, много лягушек и больших злых раков.

Люда стала прощаться, но Гребенкин расплатился и отпустил такси.

— Зачем?— спросила она.

Он ничего не ответил. Они стояли вдвоем на пустой широкой улице, в витрине магазина «Мебель» спал шкаф, в дверях дремал сторож, а сверху по крышам домов, как кошка, беззвучно скакала дымчатая луна. Они стояли вдвоем у подножия огромного дома и смотрели друг на друга, зная, что им надо что-то делать, что-то говорить, и не зная, что им надо делать и говорить. И оттого, наверно, было так тихо, так пустынно на улице, что и дома, и молодые, еще слабые деревца, и шкаф, и луна, и даже проснувшийся сторож — все с любопытством ждали, что же будут делать эти двое чужих друг другу, но уже смутно чувствующих свою близость людей.

— До свидания,— сказала Люда.

Она посмотрела на него. Он увидел ее глаза так близко от своих глаз, как тогда у статуи Прометея, глаза, которые, казалось, он забыл, но которые никогда не забывал.

Он нагнулся, хотел обнять ее, но она отстранилась, сердясь, и быстро вошла в подъезд. Он догнал ее.

— Нет, нет, уходите,— сказала она.

Он стоял, слушая ее шаги на лестнице: «Подумаешь, царица-недотрога, чихал я на тебя».

Но хотя он и «чихал» на нее, ему было и обидно, и грустно, и стыдно. Домой он шел пешком. Идти было далеко, и постепенно Гребенкин успокоился.

Только подходя к дому, он вспомнил о Насте и ужаснулся: ей ночевать негде, а он бросил ее возле калитки, сама же она ни за что не войдет в дом. Неужели так и ушла, ищет себе сейчас где-нибудь пристанище?

Но Настя не ушла, она сидела на скамеечке возле калитки, подобрала ноги, и дремала. Он подсел к ней:

— Прости.

— Знаешь, как я перепугалась! Что случилось?

— Ничего. Я пешком шел.

— Не обманывай. Я знаю, ты целовался с ней.

— Вот выдумала,— сказал он.

— Знай,— помолчав, сказала она,— я все про тебя чувствую. У меня сердце так устроено — ты далеко, а я все равно чувствую, хорошо тебе или плохо.

— Не сердце, а транзисторный приемник.— Он засмеялся.

— Угу, только работает на одной волне... Говори, целовался?

— А ну тебя. Испортился твой транзистор... Спать надо.

Однако спать Гребенкину не хотелось. Он, не раздеваясь, лежал в своей комнате. За дверью в столовую мама Вера укладывала Настю. Они шептались, негромко смеялись чему-то. Наконец мама Вера ушла к себе. Щелкнул выключатель, и желтая полоска света под дверью погасла. Стало тихо. Но эта тишина в доме была сейчас не такой, как всегда, она была новой и необычной. Обычно Гребенкин мог в своей комнате хоть молотком стучать, не боясь, что потревожит мать — так далеко она спала. Для двоих дом был огромен, и его ноч-

ная тишина была тишиной пустоты. А сейчас за дверью спала Настя, и Гребенкин старался не шевелиться, чтобы не скрипнуть кроватью и не нарушить Настин сон. Дом был заселен, и его тишина была тишиной жизни. Почему Насте не остаться здесь, сколько же ей шататься по углам и общежитиям? Пусть живет — веселее будет, а маме Vere только радостней. Настя — веселая девчонка, общительная, с ней будет хорошо... Настя, Настя... Отчего это, когда он думает о ней, разговаривает с ней, сердце его сжимается жалостью? Он и сам не знает, почему жалеет ее. Все-таки он, наверно, любит ее...

Гребенкин задремал. Может быть, он дремал всего мгновение, а может, и долго спал, но он очнулся внезапно, услышав за дверью Настины рыдания.

Он встал, потоптался возле двери и, решившись, прошел в столовую. Настя испуганно стихла.

— Ты чурбан,— вдруг зло сказала она.— Я, как дура, в тебя влюблена, я сумасшедшая стала. Без тебя я жить не могу...

— Глупая,— сказал он и поцеловал ее мокрые глаза.

— Не надо,— она рассердилась,— я ненавижу, когда ты меня так целуешь... Я тебе не сестра, я люблю тебя...

— Давай поженимся, Настя,— сказал он.

Она испугалась:

— Не вр!л

— Правда...— сказал он.— Все равно лучше тебя нет никого...

Свадьба была через две недели. Собственно, было три свадьбы: сначала комсомольская во Дворце культуры завода, потом в «Металлурге», где собрались ребята из цеха, и, наконец, дома для Настиных подруг и знакомых мамы Веры. Комсомольская свадьба была грандиозной: домой Гребенкин приволок две охапки поздравительных адресов.

Гребенкин устал от бесконечных торжеств — это ужасно, если жизнь состоит из одних праздников. Но Настя готова была жить так еще двести лет: целоваться под крики «горько», танцевать, искренне хохотать от каждой даже самой несмешной остроты, принимать приглашения и одаривать всех своей улыбкой — у нее было столько счастья, что она охотно делила его со всеми, но и разделив, была полна им до краев.

Да, наверно, Гребенкин устал, иначе чем другим мог он тогда объяснить непонятное свое чувство: все, что происходило в те дни, словно не с ним происходило. Нет, не то чтобы не с ним, но общее веселье словно не затрагивало всего его существа. Какая-то его часть будто не принимала того, что происходило. Это было нечестно по отношению к Насте, но он не мог быть счастливым так же, как она. Тогда он не понимал еще, почему это происходит, или не хотел понимать и, словно бы чувствуя неясную свою вину перед Настей, старался быть с ней еще нежнее, еще ласковее. В «Металлурге» был закуплен весь малый зал, Коля

Рисунок А. ЛЕОНОВА.

Левик пел свои песенки. Поднялся старик Лопухов, сменный мастер, сосед Гребенкина, в который уже раз крикнул «Горько!», и Гребенкин покорно встал, встала и Настя, зардевшись, и они поцеловались.

— Господи, как я тебя люблю! — прошептала Настя.

Она была красива сейчас, она вся светилась восторгом, покорностью, добротой и самоотверженностью. Она слишком любила его.

У всего есть мера, каждый сосуд имеет дно. Но ее любовь не имела ни меры, ни дна. И это пугало Гребенкина. Наверно, ему было бы легче, и ей было бы легче, и всем было бы легче, если бы она меньше любила его.

Он ничего ей не ответил, он только стиснул ее руку под столом, стиснул крепко и искренне, и она поняла это рукопожатие, как и должна была понять: это была клятва в верности, признание в вечной любви. Нет, Гребенкин не лгал ни ей, ни себе, не лгал потому, что тогда он еще не знал, как не знают этого многие люди, что любовь не имеет ни меры, ни дна. Сейчас он был честен: он принимал за любовь то, что было только ее зовом. Любил же он не ее, а Людку.

Да, он виноват перед Настей. Он очень виноват. Если бы можно было все поправить... Но нельзя поправить то, что прошло. Вина остается. Ничто в человеческой жизни не проходит бесследно. Нельзя идти по жизни, топчя людские сердца. Сердце

человеческое вбирает в себя все, что видят глаза, оно все помнит и ничего не забывает. Не потому ли люди должны быть ответственны друг перед другом, что сердце все помнит и ничего не забывает? Оно помнит и злое слово и злой взгляд, помнит оно и ласку и доброту. Пусть два человека встретились на одно мгновение, они только взглянули друг на друга и прошли мимо, занятые своими делами и мыслями, но сердце запомнило даже этот случайный их взгляд. И что было в их глазах, доброта или зло, то и впитали по капле их сердца. Сердца, как пчелы: с какого цветка соберут нектар, таким и будет мед. Сердца, как земля: обмоет ее дождь, и вырастут травы, а без дождя затвердеет и ничего не родит, кроме, может быть, колючего сорняка.

...Венка напряженно смотрел в темноту, вцепившись в баранку машины. Бетонка давно кончилась, и теперь «Москвич» полз по проселочной дороге. Впереди во тьме вспыхивала молния, гремел гром. Гребенкин сидел, опустив голову, закрыв глаза...

Эх ты, Гребенкин, Гребенкин, демагог ты, ведь твои мысли — пустые сентенции: что ты знаешь о долге людей друг перед другом? Ты, как медведь, шагаешь по жизни, не разбирая дороги, топчя все, что попадает на пути. Ты не только Насте сломал жизнь. Ведь и маме Вере ты тоже сломал жизнь.

Ты помнишь — или ты уже забыл? — ты помнишь, как впервые встретил маму Веру на улице с Петром Николаевичем? Конечно, тогда ты не знал, кто он такой, этот мужчина, с которым мама Вера шла под руку, и, однако, ты разозлился на маму Веру, ты даже оскорбился. А ведь ты был уже не маленьким, не глупым несмышлянышем, Гребенкин, тебе шел двадцать второй год, и ты мог бы понять, что ты не бог, который требует от людей отрешенного поклонения одному ему. Ты сожрал маму Веру, Гребенкин. Только тебе одному отдала она свою жизнь. А ведь ты ей был никто — чужой сын. И еще неизвестно, достоин ли ты такой жертвы.

Вспомни, как ты смотрел на Петра Николаевича, когда мама Вера, робея перед тобой, пригласила его в дом. Почему ты так нехорошо, так обидно смотрел на него? Ты искал в нем плохое, тебе не нравилось, как он ходит, как он сидит, как говорит, как пьет чай. Тебе ничего в нем не нравилось. Тебе даже профессия его не нравилась — обыкновенный завхоз в горпищеторге. Будто сам ты был главным конструктором космических кораблей, а что такое земной завхоз из пищеторга, если глядеть на него из глубин космоса? Впрочем, если бы ты был главным конструктором, ты бы знал, что чем выше к звездам, чем глубже в космос, тем огромнее Земля, тем значительнее и необыкновеннее каждый ее незначительный, обыкновенный житель...

Они могли бы пожениться — мама Вера и Петр Николаевич. Но ты дал понять им, что они старики, что ты не хочешь этого брака, и они послушались тебя, как напавшие дети. Конечно, теперь бы ты сделал все, что в твоих силах, только бы им было хорошо, только бы было хорошо маме Вере. Но теперь поздно: нету мамы Веры, умерла...

«Москвич» полз по проселочной дороге, ныряя в ямы и лужи, зло ревя мотором. Впереди ничего не было видно, одна дрожжащая в тусклом свете фар пелена мокрой ночи. Буйствовал дождь, свистел ветер, елозили по стеклу «дворники». Гребенкин сидел, стиснув зубы, со страхом ожидая, что они вот-вот завязнут в грязи, намытой тут долгими дождями...

...Он был честен перед Настей. Он не обманывал ее, но она была чутка и наблюда-

тельна. И однажды она не пришла домой ночевать, оставив записку: «Я ухожу. Обо мне не волнуйся».

Весь следующий день шел дождь. Гребенкин даже в цехе за шумом машин слышал его топотню по крыше. Он едва дождался конца работы, поймал у заводауправления такси и помчался искать Настю. Он не знал, где ее искать, и ездил по общежитиям, где она когда-то жила, по комнатам, которые когда-то снимала.

Счетчик стучал, как сумасшедший, цифры прыгали на нем с бешеной скоростью, и никогда не было так муторно, так одиноко на сердце Гребенкина. Нашел он Настю поздно вечером, когда, отпустив такси, разорившее его, снова зашел в общежитие. Мокрый, усталый и злой, он ввалился в комнату и сразу же разозлился еще больше, потому что увидел Настю, которая, смеясь, стояла у зеркала, примеряла платье. Он полдня разыскивал ее по всему городу, он передумал черт знает что, он мучился, а она стоит тут, примеряет платье и хохочет, ей все трын-трава.

Настя увидела его в зеркале и, не оборачиваясь, сказала:

— Ой, девочки, кто явился-то? Ты зачем явился?

— Не чуди, — рассердился он. — Едем домой.

— Нет. — Она, прищурясь, смотрела на него, улыбаясь какой-то снисходительной, какой-то загадочной улыбкой. — Я ушла от тебя. Навсегда.

— Сумасшедшая, — с отчаянием проговорил он, — я ничего не понимаю.

Они вышли на улицу. Дождь кончился. В свете фонарей лоснились лужи и листья деревьев. Настя сорвала мокрый лист, сказала:

— Конечно, я могу пойти сейчас с тобой, и мы снова будем жить вместе. Но я знаю, что это ненадолго, потому что ты меня не любишь.

Он молчал. Она обошла лужу, остановилась, запрокинув голову, глядя ему в лицо:

— Молчишь? Я знаю, кого ты любишь. А меня ты только жалевешь. Ты всю жизнь только жалел меня. Иди. Не сердись.

...Как давно это было, будто и не было совсем.

Приветик! — вдруг сказал Венка. — Застряли!

«Москвич» не выдержал единоборства с размытой дорогой, то, чего боялся Гребенкин, случилось: колеса увязли в скользкой грязи.

Гребенкин сбросил пиджак, засучил брюки и босиком ступил в холодную жижу. Он наломал веток, бросил их под колеса, а потом долго толкал машину — колеса крутились, брызгая на него грязью, ревел мотор, ругался Венка, а «Москвич» стоял на месте, глубже и глубже зарываясь в землю.

Шло время. Они барахтались здесь в грязи, а время шло, и каждая минута уже не приближала, а отдаляла их от Людки, которая ждала Гребенкина, борясь со смертью. Было ясно: они прочно застряли тут, им не выбраться без посторонней помощи.

— Хватит, — сказал Гребенкин, — я в деревню пойду.

Он брел по вязкому полю на далекие огни изб. Дождь приутих, но это уже не имело значения: рубаха и брюки давно прилипли к телу и шуршали, как жестяные.

Поле было бесконечным, немилосердным оно было — Гребенкин исколол, исцарапал босые ноги. Он спотыкался о кочки, проваливался в ямы.

— Я сейчас, Люда, сейчас, — шептал он. — Я скоро приеду. Все будет хорошо.

«ТЫ ПРИЕДЕШЬ КО МНЕ ПО НАШ

Много дней я все думаю и думаю об этом письме. Всего несколько строчек дрожащих, словно озябших букв, а сколько же вместили они горечи и всепрощающей любви!

На конверте короткий адрес: Гурьев, УС-99.

«Обращается к вам мать, старушка. Очень прошу ответить мне: работает ли у вас Мирошкин Юрий Ефремович? У него впереди золотые зубы, среднего роста, худенький. Он пять лет назад уехал из дома, поссорился с братом, и я его так долго искала и все время плачу, плачу, не сушу глаз своих, и вот я его нашла и много писала, но он не ответил мне. Может, это не он, а его однофамилец? У меня болит душа, разрывается сердце — это же родной сын. Я так его люблю! Была бы помолже, я бы давно прилетела, но не могу, нет у меня сил.

Очень прошу вас: ответьте о его судьбе: как он живет, есть ли у него семья? Мирошкина Анна Ивановна, г. Брянск».

Появилось острое желание увидеть самого «героя», заглянуть в глаза и задать один-единственный вопрос: «Что же ты за человек, Юрий Ефремович Мирошкин?» Но его пока только разыскивали. УС — управление строительства 99 — целое государство, со своей столицей в Гурьеве и множеством своих городов, в названиях которых и не разобраться постороннему: СМП, МП, ГОРЕМ, ВОДРЕМ, ПУ. Разбросаны они в прикаспийских солончаках от Астрахани до Маката, от Шевченко до Кунграда. И во всех этих строительно-монтажных поездах и путеукладочных городках живут машинисты, крановщики, каменщики, плотники. Люди, на плечах которых, как образно выразился начальник строительства Тенгиз Андреевич Гогичашвили, — просоленные потом ковбойки и одно из важнейших дел времени.

Почти десять тысяч человек строят в Северо-Восточном Прикаспии железные дороги... Уже пошли через пустыни и выгоревшие степи составы с нефтью, пошли по новым дорогам: Макат — Мангышлак, Актау — Узень. Уже проложено стальное полотно дороги Гурьев — Астрахань, которое соединило Среднюю Азию с Закавказьем. Тянется новая ветка Байнеу — Кунград, она сократит путь из Средней Азии в центр страны на полторы тысячи километров...

Многие парни и девушки из Брянска и Владимира, Йошкар-Олы и Иваново, Са-

ранска и Минска приехали сюда по комсомольским путевкам. Ведь это не просто стройка — всесоюзная, ударная, комсомольская... Они приехали сюда потому, что понимают: всесоюзная — значит важно это для всей страны, ударная — значит надо ехать и строить как можно быстрее, опережая все планы и графики, и именно они должны ее строить, ибо стройка комсомольская.

Может быть, и сын Анны Ивановны Мирошкиной, по которому изболелась ее душа, тоже приехал сюда по путевке. Может, в горячие дни, как и другие, вдвое перекрывал нормы, работал по две смены. И считается, быть может, надежным парнем, который не подведет в трудную минуту.

Так почему же пришло в УС-99 в потоке деловой корреспонденции письмо от его матери, письмо с озябшими буквами?

Я познакомилась здесь со многими молодыми строителями. Мы вместе ходили в кино и в столовую, говорили подолгу и обо всем. В каждом доме, построенном их руками, в каждом метре уложенного пути видела я будничные, ежедневные их подвиги. Но все время не давало покоя мне то письмо.

Разговариваю с отличным парнем, у него не одна награда за стройку, но непрощено стучится мысль: «А часто ли летят его весточки в деревню под Белгородом, где он вырос? А вдруг... вдруг и его мама ждет, когда хоть кто-нибудь посторонний «ответит о его судьбе?»»

Письма — вещь сугубо личная, и все-таки я попросила разрешения у некоторых парней и девочек прочесть их письма домой. Начинались они все одинаково:

«Здравствуй, дорогая мама!». А дальше у каждого было свое.

«...Вот уже две недели мы в Гурьеве. Все получилось чуточку не так, как мне представлялось: я не укладываю шпалы и не забиваю костыли — работаю штукатуром. Принимаешь, оказывается, построить дорогу — это не просто протянуть рельсы из пункта А в пункт Б. Надо в самих этих А и Б и между ними построить станции, поселки с клубами, столовыми, яслями».

«...Кто мне стирает? Ну, конечно, сам. А что тут такого? Вчера мы с Толькой выстирали все рубашки и повесили около вагончика. Идем с работы — строим планы: вот сейчас возьмем у девочек уют, наладимся — и на танцы. Да не тут-то было! Глядим, стоит у вагончика телка и спокойно так жует мою синюю в полоску...»

«...Здесь очень нужны клубные работники. Может, нам написать в твое училище и рассказать о стройке? Или ты сама поговоришь с выпускниками?..»

«...Я знаю, по ночам ты вспоминаешь, как мы обе ревели на перроне... Мне здесь совсем не тяжело, правда-правда, только далеко от дома, от тебя. Подожди немного, вот кончим мы дорогу до Астрахани, и ты ко мне приедешь: это будет совсем близко. Ты приедешь ко мне по нашей дороге...»

Когда человек становится взрослым? В тот день, когда расписывается в ведомости, получая первую зарплату? Или когда начинает понимать, что за каждый свой поступок в ответе только сам? Нет, это еще не все. Ему еще нужно постичь, что значит он для своей матери.

Я читала письма ребят и чувствовала, как пробивается их взрослость в заботе о том, чтобы мать не тревожилась, чтобы не бегала понапрасну по десять раз на дню к почтовому ящику, а получив желанную весточку, узнавала из нее только о хорошем... «Мамочка! У нас все хорошо. Ты за нас не волнуйся. В комнате тепло. Продуктов — сколько хочешь. На завтрак жарим картошку. Вечером будет концерт московских артистов, а на комсомольском собрании решили строить клуб на общественных началах...»

Я читаю эти строчки в одном из вагончиков СМП-163. Стоит этот строительно-монтажный поезд с прорабской и конторой, медпунктом и магазином в степи, а вокруг песок, горками собравшийся у кустов солянки.

Вагончик дрожит от ветра — это резко континентальный климат показывает свой неласковый характер. Девчата дышат в ладони, греют руки. Девчат четверо: Нина Люпаева, Люся Макеева, Люда Новокупцева и Рая Ганькина. Все из одного города — из Саранска, с одного завода — «Электровыпрямителя».

Девушки давно дружат и называют себя «посестримы». Обычно они веселые, особенно Нина и Люся. За пять минут выпалат все новости, поставят разогревать обед, отчитают Ваню из соседнего вагончика за «нечуткое отношение» — не принес дров. Но сегодня девчонки злые. Злы на прораба, который целый день их «перекидывал» то на погрузку, то на разгрузку, то на бетономешалку. Но обиды они выкладывают мне — надо же кому-то излить душу! А в письмах домой: «Привет из Гурьева. Не волнуйтесь. У нас все в порядке».

ЕЙ ДОРОГЕ»

Девушки заклеивают конверты, пишут адреса. На Раином конверте я вижу: «Саранск... Ганькиной Зое». Зоя — это сестра. А мама... Рая уехала на стройку, не спросив матери. То ли боялась, что мать не поймет, не одобрит, то ли не надеялась на твердость своего решения... Думала, будет лучше, а вышло наоборот: к переживаниям матери прибавилась обида — не доверяет, значит, дочка. И потекли из Гурьева в Саранск письма-извинения, письма-объяснения... Вроде бы налаживаются дела с помощью великого миротворца Зойки. И не знаю, понимает ли сама Рая, что не самовольным своим отъездом, а вот этим беспокойством за спокойствие матери и поднимается она на первую ступеньку зрелости.

Письма из дома читают здесь вслух. Сегодня пришло письмо Люсе.

«...Ты пропускаешь знаки препинания. Следи за грамматикой, я пришлю учебники — готовься в университет... Обязательно занимайся спортом... Не падай духом, даже если трудно».

И все-таки даже такой строгой, требовательной маме не сдержать нежности: «Из свитера твоего старого связала носки и варежки. Не мерзнешь ли? Хотелось бы увидеть тебя. Не прислать ли тебе яблок?»

...Познакомилась я в Гурьеве с одним паренком, каменщиком Колей Макаровым. Ему всего семнадцать, а на вид и того меньше — маленький, вихрастый.

Но именно про него прораб Владимир Станкевич сказал: «Работает не хуже любого взрослого. Правильно пацан жизнь начинает».

Однажды Коля спросил меня: «А правда, что платки из верблюжьей шерсти самые теплые? Хочу матери послать: у нас зима лютая. Но где купить такой платок?»

Найдет, наверное, Коля самый теплый на свете платок, и придет в Красногорский сельсовет Марийской АССР очередная посылка Макаровой Нине Васильевне. И почтальон снова скажет ей: «Хороший у вас сын», — ведь никто лучше его не знает, с какой точностью два раза в месяц получает Нина Васильевна переводы из Гурьева, ровно половину Колькиной зарплаты.

Парню семнадцать, а он уже заботится о матери точно так же, как заботилась все эти годы о нем она. А все ли так вот стараются переложить хоть часть материнских забот на свои, теперь окрепшие плечи?

...Вечером я сижу в общежитии СМП-136. Перед каждой кроватью — парад модных туфель; из шкафов и чемоданов извлечены платья, кофты, костюмы. Через час мы идем на концерт, девушки торопятся. Очередь к утюгу («Не перегревай — мне синтетику гладить»), последние штрихи («Валь, а не лучше вон те туфли!») — и девчата преображаются.

— А что, — рассуждает одна из них, — зарабатываем мы хорошо, снабжение — позавидуешь, можно одеться!..

Почему-то вдруг вспоминаю я Колю Макарова, платок из верблюжьей шерсти и задаю, видимо, неожиданный в разговоре о нарядах вопрос:

— А вы мамам деньги посылаете?

— Мамам? — совершенно искренне удивились девчата. — Нет, не посылает. Конечно, дома деньги были бы не лишними, но ведь и нам надо... Что вы, родители не обижаются, они же сами молодыми были.

Потом я говорила об этом с Надей К., у которой мама получает 80 рублей, и с Лидой М., дома у которой две маленькие сестренки, отец-инвалид и мамаина сторублевая зарплата. В ответ — единодушное недоумение.

И пугает меня эта чистосердечная убежденность: пока пожить надо в свое удовольствие. Вот когда-нибудь потом...

А я вовсе не уверена, что это «потом» наступит. Ведь если при максимуме зарплаты (шестьдесят процентов разных надбавок), и минимуме расходов (ни семьи, ни детей), и при том, что «дома деньги были бы не лишними», за три года работы не появилось желания, потребности помочь матери, какое уж тут «потом»!

Все строители знают Тенгиза Андреевича Гогичавили. Человека этого многие считают здесь отцом. Он, начальник огромной стройки, отвечает не только за то, чтобы был вовремя сдан очередной участок дороги, вовремя построена очередная станция. Но и за то, тепло ли в вагончиках, сытно ли кормят в столовых.

Но мало кому известно, что живет в городе Гори старенькая женщина Кристина Григорьевна Гогичавили, которая тревожится об этом «отце», как о ребенке. Когда строил он мосты на Оби, Кристина Григорьевна приехала к нему в Сибирь. Позже появилась она в Макате — и сюда уже не раз приезжала. Она вместе с сыном строит дороги, вместе с ним получала орден Ле-

Что пишет мама?.. Люся Макаркина и Тамара Федорова из СМП-329. Они строят дорогу Бейнеу — Кунград.

Фото Н. МАТОРИНА.

нина, она и про День строителя и про День железнодорожника говорит: «Наш праздник». Она имеет на это право.

Когда сын или дочь уходят впервые из материнского дома, уходят в самостоятельность, жизнь ставит перед ними множество испытаний. И комсомольские стройки, на которые рвутся девчонки и парни, — это, конечно, испытание на стойкость и мужество, честность, товарищество. Я не знаю, как выдержал это испытание Юрий Мирошкин, я так и не нашла его, не увидела, как живет он, но с уверенностью могу сказать: не стал он пока настоящим человеком. Потому что человек начинается с отношения к своей матери, с благодарности за то, что дала она ему.

О. ВИЛЬЧЕК
г. Гурьев.

В. КУТКИН. В степи (линогравюра).

КТО РАСТИТ ХЛЕБ?

На первый взгляд вопрос этот кажется риторическим. Как кто? Конечно же, колхозники, рабочие совхозов, специалисты сельского хозяйства — все те люди, которых мы привычно и уважительно зовем добрым словом «хлеборобы». Но это только на первый взгляд так. С той самой поры, когда в село пришел первый трактор, первый из тех ста тысяч, о которых мечтал Ильич, хлебопашество перестало быть уделом одного крестьянина, что стояло до того с глазу на глаз со своей кормилицей-землей.

Возьмем лишь последние три года. За это время государство вложило в сельское хозяйство на производственное строительство и приобретение техники на пять с лишним миллиардов рублей больше, чем в предыдущем трехлетии. И как же далеко осталась позади та почти фантастическая для молодого государства Советов цифра механизации села — сто тысяч тракторов! Сегодня только на полях Российской Федерации работает около 2 миллионов тракторов, более 300 тысяч зерновых комбайнов, миллионы других машин и механизмов. А как выросла энерговооруженность села, особенно после мартовского (1965 г.) Пленума ЦК партии! В среднем на каждого работника сельского хозяйства она увеличилась на 22 процента. К концу 1967 года 70 процентов колхозов и совхозов России было подключено к государственным электросетям.

Сейчас зерновой цех страны — это настоящее производство, с достаточно сложной технологией, многообразной техникой, высококвалифицированными специалистами. Правда, крышей этому цеху по-прежнему служит небо, и от стихии хлебороб пока не застрахован. Но у капризов погоды уже нет над ним бывлой всеподавляющей власти. Впрочем, судите сами.

В этом году зерносовхоз «Гигант» отметил свое сорокалетие. Возраст вполне подходящий, чтобы внимательно оглядеть пройденное, оценить настоящее, поразмыслить над будущим. «Гигант» — первенец советской зерновой индустрии.

Он родился в засушливых Сальских степях, о которых до революции ученые писали: «Климат здесь слишком сух для земледелия, и человек делает насилие над природой, распахивая восточные степи... Природа указывает границы, которых нельзя перейти».

И верно, в те годы, когда писались эти строки, границ, указанных природой, перейти было нельзя. У хлебороба не было для того достаточно сил. Но вот мы берем сводку урожайности зерновых в совхозе «Гигант» за всю его историю, и перед нами встает асная картина, как земледелец шаг за шагом отвоевывал у природы новые пределы. Средняя урожайность первого десятилетия — 9 центнеров с гектара, второго — 12,4, третьего — 16,2 и, наконец, последнего — 22. Это в среднем. А озимая пшеница, ведущая культура совхозных полей, занимающая ежегодно 17—18 тысяч гектаров, в отдельные годы давала на круг и по 38 центнеров.

Можно ли ждать большего плодородия хлебной нивы?

Дмитрий Дмитриевич Ангельев, директор «Гиганта», пожимает плечами: мол, само собой разумеется.

— А чем этого можно достигнуть?

— Улучшать технологию производства зерна, повышать культуру земледелия. Но здесь далеко не все зависит от хлебороба, будь он даже семи пядей во лбу. Образно говоря, культура современного земледелия у трактора на хвосте. Например, идущие под озимую пшеницу поля необходимо тщательно очистить от многолетних сорняков. Для этого нужны тяжелые культиваторы, способные обработать почву на глубину 16—18 сантиметров без оборота пласта. И если промышленность не даст нам достаточно таких машин, двинуться вперед мы не сможем.

Или возьмем удобрения, — продолжает Ангельев. — Вот гранулированный суперфосфат. Если бы мы вносили его в почву в нужном количестве, совхоз смог бы увеличить производство зерна на 5 тысяч тонн в год. А нам его не хватает.

В этом году хлеборобы нашей страны

собрали более 165 миллионов тонн зерна. Особенно весомый вклад в хлебный баланс государства внесли земледельцы Российской Федерации. Они произвели 108 миллионов тонн зерна и засыпали в закрома Родины более 46 миллионов тонн. Столько хлеба республика заготовила впервые. Сегодня это — достижение. Но завтра такого количества зерна будет недостаточно.

На состоявшемся в октябре этого года Пленуме ЦК КПСС были названы новые рубежи: среднегодовое производство зерна на полях всего Советского Союза уже в ближайшие годы должно возрасти до 190—200 миллионов тонн.

Известно, что пашня страны — это не только черноземы «Гиганта», это миллионы гектаров самых разных по плодородию земель. К тому же в хлебопашестве, как и в любом деле, есть свои передовики и отстающие. Средняя урожайность зерновых по Российской Федерации в нынешнем году — 14,8 центнера с гектара. Самая высокая за всю историю! Взвесив все возможности, глядя реально на положение дел, партия ставит задачу поднять среднюю по стране урожайность хлебного поля до 16—17 центнеров с гектара.

«Вопрос о еще более ускоренном подъеме сельского хозяйства СССР, — подчеркнул в докладе Пленуму Л. И. Брежнев, — это не просто хозяйственный вопрос, а большая политическая, общепартийная, общегосударственная задача.

По плечу ли она нам?

Есть под Великими Луками, Псковской области, колхоз «Росня». Его председатель, Герой Социалистического Труда Иван Семенович Васгин, рассказывал:

— Лет пять назад побывал я на юге, познакомился с тамошними доходами. Думал тогда: нам о таких и не мечтать! А теперь... Уже на второй год после мартовского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС артель сумела вдвое увеличить доходы и положила в кассу свыше полутора миллионов рублей. Столь ощутимыми оказались экономические и социальные меры, принятые партией. Я имею в виду твердые, установленные на всю пятилетку планы ежегодной продажи государству продуктов сельского хозяйства. Теперь мы знали заранее, какой и сколько продукции хозяйство должно произвести, мы могли подобрать наиболее эффективную структуру посевов, воспользоваться преимуществами специализации, активнее внедрять достижения науки. Государство повысило закупочные цены, установило надбавки за сверхплановую продажу продуктов и их высокое качество. И люди стали работать, как никогда прежде, получая сполна за свой труд.

Да, сегодняшнее сельское хозяйство — это сложное производство. И выпади хоть одно из звеньев его механизма — опрокинутые самые радужные планы. Вот почему успешно решить поставленные партией задачи люди деревни не могут без активной поддержки и помощи горожан. В первую очередь тех, кто строит сельскохозяйственные машины, мелиоративную технику, кто выпускает для села строительные материалы, кто производит минеральные удобрения, химические средства защиты растений, гербициды.

Хлеб растит не только тот, кто пашет землю, засеивает поле, убирает урожай. Судьба большого хлеба сегодня и в руках рабочего, горожанина. И в ваших руках, работники химической, машиностроительной промышленности, предприятий строительной индустрии!

С. ИЛАРИОНОВ

Материнские стихи

Твердят, что, как чинара, я нежна,
что руки у меня слабее веток...
Как ни нежна чинара, но она
ни листика не уступает ветру!

Я птица на гнезде, и если вдруг
гнездо снесет порывом шквала злого,
пока есть крыша материнских рук,
птенцы не будут без тепла и крова.

Так кто же говорит, что я слаба?
Где подсмотрели? У кого спросили?
Я мать, и разве в мире есть слова,
чтоб рассказать о материнской силе!

Не знает мое сердце тишины.
Я позабыла, что это такое.
Тревогой мои ночи сожжены —
судьба детей мне не дает покоя.

Своих детей или чужих детей —
для матери, поверьте, все едино...
Я столько им придумаю затей,
я расскажу им столько сказок дивных!

Рисунки
В. ЖИТНИКОВА

Я выйду в ночь с ромашкой в волосах...
Но, если вдруг малыш заплачет тонко,
я снова буду — словно на часах —
у колыбели моего ребенка.

Я тучи для него с небес сотру,
поймаю в море золотую рыбку,
изобрету веселую игру,
верну ему весеннюю улыбку.

Укрою в непогоду, помогу
в любой беде, разжалоблю и камень...
Я женщина, я мать, я все могу
нежнейшим сердцем, слабыми руками.

Могу, чтоб в небе маки зацвели,
на сумрачном тумане утро вывихи.
Могу, чтоб песней стал простор земли,
летающей все уверенней и выше.

Рукою, что касается цветка,
сожму винтовку, и рука не дрогнет.
К добру всегда добра моя рука,
но, встретив зло, становится недоброй.

Никто не смеет у людей отнять
ни тишины, ни синевы, ни мира.
Не зря на свете существует мать,
готовая любить неумолимо.

Мтварисе Кереселидзе двадцать два года. Она молодая поэт и молодая мать. Стихи Мтварисы рождаются буквально между двумя кроватками: трехлетней Бакури и двухлетней Тамты. А тут еще диссертация на звание кандидата филологических наук, которую Мтвариса обязательно хочет защитить... Но, может быть, именно потому, что жизнь ее так полна, рождаются и полновесные, полнокровные, дышащие настоящей силой стихи.

В стихах Мтварисы нет

худосочия, пассивной созерцательности. Мтвариса Кереселидзе знает цену всем настоящим вещам в жизни и поэтому знает цену слову. Крепкая душа, крепкие слова, взволнованные мысли — из всего этого возникают стихи молодой грузинской поэтессы.

Я с большой радостью перевела несколько стихов Мтварисы Кереселидзе и верю, что они найдут путь к сердцу русского читателя.

Римма КАЗАКОВА

Письмо селу

Зачем, мое любимое село,
апрель мой первый, колыбель святая,
зачем, скажи, ты крылья мне дала,
если грустишь, когда я улетаю?

Я — это ты, с тобою я встаю,
с тобою спать ложусь при звездах
поздних.
Все свои песни я тебе пою.
Живу тобою, ты мой хлеб и воздух.

В глазах твоих ношу я небеса,
тебя я знаю кровью — не по карте.
Зачем грустишь, когда твоя лоза
вино любви тебе отдаст до капли!

Твоим теплом полна душа моя,
во мне твой чистый свет струится зыбко.
Зачем грустишь ты, если в мире я —
твое дыханье и твоя улыбка...

О самом родном человеке

«Это — от нее»

С Евгением Леоновым мы встретились в театре имени Станиславского, где он работает уже двадцать первый год. Приход корреспондента, как мне показалось, не доставил удовольствия Евгению Павловичу: известные журналисты. Когда же я сказала, что на этот раз меня интересует не столько он сам, сколько его мать, ее роль в семье, влияние на формирование личности сына, он сразу подобрел.

— Я, человек и актер, обязан своей матери многим. Знаете, она не совершила подвигов, но тем не менее я всегда, всю свою жизнь хотел быть похожим на нее.

— Какие черты характера Анны Ильиничны вам особенно дороги?

— Доброта, трудолюбие. Острое чувство ответственности за порученное, даже самое маленькое дело... И еще честность. Мне тоже очень хочется быть честным человеком и в работе и в жизни...

У мамы нас было четверо (две девочки погибли). Отец

учился, позже он стал инженером. Поэтому все заботы лежали на маме. Кроме меня и брата Николая, в доме постоянно находились какие-то племянники, далекие родственники и просто «хорошие люди». Сколько помню маму, всегда она кого-то устраивала, наставляла, увещевала... Да и сейчас не угомонилась...

Счастье, самое большое для нее счастье, что сыновья «вышли в люди» — один стал инженером, другой антером, что среди племянников два летчика, два редактора, два врача...

— Анна Ильинична никогда не работала?

— Как же? Работала. Всю войну. Мама считала: раз война — все должны помогать фронту. Николай оставил школу и пошел на авиационный завод. Я тоже. Сначала учеником был, а потом токарем. Работали и по полторы и по две смены. Кстати, мама награждена за труд медалью. Ну, разумеется, дежурила она вместе с нами на крыше, «ловила» зажи-

галки в часы бомбежек, окопы рыла... В общем, как все москвичи...

— А как отнеслась Анна Ильинична к вашему решению стать антером?

— Ради театра я ушел с третьего курса авиационного техникума. Но мама, спасибо ей, поверила, что мое увлечение театром серьезно.

Надо сказать, маме свойственно чувство юмора, и она очень живо, образно рассказывает. Так что все мои «talанты» от мамы...

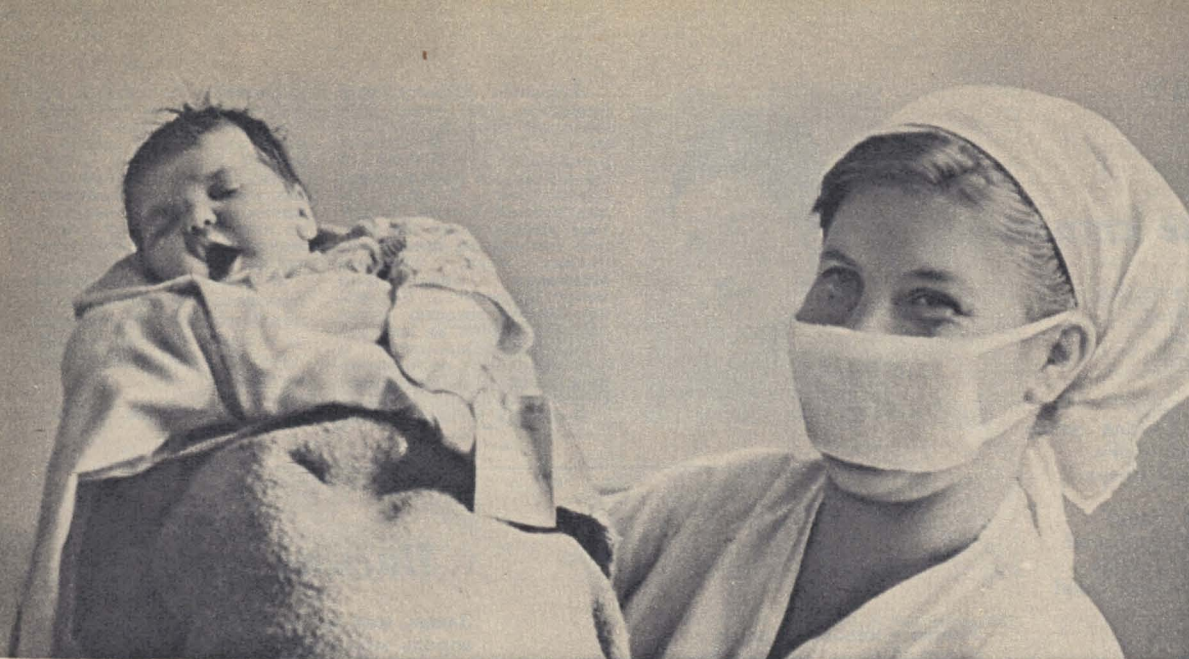
— Как ведет себя мама перед премьерой?

— О-о! Волнуется больше, чем я. Скажу по секрету, очень любит, когда меня хвалят. В будущем году у моих родителей золотая свадьба. И я намерен серьезно подготовиться к этому событию.

— А Новый год вы встретите с мамой?

— Конечно, у себя дома, в семейном кругу. Я, видите ли, люблю свою семью. Это тоже у меня от мамы...

М. НАЗАРОВА

Здесь не пускают посторонних — для нас сделали исключение. Много дверей. За какой-то из них сейчас рождается человек... Люди в белых халатах и марлевых масках снадут о нем: «мальчик», «девочка». Женщина, давшая ему жизнь, гордо произнесет: «сын» или «дочь». Для страны это новый гражданин. Каким будет он? Каким его мечтает вырастить мать?

С этим вопросом мы входим в палату № 5 родильного отделения Центральной больницы города Электросталь (Московская область).

— Какой я хочу вырастить мою Галочку? — переспрашивает Лидия Уледеркина, крановщица кузнечного цеха завода «Электросталь». — Полезной людям. А профессию она выберет сама, когда станет взрослой. Главное, чтобы труд был по душе.

Галочка — второй ребенок Лидии. Первым родился 6 лет назад сын Сережа.

— Мальчик и девочка, как по заказу, — смеются женщины.

— По заказу и есть, — счастливо соглашается Лидия. — Сын заказал. «Если тебе дадут мальчика, сменяйся с другой тетей на девочку. Я буду ей песни петь, чтобы не плакала». А слух у него замечательный, услышит песню и тут же ее сам напевает.

ЗДРАВСТВУЙ, МАЛЫШ!

К. СЫРЦОВА

Фото Н. МАТОРИНА

В ДОЛГУ ПЕРЕД БУДУЩИМ

Т. МИХАЙЛОВА

— Будете рожать?

— Нет.

— Почему?

Ответы разные... Некому сидеть с ребенком... Рано еще, успеется... Поздно, не по возрасту... Муж пьет... Не замужем...

Три дня подряд, как на работу, прихожу я в один из кабинетов женской консультации № 6 Бауманского района Москвы. Надеваю белый халат и слушаю.

Наташе Н. двадцать. Студентка. Совсем недавно вышла замуж.

— Сначала институт надо закончить, потом детей заводить.

— А не боитесь прерывать первую беременность? — спрашивает врач Татьяна Григорьевна Шалахова. — Можете навсегда остаться без детей.

— А что делать? В конце концов не я первая, не я последняя...

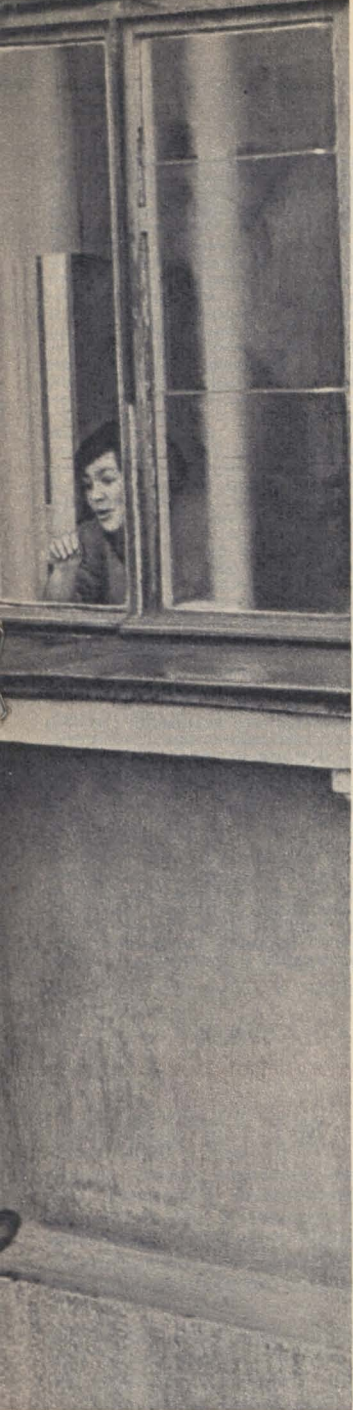
Валентина Л. старше Наташи. Работает на заводе намотчицей. Замужем третий год.

— Я не против детей. Только не сейчас, попозже. Хочется хоть немного пожить для себя...

Татьяна Григорьевна что-то терпеливо объясняет Валентине, а я вспоминаю лицо женщины, которая еще вчера сидела на этом самом месте и изо всех сил старалась не заплакать.

Тамара Ивановна К. (38 лет, продавщица) тоже хотела «пожить для себя». Сначала один аборт, потом второй. Казалось, будет счастлива — ни забот, ни хлопот. А сейчас муж говорит, что ему надоела такая жизнь, уходит по вечерам один... Будь ребенок, может, все бы изменилось. А ребенка нет и нет...

Десятки женщин открывают за день дверь в этот кабинет. Одни, счастливо сияя глазами (особенные у них глаза, ни у кого таких не увидишь!), рассказывают, как «он» шевельнулся. Встают на весы, испуганно ахают: «Еще целый килограмм? Ой, что же делать?»...

— Отдайте сына в музыкальную школу, — горячо советует Нина Антонова. (У нее тоже теперь и сын и дочка.) — Я своих обязательно отдам. Если, конечно, у них окажутся способности. Музыка — что может быть лучше!

Нину прерывают:
— Легко на помине твой музыкант, вон стоит.

И Нина опрометью бросается к окну, на «свидание» с мужем. Сергей Антонов — дирижер оркестра народных инструментов в местном Дворце культуры. Нина работает медсестрой в детских яслях.

— А можно, я сначала скажу, кем хочу вырастить себя? — говорит вдруг Галя Симонина. Все смеются. А она продолжает серьезно:

— После школы я сменила несколько специальностей. Сейчас работаю контролером в учебно-производственном комбинате. И решила пойти в педагогический, учить ребят в младших классах. Бабушка мужа говорит мне: «Учись, раз задумала. А правнука я вынянчу. Я еще крепкая».

— Ну, а кем у тебя будет сын? — напоминают женщины.

— Летчиком. А то и космонавтом, — убежденно говорит Галя. — Когда-то я сама увлекалась парашютным спортом. Знаете, какое это ни с чем не сравнимое чувство — быть один на один с небом!

— Конечно, все доступно нашим детям, — вступает в разговор Людмила Кручинина. Она

весовщица-ферросплавщица на заводе «Электросталь». — Но буду довольна, если мой сын, как и я, станет рабочим. Только он, наверное, намного обгонит меня в образовании. Мне достаточно сейчас и десятилетки, а когда Илюша подрастет, ее будет маловато — техника с каждым годом «умнеет».

— Что, уже все дали своим новорожденным имена? И вы? — пытаемся втиснуть в беседу молчаливую до сих пор женщину.
— Валерик у меня, сыночек, — отвечает она и вдруг начинает плакать.

Успокаивают, однако, не ее, а нас.

— Не пугайтесь. Это она от радости. Девять лет ждала ребенка, уже отчаялась, а он и родился.

— Пускай будет таким, как его отец — добрым и мастером на все руки, — улыбается снова

слезы Тамара Кузнецова: Тамара работает крановщицей на заводе железобетонных изделий.

Лиде Малюковой всего 20 лет. Она слушает других как старательная ученица, хотя уже два года работает нянечкой в детском саду. О будущем сына заявляет твердо:

— Хочу, чтобы стал хирургом. Врачи — самые мужественные и самоотверженные люди.

Сестры вносят в палату ребенка, передают матерям. И вот малыши уже за «работой»...

Растите счастливыми! Так хотят ваши мамы и все мы.

Другие не улыбки, неразговорчивы. Несколько лет назад они прервали беременность. А теперь — скупая запись в карточке: «дисфункция яичников», «воспалительный процесс», «спаечная болезнь», «эрозия»... Молча берут голубенький листок бюллетеня или белый — направление на анализы. Интересуются лекарствами, процедурами, инъекциями...

И третьи — бледные, взволнованные, неуверенные — может, ошиблась, обойдется...

— Будете рожать?

— Нет.

— Почему?

Врач не даст направления на аборт без этого «почему». Лишь не сведущие в медицине люди могут считать аборт «пустяком», «ерундовой операцией». Безвредных аборт не бывает.

Женщина самой природой создана для материнства. Как расцветает она после родов, как молодеет! Давно известно, что ма-

тери, родившие много детей, и живут дольше, и болеют меньше, и старятся медленнее.

Врачи утверждают: аборт грубо ломает сложную, тонкую перестройку, происходящую в организме беременной. И организм (заметьте — весь организм) болезненно реагирует на это насилие. Даже самый удачный аборт, о котором женщина через неделю и не вспомнит, пагубно отражается на ее нервной системе, обмене веществ, самочувствии, внешнем виде. Сейчас все чаще говорят и о том, что прерванные беременности нередко готовят почву для будущих злокачественных опухолей.

А неудачный аборт? Операция производится вслепую, без контроля зрения. Малейшее неосторожное движение может обернуться тяжелой травмой.

Медицинская статистика беспощадна: у 10—12 процентов женщин после аборта развиваются воспалительные заболевания;

12 процентов навсегда остаются бесплодными. У тех, кто перенес хотя бы один аборт, в четыре раза чаще возникают кровотечения после родов, а продолжительность родов — на два часа больше. Два часа... Мучительные для матери, они вредны, иной раз крайне опасны для ребенка.

Вот что такое «пустячная операция», на которую подчас так легко решаются женщины.

И все-таки в отличие от многих стран аборт у нас разрешен законом, больше того — производится бесплатно. Государство берет на себя огромные расходы по содержанию специальных больничных коек, врачей, медикаментов, чтобы свести до минимума вред операции, чтобы женщины не прибегали к услугам невежественных врачей.

К счастью, первую беременность (а это наиболее опасно) сейчас прерывают реже, чем 5—10 лет назад — и в этом несомненная заслуга медицинской пропаганды, объ-

«Хранишь в себе»

Доктор биологических наук Анна Сергеевна ТИХОНЕНКО заведует кабинетом электронной микроскопии Института молекулярной биологии Академии наук СССР. Она занимается одной из самых важных проблем современной биологии — изучением вирусов бактерий, или, как их называют, бактериофагов, пожирателей бактерий. Эти исследования открывают ученым сокровенные тайны живого.

Недавно вышла книга А. С. Тихоненко, которая называется «Ультраструктура вирусов бактерий». Книгу эту, плод многолетних трудов, Анна Сергеевна посвятила памяти матери.

— Мама всегда с огромным интересом относилась к моей науке. Мне казалось это естественным. Я долго не задумывалась, что мама (она не имела специального образования, работала экономистом) вовсе не легко разбираться в тонкостях микробиологии. И только

много лет спустя я поняла: она делала это, чтобы не терять ощущения близости со мной.

Мы с мамой всегда дружили, но до сих пор, хотя ее уже нет, я продолжаю открывать в ней новые человеческие черты. Даже очень справедливые люди часто пристрастны и своим детям, видят в них только хорошее. У мамы — при самой горячей любви ко мне, единственной дочери, — хватало мужества видеть меня такой, какая я есть. Характер у меня всегда был резкий, порывистый, взрывной характер. Маме как-то удавалось гасить мои вспышки, убеждать, что сгоряча можно оназаться несправедливой.

«Справедлива ли ты? Ведь об этом человеке ты не все знаешь. Может быть, есть обстоятельства, из-за которых он поступил так... Будь терпимее». Сколько раз в жизни слышала я эти слова!

Мне было пятнадцать, когда началась война. Отец погиб в первых же боях. Мы остались одни. Эвакуировались в Среднюю Азию, в Самарканд. Вместе с нами поехала моя подруга: ее мать, врач, ушла на фронт. Нечего объяснять, какое было «суровое, голодное время и какие заботы легли на мамнины плечи. Нам-то по молодости все казалось несложным, мы не замечали многих ее тревог. Но она действительно умела радоваться жизни, создавать в доме атмосферу оптимизма. Много лет спустя мама рассказывала кому-то (я случайно услышала), как после работы тайком при-

ходила к шиоле, стояла в крошечной темноте, чтобы незаметно проводить нас домой...

Внешне мужественная, она испытывала непреодолимый страх, что без нее со мной что-нибудь случится. Всю жизнь от этого страдала, а мне не признавалась, чтобы не оскорблять излишней опекой и не лишать самостоятельности.

Ни одна жизненная ситуация не рассматривалась мамой с точки зрения практической выгоды. Я окончила медицинский институт с отличием, могла сразу же стать лечащим врачом. Но со 2-го курса я занималась в кружке микробиологии, мечтала только об этой специальности. Подходящей работы долго не находилось. Я нервничала. А она сердилась, говорила, что будет презирать меня, если я отступлю от цели. И когда я начала — на первых порах бесплатно — работать препаратором в одной лаборатории, мама радовалась, говорила, что это правильный путь, что здесь я смогу многому научиться и познать, на что я способна.

Никогда не слышала, чтобы мама рассказывала кому-нибудь о моих успехах. Но недавно, перебирая ее бумаги, нашла целую пачку вырезок. Это были все мои непечатанные где-либо работы, все упоминания о них в печати... Прятала это в дальнем ящике, стесняясь своей маленькой слабости: ведь так не любила тщеславия.

...Не знаю, ответила ли я на ваш вопрос. Есть вещи, о которых трудно говорить. Это чувствуешь и хранишь в себе.

яснившей женщинам трагические последствия такого шага. Даже «незапланированная», «нежеланная» первая беременность в большинстве случаев кончается родами. Из ста женщин, получивших направление на аборт у одного врача консультации № 6 с января по май, 80 имели одного ребенка, 11 — двух и лишь 9 не хотели сохранить первую беременность (причем 7 не состояли в браке).

Особенно велико число абортующих женщин старше 30 лет, уже имеющих ребенка. Из 1 462 замужних работниц московских предприятий (обследование в 1966 году проводилось Лабораторией демографии НИИ ЦСУ СССР) только четверть вообще не прибегали к абортам.

Наверное, не найдется матери, которая не понимала бы, как хорошо для ребенка, если он не один. Единственные дети слишком часто вырастают эгоистами и неженками, заискивающими, привыкшими считать себя центром мироздания. Да и семья крепче, прочнее, если в ней несколько ребятчиков.

На вопрос, сколько детей должно быть в семье «вообще», «в идеале», подавляющее большинство женщин (я ссылаюсь на результаты все того же опроса московских работниц) ответило: двое, некоторые — трое. Но почти все тут же добавили, что сами они «пока» (в ближайшие годы) рожать второго не собираются.

Почему? Более половины женщин, которым был задан этот вопрос, сослались на причины семейного, материального, бытового характера (жилищные условия, зарплата, неуверенность в муже, неустойчивость

быта); 11,7 процента боятся, что поздно; у 8,2 процента маленькие дети; 9,6 — жалуются на плохое здоровье; 1,5 — учатся.

На первый взгляд все просто и ясно. Стоит немного прибавить зарплату, улучшить жилищные условия — и чуть ли не в каждом доме зазвонит еще один детский голосок.

Но это только на первый взгляд. Статистики утверждают, что степень благосостояния семьи вовсе не прямо пропорциональна количеству детей. Наоборот, чем выше материальный уровень жизни, тем ниже рождаемость! То же и с жильем. Результаты опроса московских работниц показывают, что только 18 процентов женщин родили второго ребенка после улучшения жилищных условий. Значит, ссылки на материальные условия объясняют далеко не все.

Мы знаем, как много сделало наше государство для того, чтобы женщины могли сочетать работу с материнством. Но многое еще предстоит сделать. Есть у нас еще очереди в детские сады. И «рабочий день» женщины в домашнем хозяйстве пока непомерно велик, потому что служба быта, к сожалению, сейчас способна освободить нас всего от 5 процентов домашней работы.

Но было бы наивно думать, что увеличенные числа прачечных и домашних кухонь сразу скажутся на составе наших семей. Все-таки главная причина «однородности» — в нас самих, в своеобразном внутреннем барьере, который мы сами же возвели в своей душе. Вы заметили, в последние годы распространилось нечто вроде «моды» на одного ребенка, особенно в крупных городах. Родить трех, четырех (даже если есть возможность: и квартира, и хорошая зар-

плата, и бабушка) считается чем-то странным, почти неприличным. Случается, над многодетными матерями (и тем более отцами) подшучивают. А добрые души еще посочувствуют, вздохнут: эх, бедняжка, и угораздило же... Нет чтобы пожить для себя...

А что это такое, собственно, жить для себя? Покупать новые и новые вещи? Обставлять квартиру? Стараться получше, повкуснее поесть? Покрасивее одеться?

Или (другой вариант) считать пропащим, вычеркнутым из жизни вечер, который проводишь дома? Стремиться к развлечениям, шумным компаниям? Не пропускать ни одного фильма? Ни единой возможности повеселиться?

Ведь все, что приобретаем мы в жизни — будь то материальные ценности или духовные, — имеет смысл лишь тогда, когда есть кому это отдать. Так уж устроен человек, что тех, кто только берет, не отдавая, рано или поздно постигнет тяжкое одиночество, чувство бессмысленной пустоты прожитой жизни. И какое это великое счастье — видеть, как прорастает добром в другой душе брошенные тобой семена, особенно если в них и кровь твоя и бессонные ночи. Может быть, это и значит — жить для себя?

Мы строим коммунизм. Вкладываем колоссальные средства и силы в создание материальных и духовных ценностей. Не только для себя — для тех, кто придет после нас. Супруги сами определяют состав своей семьи. Решать им — и никому больше. Но решать, думая не только об удобствах и неудобствах сегодняшнего дня.

ДНЕВНИК МАТЕРИ

Мне сегодня очень захотелось стать красивой. С утра надела лучший костюм, новые туфли и отправилась в парикмахерскую. Было еще рано, у закрытых дверей выстроилась очередь невыспавшихся лохматых девиц. Я пристроилась «в хвост» и мужественно выстояла два часа.

Дома, увидев меня, ахнули. Но окончательно я сразила их, когда поставила на стол бутылку шампанского, фрукты и конфеты. Вчера Ира принесла первую зарплату, я решила отметить это знаменательное событие. Был и еще повод для «кутежа». По радио передавали о нашей фабрике, в числе многих работниц, о которых рассказывал журналист, была названа и я. Это событие взбудоражило фабрику, ну, и меня, конечно. Вспомнила, как пришла сюда: подсобница, ученица... С этого начинала. И вот — благодарности, поздравления.

Ирина теперь тоже работает у нас, ее хвалят, говорят, старается. Но я вижу: не лежит у нее душа к швейному делу. Она

Окончание. См. №№ 1, 2, 5, 7, 8.

хочет стать физиком. Не пойму, что это — настоящее призвание или дань времени, мода, что ли... Но в институт она в этом году не поступила. Не прошла по конкурсу. Готовилась, готовилась, а в результате не хватило одного балла. Я считаю, что никакой трагедии не произошло: не поступила в этом году — поступит в будущем, ей всего восемнадцать лет! Просто было жаль, что она так извелась. Для Иринки вообще этот год был тяжелым: в самый разгар экзаменов проводила своего Виталия в армию. Кажется, совсем недавно стоял угловатый, долговязый паренек под нашими окнами и свистом вызывал Ирину на свидание. И вот уже солдат.

Да, им по восемнадцать, а я разменяла пятый десяток. В парикмахерской мастер уговаривал меня покрасить волосы...

Недавно Ирина спросила: «Как ты по-смотришь на то, если я поеду работать в Об-ск?» Я тогда отшутилась. Но этот разговор не выходит у меня из головы. Страшно отпускать ее от себя, ведь совсем еще

девчонка, хотя очень старалась казаться взрослой, когда раздавала нам подарки, купленные на первые свои трудовые деньги. Отцу подарила шапку-ушанку, мне косынку, а Сергею и себе купила книги. Не помню, кто из педагогов сказал: «Если мой воспитанник потратит первый свой трудовой рубль на книги, я буду считать, что долг воспитателя выполнен».

Ирину проводили. За тридевять земель, с научной экспедицией. О том, что она ведет переговоры с экспедицией, мы с отцом узнали последними. Говорит, что не хотела расстраивать раньше времени, а потом — не была уверена, что ее возьмут. Но ее взяли, не посмотрели, что у нее в чем только душа держится. Художая, ужас! Начальник экспедиции успокаивал: вы, говорит, не представляете, как мы здоровеем на свежем воздухе, у нас не работа, а санаторий... И дал ей на сборы всего три дня. Как мы ни отговаривали Ирину от поездки — не послушала. Упрямая.

Не могу поверить, что ее нет дома. Особенно тоскливо вечерами, все жду чего-то. Иногда ловлю себя на том, что прислушиваюсь к свисту во дворе, все кажется, что это Виталий вызывает Ирину...

Не успеем мы с отцом оглянуться, подрастет и наш Сергей, тоже будет свистом вызывать: «Здесь, мол, я, выходи!» И выбежит к нему девушка, возможно, даже та самая Наташа, которую он сегодня обидел... Они так хорошо ладили — и вдруг ссора. Отец наказал Сергея, чтобы никогда не смел поднимать руку на девочек. Весь вечер ревел, сейчас спит, но и во сне продолжает всхлипать.

А Ирины нет. Не придет она домой ни сегодня, ни завтра... И к этому надо привыкать.

Б С Э

Недавно открылась подписка на третье издание Большой Советской Энциклопедии. Что такое энциклопедия? Если ответить двумя словами — «универсальный справочник». Если уложиться в четыре слова — «свод знаний, накопленных человечеством». А если еще шире — «книга, которая даст вам ответ на любой вопрос — касается ли он вашей специальности или общественной деятельности, здоровья или воспитания детей, ваших увлечений литературой, театром, спортом».

Меня попросили рассказать читательницам «Работницы» о новом издании Энциклопедии. Как же найти то самое главное, ради чего стоит приобрести БСЭ нашим женщинам? Ну, допустим, все они, как хозяйки дома, немалую часть дня заняты домашними делами. Но стоит ли покупать 30 увесистых томов только для того, чтобы среди множества сведений обо всем на свете выискивать советы, полезные в домашнем хозяйстве? Проще обзавестись «Энциклопедией домашнего хозяйства», вмещающей всего в одном или двух томах.

Но домашнее хозяйство вовсе не то главное, что объеди-

няет всех нас — советских женщин — простым и гордым словом «работница». Мы еще и трудимся наравне с мужчинами, выполняя свои государственные и общественные дела с той же (если не большей!) добросовестностью и инициативой, что и дела домашние. А значит, нам интересно и важно разбираться во всем: в политике, экономике, трудовом праве, здравоохранении, истории, литературе, в сотнях больших и малых проблем, которые ставит перед нами жизнь. А Энциклопедия всегда даст нужную справку, совет, разъяснение.

И еще (это, по-моему, основное): Энциклопедия нужна нам потому, что мы воспитываем детей и хотим вырастить их умными и образованными людьми. Пожалуй, будущая Энциклопедия — лучший подарок, который мы можем сделать ребенку, ну хотя бы тому, которому сегодня 5 или 10 лет. Первый том БСЭ появится через год, последний — через 6 лет; значит, к выходу всего издания дети будут в том возрасте, когда много читают и размышляют.

Михаил Кольцов, замечатель-

ный писатель-журналист, так писал о первом, довоенном издании Энциклопедии: «БСЭ составлена из кирпичей, и очень увесистых. Она может не хуже Шатуры электрифицировать бесчисленное множество... мозгов. От нее могут шире и ярче раскрыться глаза, чем на любом представлении».

30 томов «кирпичей» в третьем издании БСЭ. Не бойтесь этой цифры, она не так уж велика. Вспомните, сколько всяких книг, помимо новых учебников, мы покупаем детям в каждом классе — и художественных, и научно-популярных, и специальных! Но ведь выбор этих книг зачастую случаен, и далеко не каждая оправдывает наши надежды.

Большая Советская Энциклопедия основательнее и надежнее, чем тысячи таких книг. К какой бы ее статье вы ни обратились — будь то биография выдающегося полководца или композитора, очерк о далеком африканском государстве или о новом советском городе, описание электронно-вычислительной машины или домашнего холодильника, — каждая будет содержать самые основные и самые современные сведения. Ну,

а если этого покажется вам мало, то в конце статьи вы найдете и указание, какие еще книги можно прочитать по интересующему вас вопросу.

Залогом надежности, основательности и современности энциклопедических статей служит то, что они будут написаны крупнейшими специалистами, советскими и зарубежными. Более десяти тысяч квалифицированных авторов, редакторов, рецензентов и консультантов привлечено к работе над БСЭ. Среди них — выдающиеся ученые и специалисты, государственные деятели и видные партийные работники, известные врачи и педагоги, писатели и публицисты... Статьи эти будут написаны простым и доступным языком — так, чтобы их могли понять и с интересом прочитать все.

Подписка на БСЭ ведется во всех магазинах подписных изданий. Продлится она несколько месяцев. Судя по всему, число желающих подписаться на БСЭ очень велико. Пусть же среди них будут и наши женщины, читательницы «Работницы».

Н. ПАВЛОВА

ВСЕГО СТО ШАГОВ...

Татьяна РЯБИКИНА

Рассказ

Лифт в Лялькином подъезде не работал. Юля потопала на шестой этаж. Ерунда, но если у тебя под курткой две шерстяных кофты, да еще лыжи в руках хлябают... В их семье никто не умеет по всем правилам обращаться с лыжами. Неспортивная семья. А если говорить правду, это вообще не ее лыжи, а соседа Мишки. Он уехал на каникулы в Ленинград, лыжи остались без дела. А тут они как раз потребовались Юле, очень-очень.

Рюкзак с новогондой вкуснятиной оттягивает плечи, точно у заправского туриста.

...Пятый, шестой. Наконец-то! Дверь открыла Лялька.

— А-а, это ты!

Юля отдувалась, как паровоз, и разглядывала Ляльку с возмущением. До электрички — час, а та стоит в халате и в узеньких бежевых туфлях. Короткие Лялькины волосы, стриженные «лесенкой», начесаны вовсю. Между прочим, в их восьмом «А» уже все девчонки острились. Только Юля никак не может договориться с мамой, плетет надоевшие косы — как назло, толстые и жесткие, ленты из них то и дело выскальзывают да текут.

— Еще не собралась? — спросила Юля с испугом.

— Ты знаешь, я не смогу. Кто к нам приеха-а! — громко и загадочно зашептала Лялька.

Она прямо лопалась от таинственности. Уж какие должны быть гости, чтоб так радоваться!

— При чем тут приехал? — обидевшись чуть не до слез на эту бессовестную, подлую Лялькину радость, спросила Юля. — Мы обязаны быть у лесника! Мы ж слово дали!

— Дали, — виноватым эхом отозвалась Лялька. — Думаешь, мне неохота?

Сделала несчастные глаза и, выгнув подъем, стала водить носком по резиновому пупырчатому коврику. Боялась, что Юля не заметит новые туфли. Юля заметила, но назло не похвалила...

Вот и договаривайся с такими! Балашову не отпустили. Суровой, видите ли, вдруг расхотелось. У Ляльки гости. Трепачки несчастные! Предательницы! А ребята уехали еще позавчера. Ей стоило такого труда уговорить дома своих! Пришлось даже сокрушить, что едут не одни, а с Маргаритой Александровной. Отец помчался к Королевым за какой-то особенной лыжной мазью, а мама полночи вязала ярко-желтый воротник к куртке.

Прямо все настроение упало. Не ехать же к этому леснику одной! Пстой-пстой, а почему бы и нет? Сережка же подробно объяснил дорогу. Электричка. Автобус до деревни Пешки. С километр вперед, по ходу автобуса. Потом сворот направо — и в ста шагах изба лесника. Чего тут сложного? Даже если на всю дорогу уйдет три, ну, три с половиной часа, все равно она успеет засветло. Поможет мальчишкам готовить, накрывать на стол. Пускай потом завидуют, болтуньи несчастные!

В ее четырнадцатилетней жизни наклеивалось первое настоящее, необычное, самостоятельное приключение. Вообще Юля считает, что жизнь ее складывается неплохо, но слишком уж однообразно. И бабушка, и мама, и папа — все заботятся именно о том, чтобы Юлина жизнь текла однообразно, чтобы она в одно и то же время ела, делала уроки, ездила на тренировки в бассейн...

Учеба ей дается легко. До школы она уже ловко читала и писала «по-печатному». Пятерки оказались легко достижимыми. Позднее в привычку вошла и самодовольная готовность ответить учителю в любой момент. Учитель ведет пальцем по журнальному списку, весь класс судорожно замирает и следит за пальцем завороченно; кто-то листает учебник, ошалело мечется по строчкам, спешно набираясь мудрости; этот прикидывается невозмутимым; тот пригибается к парте, прямо готов втиснуться в нее. А для тебя все эти переживания — потеха, детский сад. Ты прекрасно сознаешь, что ради ощущения готовности и независимости стоишь иной раз пожертвовать и катком и киношкой...

С классом у Юли установились ровные, вполне приятельские отношения. Если просили «сдуть», она давала. У нее списывали охотнее, чем, к примеру, у Сережки Никитина. Он старается подобраться к ответу мудреным, необычным путем. Пускай худшим, но необычным. А в сочинении напишет такое, что уж Марго спорит с ним, спорит ровненькими красными строчками, но в

конце все же поставит пять, прибавив, правда, два минуса — «вожжи». Ради педагогических приличий, что ли?

...

В электричке Юля сумела занять самое удачное место — в середине вагона, у окна. Повезло. Теперь заходи хоть десять старух или женщин с грудными, сюда не протолкнуться. А то сидишь как на иголках — вот-вот заведут над головой разговор про несознательность современной молодежи.

Пока все складывалось как нельзя лучше. Вагон набился до отказа. Стало весело, тепло и душно, на стеклах выступила испарина.

Люди спешили навстречу празднику. Женщины рядом с Юлей озабоченно обсуждали рецепт рыбного салата — его, кажется, иногда делает бабушка. Пожилой дядька с черно-седым ежиком на голове, размахивая зажатой в руке рыжей шапкой, пытался объяснить женщинам, что не премия ему была нужна, нет, премия он и не взял бы, он и так выколачивает двести, просто Митька — сопляк еще...

Когда Юля сошла с электрички, вовсю валил снег. Не снежинками, а целыми ошметками. Желтое, неяркое солнце пряталось за снежным маревом, точно за занавеской. Но рассеянные лучи его упрямо пробивались, искрились и мохнатыми деревья, и крыши маленьких домов, накрытых ватой, и твердую, укатанную дорогу. Кругом было так бело и светло, так празднично, как только и могло быть в канун необыкновенного Нового года.

На жестяном щитке, прикрепленном к столбу, — расписание. Что, следующий автобус до Пешек только в пять? Такой огромный интервал?

Юля спросила у станционной кассирши, нельзя ли добраться до Пешек как-нибудь иначе, не автобусом.

— Зачем же иначе? — удивилась кассирша. — Автобус чин чин, в самые Пешки.

— Спасибо, — вздохнула Юля и отошла.

Вон сколько обратных поездов на Москву, каждый час, даже чаще. Купить билет да и втиснуться снова в теплую электричку.

А ребята? Сережка скажет: «В такой ерунде положиться нельзя! А если серьезное?» И усмехнется пренебрежительно, отведя глаза вбок. Он умеет обидно усмехаться. Юля старается не глядеть на него, когда отчеканивает у доски. Она виновата, что получается так быстро и гладко? Разве она не пробовала следить за собой, говорить медленно и раздумчиво?

Сережкины усмешки ее задевают. Нет, он не нравится ей как-то особенно, как-то исключительно, ей никто еще не нравился. У других девчонок давно секретов полно, на переменках они обожают выкладывать свои секреты, жарко дыша тебе в ухо. Ах, посмотрел, ах, сказал, пригласил в кино... Ее тоже приглашали, подумаешь, невидаль! Славка, например, когда она занималась с ним по математике (он и сам нормально соображает, но если напросился, не все ли ей равно, одной делать уроки или с ним?). Так вот, Славка один раз достал билеты на какой-то франко-итальянский. На перемене она объявила про кино всему классу. А Славка обиделся, дополнительные занятия забросил...

Вот если бы Сережка пригласил в кино! Интересно, каким бы тоном? Обычным своим, небрежным, словно делает тебе одолжение? Позавчера подошел к ним с Лялькой и будто между прочим:

— Новый год встречаем у знакомого лесника. Хотите с нами?

Юля еще не знала, отпустят ли ее дома. Вернее, знала: не отпустят. Да и не сразу сообразила, где взять лыжи. Но почему-то была заранее уверена: все как-нибудь уладится, обязательно уладится, не может не уладиться.

И каждую минуту потом — на последних уроках, когда они, здоровенные дылды, орали, точно первоклашки, традиционное: «Последний день, учиться лень», — и когда они кружили с мамой по магазинам, и когда Юля старательно отдраивала пол во всей квартире (с прошлого года мама сделала его постоянной Юлиной обязанностью, несмотря на выразительные вздохи бабушки) — каждую минуту Юля носила в себе это сладко и в то же время тягостно сжимавшее сердце о ж и д а н и е...

Пришла еще одна электричка. Стало людно. А потом длин-

ная стрелка на часах подползла к самому верху. Юля схватила лыжи и выскочила на мороз. Было непроглядно темно. Площадка перед станцией уменьшилась, сжалась до зыбкого круга от фонаря. Лес придвинулся — хмурый, густой, молчаливый.

С Юлей попытался заговорить веселый широколицый парень. Спросил, далеко ли едет, да не скучно ли, да не найдется ли в компании места еще на одного. Юля пренебрежительно молчала. Парень взгляделся в ее лицо и спросил серьезно:

— Да почему ты одна? Совсем ведь пацанка.

— Мне в Пешки,— объяснила Юля сердито.

Если бы парень начал расспрашивать дальше, не исключено, что она бы заревела. Когда тебе сочувствуют, вся воля вдруг парализуется.

Сейчас бабушка вытаскивает, небось, из духовки пироги с гладкой корочкой. Она мажет их сладкой водой, чтобы долго оставались мягкими, упрасивает всех попробовать и заранее сокрушенно ахает: не получились, вот всегда получаются, а тут не вышли. Теплень, чистота, пахнет вкусно-вкусно. И все разговоры, конечно, о ней, о Юле. Мол, сейчас уж благополучно добралась. А она тут чуть не отстала от автобуса. Набежало столько народу — с сумками, корзинками, раздутыми сетками. Спасибо, веселый парень высунулся из двери и прямо над головами втащил в автобус ее лыжи, а потом перегнулся и за руку подтянул Юлю.

До Пешек ехали долго. Еще бы подольше! Она старалась не думать о том, что будет после. Веселый парень сошел на полпути, пожелав Юле самого счастливого года.

И вот она прыгнула на обочину дороги. Пешки. Люди затоппились по домам, потащили свои корзины и сетки. Уютно светятся низкие окошки. Их неяркий домашний свет успокоил Юлю.

Она сдернула с концов лыж мешочек, сунула его в карман, поставила лыжи на обочину и защелкнула крепления. Километр — чепуха. Считается, пешеход проходит за час пять километров. Без лыж. Прогулочным шагом. Так что километр — минут десять, не больше. Еще сто шагов вправо — и пожалуйста. Вот мальчишки удивятся! Куликова? Одна? Ну да? И не боялась?

Она не станет врать. Сами попробуйте. Сережка теперь никогда не посмеет усмехаться, отводя глаза вбок!

Лес полон шорохов, смятых, сдвоенных, будто он затаился, прислушиваясь. Уж лучше бы ветер сильный, что ли. Оглянулась назад — домашние огоньки пропали. Луна светит тускло, вполнакала. Ничего, скоро сворот.

Юля мчалась быстро, отталкиваясь палками изо всех сил. Лыжи на бургристой укатанной обочине разъезжались, но Юля не догадалась, что по шоссе удобнее идти без лыж. Она мчалась и тарасила глаза в сторону леса, сторожащего дорогу справа. Сережка сказал — направо, она еще по давнишней привычке отметила про себя: какой рукой едят.

Кстати, почему он сказал «сворот», а не «поворот»? Нет тут никакого сворта. Она мчится и мчится, наверно, уже целых полчаса. Какой же километр, все пять отмахала.

Изредка слепили Юлю огни встречных машин. Потом одна, обогнавшая ее, остановилась. Шофер распахнул дверцу:

— Подвезем?

— Не-ет,— крикнула Юля очень громким и очень резким от решимости голосом.— Я скоро уже! Я сама!

— Как знаешь! — удивленно сказал шофер и уехал.

С непривычки заныли ноги. Можно и потише. До чего скользко! Ну где же этот сворот? Ни дорожки, ни тропинки. Ровная, глухая стена леса. Раз, два, три... Досчитав до двухсот, она все же решила вернуться. Пропустила, небось, впопыхах. А может, ей показалось, что едет долго? Да нет, спина вся мокрая.

Она перешла шоссе и неуверенно полпелась назад. Вдруг правая лыжа отскочила и укатилась в сторону, в кювет. Юля ползла за ней, проваливаясь и шаря по сугробу руками. Жесткий снег набился в рукава, под брючины, тут же начал таять, липким мокрым холодком охватывая тело.

Юля вытасила лыжу, снова защелкнула крепления, поправила лямки рюкзака и отряхнулась. Теперь она шла, попеременно пристально глядясь то вправо, то влево. Может, Сережка спутал? А может, она не так запомнила? Лялька записывала, а она просто механически отметила про себя — какой рукой едят.

Наконец-то! Направо уходила твердая, утоптанная тропинка. А она уж чуть в панику не ударилась. Ура-а! Но как же? Ведь она сейчас идет не от Пешек, а к Пешкам — значит, сворот должен быть налево...

Если бы Юле сказали вчера, да нет, даже сегодня утром, что через несколько часов она очутится одна, совершенно одна в темном чужом лесу и будет очень долго и упрямо блуждать по нему, она бы не поверила. Ради чего? Кому это нужно? Если бы от нее зависела чья-то жизнь, например, потерялись бы в лесу малыши. Или в войну... Полно таких, как она, мальчишек и девчонок сражалось вместе со взрослыми в партизанах. В разведку шли, фашисты рядом, мины, немецкие овчарки, смерть. В сто раз страшнее, в тысячу раз страшнее, чем просто идти по мирному лесу да отыскивать какой-то несчастный сворот. Тоже мне героизм!

И вдруг рядом с чувством страха и жалкой потерянности у Юли возникла мысль: и она, наверно, способна на что-то большое, нужное. Она не смогла бы четко объяснить это словами, но ей показалось: угрюмый затаившийся лес проверяет сейчас, чего она стоит.

А вот и вторая тропинка, в другую сторону. Юля свернула на нее и стала отсчитывать шаги. Двадцать девять, тридцать...

Совсем близко послышался кашель. Кто-то шел навстречу. Она метнулась под огромную, обвалившуюся на нее целый сугроб снега ель. Ветки колюче оцарапали щеку. Правая лыжа снова отскочила. Рюкзак, опрокидываясь, грохотнул консервными банками. Однако человек прошел, не заметив ее.

Обдирая о сучья руки, она нашарила лыжу, выползла из-под елки, спокойно (сама удивляясь своему спокойствию) отряхнулась, защелкнула крепление и пошла дальше...

* * *

К леснику она постучалась около десяти: как только вошла в избу, глаза наткнулись на старенькие ходики.

Открыл ей Славка.

— Ты откуда? — ошарашенно спросил он.

— Из дома, откуда же! — попыталась она улыбнуться окоченевшими губами.

А в кухню уже высыпали ребята, и расспрашивали, и восхищенно ахали, и тянули с ее спины рюкзак, и больно растирали руки, и лезли расшнуровывать ботинки.

— К печке тулись,— подтолкнул ее высокий морщинистый старик, наверно, лесник.

У Юли глаза туманились от тепла и счастья.

— А почему ты одна? — тихо спросил Сережка.

Она стаскивала обледеневший ботинок, неуклюже зацепив его носком второго, ноги противно подрагивали от усталости.

— Почему не приехала Ляля?

Не Лялька, как называли все, а Ляля. Торжественно. Тихо.

И вот тут-то Юля разревелась. Нет, чтобы поинтересоваться, как она шла по темной дороге, как у нее по-дурачки расплзались лыжи и ее слепили фарами встречные машины. А Лялька в это время смотрела, небось, по телевизору «Клуб кинопутешествий».

«Почему не приехала Ляля?» Болтуня потому что, ей слово дать — раз плюнуть! Юля редела от жалости к себе, от вновь нахлынувшего страха перед тихим лесом, оттого, что все сейчас так дружно успокаивали ее и у мальчишек были испуганные лица. Она редела некрасиво, всхлипывая натужно и залиvisto, и с неприязнью прислушивалась к себе, словно со стороны, и ненавидела себя: портит всем Новый год.

— Ну-ка, давайте отсюда все,— властно потеснил мальчишек старик.

Он поднял Юлю со скамьи за плечи, подвел к умывальнику и умыл ее негнушейся, наждачной ладонью.

— Баб в доме нет. Хозяйкой уж тебе придется.

Юля попыталась улыбнуться сквозь слезы. Вырвалась из стариковых рук, все еще всхлипывая:

— Это я... просто так.

Старик взял в углу бурую лохматую тряпку, сунул ее Юле и показал на лужу, что натекла с ее ботинок. Сказал строго:

— А слезы от чужих глаз хорони. Мало что в жизни будет. Жизнь — она и полев и оврагами...

Союз хищников

«Расскажите поподробней о Североатлантическом блоке, о его политике и главных участниках», — просит В. Певченко из г. Красноярск.

Нашей читательнице отвечает член редколлегии журнала «Международная жизнь» Л. ВИДЯСОВА.

В начале ноября одна итальянская газета рассказала о событиях, происходящих на юге Италии.

«На острове Таволара, — говорилось в заметке, — в восьми километрах от побережья Сардинии, находится огромная пещера в скале, возвышающейся над морем. Вход в пещеру расположен на уровне моря. Его трудно обнаружить, так как в этой части побережья много естественных гротов. В один прекрасный день у Таволары появилась атомная лодка. Она вошла на большой глубине в пещеру, удачно завершила маневры, предусмотренные испытаниями, и ушла... Здесь три-четыре раза в год проводятся десантные высадки морской пехоты... Приходят корабли, затем начинается высадка, появляются «джипы», танки, амфибии, в которых вплотную друг к другу сидят стрелки морской пехоты. Затем начинается стрельба, конечно, холостыми снарядами».

Картину, подобную той, что увидал корреспондент газеты, можно было наблюдать и во многих других странах западной части Европейского континента, являющихся членами агрессивного Североатлантического блока — НАТО.

Договор о его образовании был подписан почти двадцать лет тому назад, 4 апреля 1949 года. Первоначально в состав блока вошли 10 западноевропейских стран: Англия, Франция, Италия, Норвегия, Дания, Бельгия, Голландия, Люксембург, Португалия и Исландия. А также США и Канада. Через короткий срок его членами стали еще Греция и Турция. Таким образом, сфера действия блока захватила обширный район, простирающийся от Полярного круга до тропика Рака, от Алеутских островов до Балтийского и Средиземного морей, от Мексики до берегов Северной Африки.

Зачем понадобился этот договор, и чьим интересам он служит?

План образования Североатлантического блока был задуман в столице США. Еще в годы второй мировой войны американские империалисты вынашивали идею установить безраздельное господство во всем мире.

Возникновение системы социалистических государств и укрепление социализма нарушало эти расчеты. Тогда-то в США и родился план сокрушить социализм с помощью сведенных воедино военных и материальных сил главных империалистических государств Запада. Попутно США надеялись создать такие условия, при которых экономика и политика стран Западной Европы была бы поставлена под американский контроль.

План Вашингтона нашел поддержку в Западной Европе. В те годы западноевропейские страны испытывали немалые послевоенные трудности. Помощь, которую сулил союз с США, казалась им весьма заманчивой. Но Атлантический союз привлек их не только надеждами на получение экономической поддержки из-за океана. Буржуазия западноевропейских стран и сама была встревожена укреплением сил социализма. В Атлантическом блоке она рассчитывала обрести средство оградить свои интересы от растущего национально-освободительного движения в колониях и демо-

кратического революционного движения в собственных странах.

Образование Североатлантического блока превратило Западную Европу в арену так называемой «холодной войны» против социалистических государств. Ее территория покрывалась густой сетью военных баз, ракетных установок, складов, полигонов, линий коммуникаций и газопроводов, либо принадлежащих американской армии, либо находящихся в ведении военной организации НАТО.

В конце 1968 года институт стратегических исследований, объединяющий представителей 32 стран и находящийся в Лондоне, опубликовал последние данные о вооруженных силах НАТО: только европейское командование НАТО имеет в своем распоряжении около 45 дивизий и значительное число отдельных бригад. Число аэродромов НАТО на территории стран Западной Европы достигает 150. На них базируется 3 500 самолетов тактической авиации. Европейское командование НАТО располагает по меньшей мере 7 тысячами единиц атомных снарядов, а число ракет и самолетов, приспособленных для доставки этих снарядов, достигает 2 250. Подсчитано, что за один лишь 1967 год военные расходы стран НАТО составили почти 100 миллиардов долларов.

НАТО было использовано и как прикрытия для возрождения германского милитаризма. В 1955 году Западная Германия была принята в состав НАТО. ФРГ получила право перевооружаться, а ныне западногерманская армия (превышающая 500 тысяч человек) наряду с американскими войсками в Европе образует костяк вооруженных сил НАТО.

Представители Западной Германии пробрались на многие из руководящих постов блока. В большинстве своем это — бывшие гитлеровские офицеры и генералы.

Почти сразу же после вступления в НАТО Западная Германия стала добиваться, чтобы ей было разрешено участвовать в распоряжении ядерным оружием блока. И ей уже удалось достигнуть немалого. ФРГ стала членом одного из важных органов НАТО — группы ядерного планирования.

В ответ на появление НАТО и возрождение германского милитаризма европейские социалистические страны в мае 1955 года заключили между собой Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи — Варшавский пакт. Существование этого договора, рост экономического, военного и политического могущества социалистических стран действует на империалистические силы отрезвляюще: страны Североатлантического блока ни разу не осмелились на лобовую атаку против социалистических стран.

К тому же в самом НАТО возникли острые столкновения и схватки между партнерами. Жизнь еще раз показала, что любой союз империалистов представляет собой, как писал В. И. Ленин, «союз хищников, каждый из которых старается урвать что-нибудь друг у друга». Особенно усилила этот разлад агрессия США в Индокитае. Она подорвала престиж США и вызвала у европейских партнеров США опасения быть втянутыми в грязную войну против Вьетнама.

Кризис в блоке отчетливо проявился в 1966 году, когда Франция заявила о своем выходе из военной организации блока, а

штабам и военному командованию НАТО пришлось покинуть французскую территорию, где они обосновались 17 лет тому назад. Сейчас Вашингтон и Бонн в тревоге: в связи с приближением двадцатилетия блока общественность многих стран стала требовать, чтобы и их правительства воспользовались предусмотренным в тексте договора правом уйти из союза после 1969 года.

Но было бы ошибочно думать, что провал первоначальных замыслов организаторов блока и кризисные явления в нем сделали блок менее опасным. Напротив, именно в последние годы в НАТО стало все активней проявляться сотрудничество двух наиболее агрессивных государств — ФРГ и США. Правда, лидеры блока были вынуждены несколько видоизменить свою тактику. Смысл этого поворота — ослабить бдительность народов, а тем временем осторожно, исподволь вести работу по разложению социалистического строя в странах Восточной Европы... Как это реализуется на практике, наглядно показали события в Чехословакии.

Здесь особую активность проявили боннские милитаристы и реваншисты, но действовали они не на свой страх и риск. Их благословляли и ободряли и в Вашингтоне и в Лондоне.

Как известно, надеждам контрреволюционеров в Чехословакии и их натовским покровителям не суждено было оправдаться. Верные своему интернациональному долгу и союзным обязательствам, Советский Союз, Болгария, Венгрия, ГДР и Польша встали на защиту социалистических завоеваний чехословацкого народа и оградил социалистическое содружество от происков воинствующих кругов НАТО.

Провал опасной авантюры с Чехословакией вызвал острый приступ милитаристской лихорадки в НАТО.

Различные органы блока за последние месяцы провели много совещаний, на которых США давали понять союзникам, что они рассчитывают на «твердые обязательства в отношении качественного и количественного улучшения» вооруженных сил НАТО.

Именно таков был смысл решений, принятых в Брюсселе на последней сессии совета НАТО, который по требованию ФРГ собрался на месяц раньше обычного срока. В Брюсселе лидеры НАТО взяли курс на дальнейшее обострение международной напряженности. Подтверждение тому — изобретенная ими теория так называемой серой зоны. К ней были отнесены государства, не входящие ни в НАТО, ни в Варшавский пакт. В Коммюнике сессии совета содержится довольно прозрачный намек на то, что НАТО намеревается распространить на них свое влияние.

Как сообщает печать, государственный секретарь США Дин Раск назвал в числе стран «серой зоны» Австрию и Югославию. Но это еще не все. Лидеры блока надеются втянуть в сферу действия НАТО и Финляндию и даже некоторые страны, связанные Варшавским договором. Руководители НАТО хотели бы хозяйничать и в странах Ближнего Востока и Северной Африки.

Итоги брюссельской сессии еще раз продемонстрировали агрессивную сущность Североатлантического пакта.

Социалистические страны полны решимости крепить свою обороноспособность, укреплять политическое и военное сотрудничество в Организации Варшавского договора. В то же время Советский Союз вместе со своими друзьями и союзниками будет делать все от него зависящее, чтобы сохранить и упрочить мир.

0 ТОВАРИЦАХ ПО БОРЬБЕ

Дорогие друзья!
Мне бы хотелось поделиться с вами своими впечатлениями о советских людях, о вашей поистине удивительной стране, родине социализма.

Но как бывшая узница тюрем для политических заключенных, как парагвайская гражданка, я чувствую себя обязанной рассказать прежде всего о своих товарищах по борьбе, о женщинах, томлящихся в тюремных застенках.

Мне довелось испытать лишь самую незначительную часть тех мук и страданий, что выпадают на долю узниц парагвайских тюрем. Но, поверьте, и это немало.

Я думаю о донье Хильберте Вердун де Талавера. На ее глазах тюремщики убили мужа, пытали сына, и все годы своего заточения она не знала, остался ли сын в живых или погиб под пытками. 9 лет просидела она в тесной одиночной камере, куда не проникал дневной свет. Не в силах вынести мучительного одиночества и отчаяния, она лишилась рассудка. Эту безнадежно больную 62-летнюю женщину выпустили на свободу только потому, что в случае ее смерти по стране прокатилась бы новая волна возмущений и протестов, не прекращавшихся все годы ее заключения.

Я думаю о Марии Канделарии Рамирес. Ее мужа-коммуниста убили через четыре месяца после того, как они поженились. Из-за страшных побоев и пыток у Марии произошел выкидыш, она потеряла еще не родившегося ребенка. Мария провела в заключении почти четыре года и вышла из тюрьмы с искалеченной рукой, с изуродованной грудной клеткой и весила 39 килограммов.

В июле нынешнего года Мария Канделария передала Международной демократической федерации женщин свое открытое письмо.

«В Парагвае нет специальных женских тюрем для политиче-

ских заключенных,— писала Мария.— Политические, будь то мужчины или женщины, содержатся в специальных полицейских участках-комиссариях. Им отказано в праве иметь адвоката, равно как и в праве подать апелляцию. Нас даже не судят, нам просто объявляют, что мы арестованы по приказу президента республики...

Женщины-заключенные подвергаются всяческому унижению. В нестерпимой зной парагвайского лета женщинам негде даже помыться, потому что в единственной уборной дверь выломана, и надсмотрщики и офицеры бесцеремонно разглядывают каждую, так что узницы предпочитают совсем не выходить из своих узких, сырых и темных камер, где нет ни стульев, ни кроватей, ни канализации...»

За решетки парагвайских тюрем полиция бросает не только коммунистов. В казематах томится много тружениц, «преступление» которых заключается лишь в том, что они осмелились потребовать кусок хлеба для своих голодных детей или добиваются для них права ходить в школу. «Преступление» других — участие в кампаниях за освобождение из тюрем их мужей, отцов и братьев.

Вот уже 4 года сидит в тюрьме Исабель Ортис де Касаль, мать шести детей, президент одного из клубов матерей, борющихся за открытие школ. Сейчас Исабель после продолжительной голодовки лежит в тюремной больнице.

Брошена за решетку Марсиана Вальбуэна де Алькорта: она требовала выпустить на свободу политических заключенных, в том числе и ее мужа Альфредо Алькорта, находящегося в застенке уже более 10 лет. Вместе с ней Идалина Гаона Мария Элина Родас де Рамирес, вдова Ронделли, погибшего от руки палачей кровавой диктатуры, и многие другие.

Все они, узницы столичных комиссарий, прошли сначала через ужасы следственной по-

Эту страну называют «концлагерем Латинской Америки». В 1954 году в результате военного переворота, совершенного при поддержке монополистов США, здесь, в Парагвае, утвердилась полуфашистская диктатура.

Генерал Стреснер — президент-диктатор обрушил жестокие репрессии на демократические силы Парагвая, объявил вне закона коммунистическую партию и все другие прогрессивные организации. Сотни коммунистов оказались за тюремной решеткой.

В феврале прошлого года, уже не в первый раз, полиция бросила в тюрьму известную парагвайскую поэтессу и журналистку, члена коммунистической партии Кармен Солер. В первый же день своего заточения Кар-

мен объявила голодовку. В ее защиту выступили прогрессивные организации многих стран мира. Гневный протест в адрес правительства Парагвая направили Советский комитет защиты мира, Комитет советских женщин, Союз советских обществ дружбы с зарубежными странами. В самом Парагвае прошли митинги и демонстрации за освобождение Кармен Солер и ее товарищей. Власти вынуждены были уступить, и Кармен вышла на свободу. Но жить на родине ей не разрешили. Как и многих других неугольных правительству лиц, Кармен Солер выслали из страны. Сейчас она гостит в СССР по приглашению Комитета советских женщин и Союза писателей СССР. Статью, которую мы печатаем, Кармен написала специально для нашего журнала.

лиции: их пытали в ваннах с водой, через которую пропускался электрический ток, зверски избивали дубинками. Каждую ночь, с 12 до 3 часов, узники слышат крики истязаемых пытками людей, прорывающиеся сквозь завывания джазовой музыки: тюремщики включают на полную мощь сразу несколько транзисторов. Нет ничего мучительней!

Я обращаюсь сегодня ко всем женщинам, ко всем мужчинам, ко всем людям, живущим на земле, с призывом решительно осудить беспредельную жестокость, изуверства и глумления над политическими заключенными в Парагвае.

Освобождение нескольких наших товарищей, ставшее возможным только благодаря широкой кампании солидарности, упорной борьбы различных организаций и крупных общественных деятелей многих стран

мира, показало, как важна и эффективна эта борьба.

Политзаключенные парагвайских тюрем — это люди стойкого духа и крепкой воли. Я помню, как спустя всего несколько дней после своего освобождения Мария Канделария Рамирес сказала: «Для меня самое главное в жизни — борьба. Я не перестану бороться за то, чтобы в моей стране, во всех странах нашего континента было навсегда покончено с нищетой и деспотизмом».

Все истинные патриоты Парагвая хотят того же — чтобы наша родина не была тюрьмой для своих лучших сынов и дочерей, чтобы парагвайцы могли свободно жить и трудиться.

Я обращаюсь к вам, дорогие советские подруги: мы рассчитываем на вашу солидарность и поддержку!

Кармен СОЛЕР

Делегация тружениц Саратовского ордена Ленина завода приемно-усилительных ламп доставила в Комитет советских женщин подарки для детей и женщин Вьетнама: 1 080 метров ткани, 670 платяев, фартучиков, палатенец, рубашонки, игрушки, изготовленных собственными руками. Кроме того, волжанки собрали 1 800 рублей в фонд мира.

На снимке: председатель Комитета советских женщин В. В. Николаева-Терешкова вручает председателю женсовета завода Екатерине Владимировне Ивановой грамоту.

Фото Б. ПОКРОВСКОГО

ПОЧЕМУ на
солнце
пятна?

Галилео Галилей направил свой телескоп-самоделку на Солнце — и ахнул: на поверхности светила были явственно видны темные пятна... Впрочем, Галилей не был первооткрывателем: о том, что пятна существуют, знали еще в древности китайцы.

Каким же образом на раскаленном газовом шаре, который согревает нашу Землю лишь одной двухмиллиардной долей своего излучения, появляются темные зоны, то есть участки сравнительно более холодные? Это стало понятно только недавно.

В земных лабораториях еще не удается создать условий, в которых находится вещество внутри Солнца. Атомы водорода и гелия — газов, составляющих в основном Солнце, сжаты чудовищными давлениями. Плотность такого газа в сотни раз превышает плотность воды. Температура там 14 миллионов градусов! От жары и тесноты солнечные недра превратились в водородную бомбу фантастических размеров. Миллионы лет там, не прекращаясь, идут ядерные реакции. Выделяемая энергия стремится вырваться наружу — на поверхность Солнца, в космос. Для этого есть два пути: лучеиспускание и теплообмен, конвекция. Вот с ней-то и связаны причины возникновения пятен.

Каждый наблюдал, как в знойный день стремится ввысь нагретый воздух. Примерно такая же конвекция происходит и в недрах Солнца. Но в некоторых случаях этот путь оказывается закрытым: газу не дает перемещаться магнитное поле Солнца. На обычный газ магнитное поле не влияет, потому что он не проводит электрического тока. Но газ, из

которого слеплено наше светило, — проводник. Давление и жара, отрывая от атомов электроны, превращают нейтральные атомы газа в заряженные частицы — ионы. По такому ионизированному газу ток течет, как по светящимся трубкам неоновых реклам.

...Если под газету положить магнит, то насыпанные сверху металлические прилики не будут слетать даже при сильном наклоне бумаги. Так и магнитное поле Солнца, когда оно достаточно сильно, удерживает ионизированные газовые массы от перемещений. Замедляется теплообмен. Раскаленные газы не могут вырваться наружу. В этих более холодных местах на поверхности Солнца и видны пятна. Они выделяют в десять раз меньше энергии, чем такие же по площади светлые участки.

Когда на Солнце пятен появляется больше, чем обычно, ученые говорят, что наступил год активного Солнца. Такое случается, как правило, раз в 11 лет. Годом активного Солнца был, например, уходящий 1968-й. Активность эта характерна не только появлением пятен. На поверхности Солнца происходят вспышки, огненные языки — протуберанцы — взлетают на сотни тысяч километров, потоки космических лучей отправляются скитаться в бездонных просторах Вселенной.

Мы, члены солнечной семьи, ощущаем последствия этих явлений, происходящих за 150 миллионов километров от нас. Пыхаю ярче обычного северные сияния. Даже в Подмосковье иногда появляются в небе светящиеся движущиеся занавеси. Нарушается радиосвязь на коротких волнах, а порой плохо работает даже телеграф. Регистрирует увеличение вызовов «Скорая помощь», жалуются на недомогание сердечники...

Исследования последних десятилетий показали, что солнечная активность влияет на число лейкоцитов в нашей крови, на ее свертываемость. Родилась совершенно новая отрасль науки — гелиобиология.

В период магнитных бурь, как предполагают ученые, возникают новые вирусы гриппа и других болезней. Появление саранчи, прирост древесины, изменение погоды — словом, десятки явлений, казалось бы, совершенно не зависящих друг от друга, — связаны с солнечной активностью. Понятно поэтому, что ученые все внимательнее следят за появлением и исчезновением солнечных пятен.

ПО такое
ТО «голос
МО моря?»

Не приходилось ли вам превращать расческу в импровизированную губную гармошку? Для этого надо положить на нее лист папиросной бумаги и подуть. Бумага колеблется, как мембрана, — и возникает звук.

Нечто похожее происходит, когда сильный ветер пронесется над гребнями морских волн. В этом взаимодействии тоже рождаются звуки. Человек их не слышит: частота возникающих при этом звуковых колебаний слишком мала для нашего уха. Потому-то очень долго это явление природы было неизвестно людям. Открыл его в 1932 году и дал ему название «Голос моря» советский ученый, академик В. В. Шулейкин. Выяснилось, что некоторые морские животные, например, креветки, в состоянии воспринимать такие инфразвуки. Услышав голос моря, они прячутся: близится шторм!

ПОЧЕМУ одни видят
сны,
а другие — нет?

Видят сны все люди, причем каждую ночь. Это доказано исследованиями. Только не все запоминают свои сны. Сновидения необходимы для нормальной жизнедеятельности человека. Проведены опыты, при которых людей искусственно лишали сновидений. Оказалось, что это вызывает неврозы и снижает аппетит.

МОГУТ ли
быть
искусственные
нервы?

Возможно. Вспомним, что созданы искусственные клапаны сердца, искусственные кровеносные сосуды... Давно возникло образное выражение: человек с железными нервами. Вполне вероятно, что оно вскоре окажется вовсе не переносным. Придется заменить лишь название металла. Еще в 1961 году в Институте хирургии Академии медицинских наук СССР демонстрировали собак, у которых седлажные и гортанные нервы были заменены протезами из танталовых проволочек. Собаки сидели и лаiali совсем как их сородичи с обычными нервами.

О самом родном человеке

**...И двадцать
пять внуков**

Шофе ЗАКИРЬЯЕВ, начальник цеха Самаркандского фруктовоконсервного завода:

— Вы спрашиваете, какая у меня мама? Я-то знаю, что замечательная, а как вам рассказать? Жила, как все. Как все, работала. Семерых детей воспитала.

В 1932 году они с отцом вступили в колхоз, выращивали дыни, виноград. Отец в 1942 году умер, нас она одна поднимала. Жили, конечно, нелегко, но никогда не слышали от матери жалоб, не видели слез. Она очень веселая, смеяться любит, музыку слушать, песни. И сердится, если кто-то из дочерей или снох нос вешает: «Женищина — солнце в доме, а ты сырость разведла...»

А еще она не умеет без

дела сидеть. Всегда себе работу найдет. Готовит она замечательно. Никогда не ел я ничего вкуснее, чем мамин плов. У жены таной не получается.

Теперь мы все взрослые даже, пожалуй, пожилые. Сестра Малика преподает английский язык. Шафи, брат, экономист, окончил торговый институт. Музафар после десятилетия работает лаборанткой, Юсуф, старший брат, — колхозник. И у всех свои семьи, дети, внуки — двадцать пять ребятишек. Очень любят все они бабушку Муннарам: справедливая она, и весело с ней. Отцу, матери порой и надерзнуть могут и соврать, а уж ей никогда.

Каждый из нас хочет, чтобы мама в его семье жила. А она отказывается: лучше, говорит, в гости ко всем по очереди ходить буду, чтобы не надоест. А разве она может надоест?

Если спросите, какую самую достойную женщину знаю я на земле, отвечу: Муннарам Найманову, мою маму.

**ПОЭТ
КРЕСТЬЯНСКИХ
ДЕТЕЙ**

К 100-летию со дня рождения Н. П. Богданова-Бельского

Маленький нищий в драной одежке с котомкой за плечами замер возле открытых дверей деревенской школы. Мы не видим лица мальчика, он стоит к нам спиной, но угадываем и робость и волнение, охватившие все его существо, и непреодолимое желание переступить заветный порог.

Кому из нас не знакома эта картина талантливого русского художника Николая Петровича Богданова - Бельского! Картина так и называется: «У дверей школы».

С редкой наблюдательностью и доброй симпатией, верно и живо изображает художник крестьянских ребятишек предреволюционной русской деревни на многих своих полотнах. «Устный счет», «Новички», «Сочинение», «Деревенские друзья», «У больного учителя», «Проба голоса» — вот названия лишь некоторых из них. Чаще всего художник изображает детей в школе. Прелестные, доверчивые, сосредоточенные, задумчивые, полные живого интереса и всегда отмеченные природным умом — такими знал и любил крестьянских ребятишек Богданов-Бельский, такими увековечил в своих произведениях.

А знал своих маленьких героев Богданов-Бельский очень хорошо: вырос в их среде, был когда-то пастушонком. «...Я незаконнорожденный сын бедной бобылки, оттого Богданов, а Бельский стал по имени уезда», — рассказывал художник о себе.

Ему посчастливилось попасть в школу известного русского педагога профессора С. А. Рачинского, который заметил художественный талант мальчика и помог ему получить художественное образование.

Н. П. Богданов-Бельский окончил Московское училище живописи, ваяния и зодчества, учился у таких известных художников, как В. Д. Поленов, В. Е. Мавровский.

Немало портретов и пейзажей написано Богдановым-Бельским, но в памяти людей он остался прежде всего как художник, сумевший поэтично и верно рассказать о смысленной сельской детворе, жадно тянувшейся к знаниям.

Н. БОГДАНОВ-БЕЛЬСКИЙ.

ДЕТИ НА УРОКЕ.

ИМЕНИНЫ УЧИТЕЛЬНИЦЫ.

Е. КОНЕВ

МАТЬ.

БАБУШКИН ОГОРОД

Рассказ художника

Этим летом я жил в деревне. Ходил в окрестные поля, писал сельские пейзажи.

Однажды шел я задами и заметил в огороде великолепную капусту. Туго завитые желтовато-белые кочаны тонули в крупных, раскидистых листьях, холодно-зеленых, с голубым отливом на изломах. А под кочанами — зеленая, теплого тона трава. Богатейшая гамма зеленых оттенков!

«Напишу, — думаю, — эту капусту».

Зашел в избу, чтобы спросить разрешения у хозяев. Гляжу, бабка у стола своим кухонным делом занимается. Небольшого росточка, подвижная, седая, белым платком повязана.

— Капуста, — говорю, — мне ваша очень понравилась. Красивая капуста! Разрешите мне с нее картину написать?

— Пиши, — говорит, — что ей сделается. — И не без гордости добавила: — На деревне капусты такой ни у кого больше нету.

И добренько так глазами просияла.

Ушел я в огород. Пишу капусту, а сам все поглядываю, как бабка по двору хлопочет.

Написал этюд, подошел к старушке.

— Вот, — говорю, — бабушка, ваша капуста. Ну, как?

— Гм! Правда, моя капуста, как вылитая. И как это у тебя получается?

Я обрадовался, что бабка так живо оценила мой труд, и начал ее в разговор втягивать.

Узнал я, что бабке на девятый десяток перевадило, и что внуки у нее есть, и что она, совсем как в песне, «четыре сына в солдаты отдала». Да только один с войны вернулся. Живет теперь в Ленинграде, в большом военном звании состоит. Старуху не забывает.

А зовут ее Аграфена Андреевна.

— Стало быть, Груней по молодости звали?

— Была Груня, да стала бабка Груша, — без сожаления, весело сказала она.

— А как, — спрашиваю, — здоровье, Аграфена Андреевна?

— И не говори. Какое там здоровье?.. Кости болят, руки, ноги крутит. Сплю плохо. Помереть бы надо, да недосуг.

Все это произнесла она так просто, что мне показалось, будто и впрямь дела земные держат ее, не дают свободного часа, чтобы отойти на покой.

— Помирать-то, наверное, и в любом возрасте неохота.

— Так это ведь когда как. Иной раз до того раздумаешься по бессонному делу, что совсем свету белому не рад. А утречком раненько выйдешь во двор: на траве роса, небо чистое, куры квохчут, на грядках овощ поднимается. И подумаешь грешным делом: о господи, до чего ж хорошо жить на земле! Глаз видит, ухо слышит, душа в радости, и все-то мне любо, и все-то я люблю. Что еще надо человеку?

— А как вы, Аграфена Андреевна, с богом-то в ладу или нет? — спрашиваю.

— Бог с ним, с богом-то. Мужик-то мой с войны не пришел, сыночки погибли. А уж как я просила бога-то, чтобы вернул мне их. Какая ж ему теперь вера? Да и где ему жить-то теперь? Все ведь небо изъездили. Так я и думаю: для страха он нужен был, бог-то...

— А теперь страху, выходит, нету?

— Чего мне-то страшиться? Я ж свое земное совершила. Пожила, потрудились, детей народила, может, и люди добром помянут. Да я еще и сейчас на работу проворная, — добавила она, помолчав.

«А бабка-то ведь счастливая, — вдруг подумал я. — Вот так бы и картины писать — по велению сердца, с любовью к людям и миру. Тем более что истинная красота не рядится в броские одежды. Ее надо уметь увидеть в обыкновенном».

Подружился я с той поры с бабкой и решил написать ее портрет. Она мне охотно позировала по несколько часов вкряду.

Когда работа была закончена, я назвал ее «Мать». Мне показалось, что образ Аграфены Андреевны постепенно перестал быть ее личным портретом, а вобрав в себя, помимо моей воли, какие-то обобщенные черты, стал образом матери крестьянской. А серая изба с пристроем, теплая земля, кочаны капусты, подсолнухи, даже три облачка в небе — все это часть родной земли, часть Родины, которой я и посвятил свою картину.

Строки любви и уважения

...В тридцать шесть лет мама осталась вдовой. Нас, шестерых, она растила одна. Но всех она подняла, выучила, в люди вывела. Всю жизнь трудилась не покладая рук, фотография ее всегда была на доске почета.

У меня не хватает слов, чтобы рассказать о ней. Я прошу, чтобы какой-нибудь писатель посетил маму и написал книгу о ее жизни. Маму зовут Балыкова Мария Максимовна. Живет она в селе Жадовка, Ульяновской области.

В. БАЛЫКОВА,
швея.

г. Ульяновск.

В Кисловодске я случайно познакомилась с Марией Максимовной Степаненко. Работает она в киоске

«Союзпечать» № 25. Мария Максимовна вместе с мужем воспитали четверых детей, которых они одного за другим подбирали во время войны на улице. Дети выросли, получили профессии, завели семьи и разъехались в разные концы страны. Они не забывают маму, пишут ей, присылают подарки, зовут в гости.

И. ГЕТМАНОВА

г. Саратов.

Я ученик седьмого класса из села Обганерово. Пошлю вам вырезку из газеты «Путь Октября» с портретом моей мамы, Анны Запужаловой. Через ваш журнал я очень хочу поздравить ее с Новым годом. Мама не только хорошо работает, но и участвует в художественной самодеятельности. Я

люблю слушать мамини песни. На шестом областном фестивале в Иркутске мама получила медаль лауреата. А в прошлом году, когда исполнилось 50 лет Советской власти, она ездила с делегацией от нашей области в Крым.

Я горжусь своей мамой, которая приносит людям радость. Она научила меня очень многому, особенно пению. Часто мы поем вместе с мамой.

Витя ЗАПУСКАЛОВ

Волгоградская область,
Октябрьский район.

Есть у меня товарищ — Владимир Иванович Морозов. Мы иногда встречаемся с ним у нас в Саратове. Поговорим о делах да и разодемся. А тут как-то зашел у нас разговор о детях. Он

достал паспорт и мой попросил.

— Вот видишь, у тебя только две строчки заняты, а у меня — девять. На десятого строки не хватило — в паспорт жены вписали.

— Выходит, Антонина Васильевна — «Мать-Героиня»? — удивился я.

— Да нет. У нас с ней общий ребенок один. Девять от первой жены. Она умерла, когда старшему было 14 лет. Думал, пропаду. И тут встретил Тоню...

Десять ребят! А ведь ни он, ни Антонина Васильевна никогда не жаловались на трудности.

А. РАМЗАЕВ,
инженер
«Гипропромсельстрой»

г. Саратов.

ЧТО ДУМАЮТ О НАС НАШИ ДЕТИ

Дети.

Фото М. КРУПНОВОЙ.

Важно ли это знать? Да. Не потому, что дети всегда правы в своих требованиях, желаниях и претензиях. Но в их мыслях о нас всегда отражаемся мы сами: наша правота или неправота, наша жизненная позиция, наши поступки.

Порой мы не представляем себе, под каким увеличительным стеклом мы находимся. Как пристален и зорек детский глаз. Прочитайте ответы пятиклассников одной московской школы на вопросы, которые им были даны. Каждый из них, сам того не думая, нарисовал маленький портрет своей семьи. Справедливая детская рука изобразила страшную трагедию одной семьи (ответы Володи М.). А какой прелестный образ отца смотрит на нас из строчек, написанных Алешей Б. А вот родителям Жени А., наверно, нужно бы очень серьезно поговорить о своем мальчике. Почему так получилось, что ребенок доверяет отцу и таится от матери? Кто в этом виноват? Отец? Мать? Или они оба? Кто бы ни был виноват, надо вместе решить, как вести себя дальше. А какой автопортрет сделала Лена С.: себялюбивая девочка глядит из простодушных строчек. Матери, которая стирает и обшивает дочку, наверно, и в голову не приходит, что растёт ее ухоженная дочь совсем не тем человеком...

С собственными детьми анкеты не проведешь. Но стоит внимательно всмотреться в них, чтобы понять, каков он, человек, который вырастает в семье. Всегда ли таков, каким кажется поверхностному доброму взгляду?

1. Если бы ты попал в беду и тебе нужно было бы посоветоваться с кем-нибудь из взрослых, кого бы ты выбрал!
2. Если ты выбрал маму, ответь, почему ее!
3. Приходилось ли тебе скрывать что-нибудь от мамы?
4. Была ли мама несправедлива к тебе?
5. Что тебе особенно нравится в маме?
6. Хочешь ли ты, чтобы мама в чем-нибудь изменилась? В чем?
7. Если бы ты мог все, что бы ты сделал для своей мамы?
8. Какие слова мамы тебе особенно запомнились!

СЕРЕЖА Б.

1. Если бы я попал в беду, я сказал бы только маме.
2. Я выбрал маму потому, что она лучше всех знает мой характер и уж она-то посоветует мне непременно что-нибудь хорошее.
3. Однажды произошел такой случай: я получил двойку. Когда я пришел домой, у мамы было прекрасное настроение, и я по доброте душевной не стал огорчать ее.
4. Мама всегда справедлива со мной.
5. Мне в моей маме нравятся такие качества: доброта и то, что она всегда улыбается.
6. Я не хочу, чтобы моя мама изменялась.
7. Если бы я мог все, я бы сделал ее бессмертной.
8. Вот какие мамини слова я запомнил: делай все так хорошо, как можешь.

АЛЕША Б.

1. Если я попаду в беду или в какую-нибудь неприятность, я посоветуюсь с папой.
2. Вы спросите: почему я вы-

брал папу, а не маму? По-моему, я больше всего люблю папу. С папой всегда интересно. Вот, например, вчера мы пошли в зоопарк и видели, как один верблюд плюнул в человека, который ему не понравился. А когда мы дома, папа обязательно придумает для меня интересное дело. Вечером мы с ним занимаемся маршами.

3. От папы я никогда ничего не скрываю.
4. Папа никогда не был ко мне несправедлив.
5. Я не знаю, почему я его люблю.
6. Я не хочу, чтобы он изменился. Я хочу, чтобы он оставался молодым и добрым, как сейчас.
7. Я бы сделал, чтобы он жил до тех пор, пока живут все люди на земле.
8. Я помню все его слова.

ЛЕНА С.

1. Я, конечно, выбрала бы маму.
2. Я не выбрала бы, например, папу или сестру потому, что мама для меня самый луч-

ший человек. Ну что бы я делала без мамы? Мне пришлось бы тогда и стирать, и гладить, и мыть полы, и еще, придя из школы, делать уроки, и мне бы, конечно, не хватило времени.

3. В тот день я получила «два» и хотела, чтобы мама не узнала. Я ей ничего не сказала про двойку и пошла гулять. А мама, конечно, заглянула в мой прелестный дневничок. Когда я пришла, я была очень огорчена.

4. Я не помню.

5. Больше всего мне нравится то, что мама все умеет.

6. Я хочу, чтобы мама всегда была такая.

7. Если бы я могла все, я построила бы ей дворец из золота.

8. Мама говорит: «Учись хорошо, и ты поступишь в институт».

ЛЕНА Б.

1. Однажды произошла великая ссора моих друзей, и ни один из них не захотел мириться. И теперь мне надо было дружить с кем-нибудь одним из двух. С кем? С этим вопросом я обратился к маме.

2. Почему к маме? А потому, что в курсе моих дел была только мама и не было никакого смысла обращаться к другому.

3. Такого случая не было.

4. Один раз мама не разрешила мне смотреть телевизор по совсем непонятной причине.

5. Мне в моей маме нравится честность, доброта и строгость.

6. Я не могу представить себе мою маму другой и не хочу, чтобы она изменилась.

7. Если бы я мог все, я бы сделал мою маму моложе.

8. Я всегда помню слова мамы: «Собравный успеет сделать все».

ВОЛОДЯ Б.

1. Если бы я попал в беду и мне нужно было бы посоветоваться, я выбрал бы для совета маму.

2. Когда я прихожу к маме с какими-нибудь историями, в которые я часто попадаю, она никогда меня сразу не ругает, а сначала выслушает, а потом ставит на правильный путь.

3. От мамы я еще ничего не скрываю.

4. Один раз мама была ко мне несправедлива. Я пришел домой весь грязный, а она не поверила, что я упал в грязь,

а сказала, что я играл в футбол.

5. Больше всего мне нравится в моей маме то, что она добрая.

6. Я бы ни за что не хотел, чтобы моя мама изменилась.

7. Если бы я был волшебником и мог все, я сделал бы, чтобы моя мама жила долго. А для всех я сделал бы, чтобы никогда не было войны.

8. Я помню слова, которые мама сказала мне под Новый год: «Иди спать!»

ЮЛЯ И.

1. Я выбрала бы маму. Хотя вопросы жизненные я обычно решаю сама, а с ней только советуясь.

2. Мама для меня самый авторитетный человек.

3. Этот случай был, когда я очень не хотела брать с собой завтрак и сказала, что завтракаю в школе. Но тогда я недостаточно верила в нее. А теперь я говорю ей все.

4. Такого не было.

5. Мне особенно нравится в маме то, что она не забыла детство и очень хорошо понимает меня во всем.

6. Нет, не хочу, чтобы она изменялась.

7. Если бы я могла все, я сделала бы всемирный коммунизм. Я работала бы в лесничестве, а мама жила бы со мной.

8. «Будь всегда во всем сама собой».

ВОЛОДЯ М.

1. Если бы случилась беда, я бы никому не сказал.

2. Матери не сказал бы, она стала бы плакать. А отец ругаться на меня и на нее.

3. Я от них все скрываю.

4. Когда она здоровая, она всегда справедливая.

5. Мать всякий любит.

6. Не в чем ей меняться.

7. Если бы я мог, я вылил бы все вино, какое есть на свете, в яму и закопал бы.

8. У ней много слов.

НАТАША С.

1. О своей беде я сказала бы бабушке.

2. С бабушкой я живу с самого детства, а мама уезжала от нас.

3. Я стараюсь не скрывать, но иногда приходится.

4. Мама говорит, что она всегда справедливая, но она бывает совсем несправедливой. Особенно когда у нее плохое настроение.

5. Больше всего мне нравится в маме, что она красивая.

6. Я бы хотела, чтобы мама была всегда одинаковой. А она иногда за что-нибудь сильно ругает. А другой раз за это же самое совсем не ругает, а только смеется и шутит.

7. Если бы я могла все, я бы сделала, чтобы мама никогда не ссорилась с бабушкой.

8. Однажды я слышала, как мама сказала: «Когда человек сильно захочет, он может сделать все». Если бы мама сильно захотела, нам с бабушкой было бы очень хорошо.

САША Г.

1. Я выбрал бы, наверно, папу.

2. Маму я не выбрал бы потому, что у меня с ней совершенно разные точки зрения. С папой же я всегда согласен, и мне кажется, что мы с ним в чем-то похожи.

3. Скрываю ли я что-нибудь от мамы? Изредка мы с папой скрываем от мамы цену дорогих купленных вещей, чтобы она не переживала.

4. Кажется, таких случаев не было.

5. В маме мне очень нравятся ее знания. Что бы я ни спросил, ответа долго ждать не приходится.

6. Мне кажется, что в маме нечего изменять, разве что ее вспыльчивость.

7. Если бы я мог все, я бы сделал так, чтобы она не нервничала по пустякам. Тогда бы ей было лучше. И нам с папой тоже.

8. В детстве мама мне говорила: «Сыночка-носочка».

ИГОРЬ А.

1. Когда я попадаю в беду, я всегда доверяю маме.

2. Папе я не говорю потому, что он меня очень сильно ругает.

3. Такой случай был. Но мне не хочется про это писать.

4. Мама ко мне еще никогда не была несправедлива. Везде был виноват я.

5. Моя мама с открытой душой.

6. Хочу, чтобы моя мама всегда была такой, как сейчас. Я бы только хотел, чтобы мама любила зверей.

7. Если бы я мог, я купил бы маме душистые духи и вкусные конфеты. Если бы я мог, но у меня нет денег.

8. Мама мне всегда говорит: «Сынуля».

ЖЕНЯ А.

1. Я выбрал бы папу. Папа, когда надо, добрый, а когда надо, суровый. Как он посматривает мне в глаза, я не могу сказать неправду.

2. Я выбрал бы папу потому, что он ко мне требовательнее, чем мама.

3. Я от папы ничего не скрываю, а от мамы иногда скрываю.

4. Однажды мама была несправедлива ко мне. Но я забыл, в чем. И если так случится еще, я тоже постараюсь поскорей забыть.

5. В папе мне нравится все.

6. Нет, я не хочу, чтобы он изменился.

7. Если бы я был волшебником, я сделал бы его счастливым на всю жизнь.

8. Он говорит мне хорошие слова, но я не знаю, какие здесь написать.

Рисунки Я. МИРОШНИЧЕНКО

Александр БАРКОВ

ПОЧЕМУ ЕЛЬ ЗИМЫ НЕ БОИТСЯ?

— Осина, а Осина, отчего ты все трясешься?! — удивилась молодая пушистая Елка.

— Страшно... зимы боюсь...

— Зимы бояться — в лесу не жить!

— Ха-ха! — Осина приосанилась и встряхнула ветвями. — У меня листья вон какие большие, а у тебя иголки тонюсенькие. Сразу очоленеешь...

— Поживем, увидим... — загадочно ответила Елка.

Вскоре прикатила на санях Зима-лиходейка, белой хрустящей скатертью землю застелила.

— Зя-яб-ну, — пожаловалась Осина.

— А ты крепись, не поддавайся ветру, а то худо придется! — подбодрила ее Елка.

— Брр... лист на лист не попадает... Ме-ер-знул! — заплакала, коченея, Осина.

Ель встряхнула ветвями, иглы расправила, точно еж, оцетибилась.

Ударил Мороз Красный Нос по Осине и враз сбросил с нее все листочки.

— А это кто еще тут на пути торчит! — заскрипел Мороз, приметив на опушке леса зеленую Елочку. — Вот невежа. Даже шапку передо мной снять забыла. Долой с дороги, сейчас заморожу! — Дохнул холодом: «Пуф, пуф...»

А Елка не шелохнется.

— Ветер, браток, выручай, обессилел я совсем, — пожаловался Мороз.

— Ха! Да это нам раз дунуть!

Разбежался, размахнулся Ветер... Дунул, плюнул... и нако-

А Елка знай себе посмеивается да ветвями потряхивает.

— Буран, братец, подсобил Мочи моей нет! — простонала усталая Пурга и отступилась от Елки.

Не на шутку разошелся Буран, загрохотал, заревел, зауллюкал на всю округу, норовит Ель с корнем выдернуть, под самые небеса зашвырнуть. А толку все нет, только охрип да ладошки наколол.

А Елка знай себе посмеивается да песенку напевает:

лосся... Даже засвистел с досады. Еще разок размахнулся... Раз... раз... и заревел от злости.

А Елке хоть бы что. Она все наряднее становится. Распушилась, снежной шубой укрывается...

Ветер гудел, свирепел, до самых корней Елку холодом пронизывал, а толку все нет. Да так и отошел в сторонку не солоно хлебавши: «Пурга, сестрица, помоги!»

Налетела Пурга на Елку, застонала, завывала:

«У... у... у... снегом замету, холодом заморожу!»

Я закуталась в снег, От Мороза не бегу, Перед Ветром не робею, От Пурги не коченею. А Буран, разбойник главный, Мне не страшен и подавно!

Обнялись Мороз с Ветром, а Буран с Пургой и пустились с досады в печных трубах выть, зайцам хвосты морозить, зевак в школу подгонять.

С той поры Ель зимы не боится. На Новый год к ребятам из лесу в гости приходит, весельем да гостинцами их радует.

Сергей СКАЧЕНКОВ

Вовкин рисунок

Брат просил братишку: — Нарисуй мне мышку. Долго Вовка рисовал. Васька-кот прибежал. Глянул на братишку, А потом на мышку. Стало нашему коту Уж сидеть невмоготу. Васька-кот не утерпел И рисунок Вовкин съел. Получилось ловко. Постарался Вовка!

Василий СМЕРНОВ

Любознательный

Сказала как-то мать моя гостям, Что не по дням расту я — по часам. Забыл с тех пор ракету я свою, До самой ночи у часов стою. Стою и зорко наблюдаю, Насколько в час я вырастаю.

Про Андриюшу-грязнулю

Когда просила мама: «Выймой уши!» — Щенкам своим завидовал Андриюша. А почему, нетрудно догадаться: Щенков не заставляют умываться.

ПО СЛЕДАМ НАШИХ ВЫСТУПЛЕНИЙ

Публикуя в шестом номере журнала статью Т. Александровой «Пусть потеет автомат», редакция обращалась к министру машиностроения для легкой и пищевой промышленности и бытовых приборов В. Н. Доенину и министру легкой промышленности СССР Н. Н. Тарасову с просьбой ответить на вопросы, поставленные в этой статье. Сообщить, что делается для скорейшей механизации и автоматизации вспомогательных работ на текстильных предприятиях и для повышения производительности труда текстильщиц вообще.

Ответы получены. Министры признали выступление журнала правильным и своевременным и сообщили о мерах, которые приняты, чтобы изменить положение дел.

Совместным приказом по обоим министерствам предусмотрены номенклатура и сроки создания нового оборудования в 1968—1970 годы. На 1968 год утвержден совместный график испытания новых образцов, по которому ящичный питатель к ткацким автоматам и пневматический ткацкий станок (об их медленном внедрении шла речь в статье) должны были испытываться в III квартале этого года.

Казалось бы, после ответов двух министерств можно и успокоиться: сроки изготовления и испытания нового оборудования четко определены. Но... сигналы, поступившие в редакцию после этих ответов, заставляют снова тревожиться о судьбе автоматов. Пневматические ткацкие станки были собраны не в августе, как предусматривал график, а в сентябре. Обкатка их идет медленно, и, когда они отправятся на производственные испытания, неизвестно. Что касается ящичных питателей, то, хотя Душанбинский завод и изготовил 50 комплектов в срок, их испытание вовремя не началось. Завод допустил много ошибок при изготовлении этих приборов. Так что собрать питатели без переделок нельзя.

Все это задерживает выпуск нового оборудования, которого ждут текстильщики. Поэтому редакция не считает разговор, начатый в статье «Пусть потеет автомат», законченным.

В № 7 журнала была опубликована статья «Дефицитный лифчик» — о недостатках конструирования и производства предметов женского туалета.

Союзное и республиканское министерства легкой промышленности признали критику правильной и своевременной. Как сообщили нам заместитель министра легкой промышленности СССР П. И. Максимов и министр легкой промышленности РСФСР Ф. Я. Холостов, производство специальных тканей для предметов женского туалета в 1969 году возрастет в 1,7 раза, а в 1970 году — в 2 раза по сравнению с текущим годом. Капроновых кружев в 1968 году в РСФСР выпущено 193 тысячи метров, а в 1970 году их изготовят 400 тысяч метров. Выпуск корсетных изделий увеличится в 1970—1971 годах в полтора раза по сравнению с 1968 годом.

Корневская фабрика резино-ткацких изделий (о ней шла речь в статье) в 1969—1970 годах будет выпускать исключительно эластичную ленту для предметов женского туалета.

Совершенствуются конструкции поясов и бюстгалтеров. Однако дальнейшая судьба столь печально зарекомендовавших себя старых моделей — бюстгалтера «чашки» и лифа с фарточком — остается неясной. Видимо, фабрики намереваются еще шить их, ссылаясь на заказы торгующих организаций.

Министерство легкой промышленности РСФСР сообщило, что более 20 процентов моделей поясов и бюстгалтеров изготовляется в больших размерах. Но редакция по-прежнему считает, что этого недостаточно.

В статье говорилось также о недостатках работы ателье, изготовляющих бюстгалтеры и пояса по индивидуальным заказам. Министерство бытового обслуживания РСФСР наметило меры, которые позволят в ближайшее время значительно улучшить положение.

Совет Министров СССР принял специальное постановление об увеличении производства и улучшении качества предметов женского туалета, кожаной галантереи и перчаток. Министерству легкой промышленности СССР и Советам министров союзных республик предложено осуществить в 1968—1970 годах реконструкцию и техническое перевооружение предприятий, выпускающих эти изделия, внедрить там передовую технологию и повысить производительность труда. Намечена широкая программа по расширению производства предметов женского туалета.

В журнале «Работница» № 8 за 1968 год опубликовано письмо работниц-изолярищиц и редакционный комментарий к нему под названием «Конец «Ляпстрою»».

В своем ответе Госстрой СССР признает, что журнал правильно и своевременно поднял вопрос о необходимости изменить характер и условия труда изолярищиц, механизировать работы по тепловой изоляции трубопроводов. Заместитель председателя Госстроя СССР В. А. Замаев сообщил редакции, что разработан индустриальный способ изоляции труб для тепловых сетей армопенобетоном в заводских условиях, который почти полностью ликвидирует ручной труд при их монтаже.

Строительно-монтажные организации должны как можно скорее внедрить этот способ.

Утверждены рекомендации и другого индустриального метода прокладки тепловых сетей с изоляцией из битумоперлита.

Ведутся испытания опытного образца промышленной установки для нанесения битумоперлитной изоляции, после чего будет решен вопрос о серийном производстве стационарных и передвижных машин для изоляции труб.

Продолжаются поиски, исследования и других эффективных индустриальных способов изоляции тепловых сетей.

Можно надеяться, что труд изолярищиц скоро изменится, и «Ляпстрою» действительно придет конец.

Их мало в редакционной почте, этих горьких писем. Каким словом можно назвать то, о чем они рассказывают? Бессердечие? Неблагодарность? Жестокость?

...На войне погибли смертью храбрых мой муж и старший сынок. Осталась я с младшим — Сергеем. Не было никого теперь дороже его! Подросток он, пошел служить в армию. А вернулся, сказал: полюбил москвичку, хочет жениться на ней. Тяжело мне было оставаться одной, но я не встала поперек: нравится невеста, женись. Стал мой Сережа жить в Москве. А вскоре внучок

появился, и позвали они меня в гости.

Жили, правда, не ахти как, в общежитии. Шумно было, Сашенька во сне вздрагивал. Я хотела даже взять его к себе, у меня-то дом был просторный, да и поселок у нас зеленый, воздух для ребенка самый полезный. Но нет, не отдали.

Родился второй внучок. Засыпали меня письмами, звали к себе сидеть с ребятами. «Продавай дом и все остальное, приезжай к нам насовсем, тут тебе будет лучше». Долго не решалась я расстаться с родными местами. Сын сам приехал за мной. Распродали все: дом, корову.

Отдала я снохе Елене Ефимовне все деньги — она вела хозяйство. Сперва все было вроде хорошо. Ребятки ко мне привыкли, невестка и обеды мои хвалила и чистой в доме была довольна.

Однажды сын решил спра-

вить мне новое пальто, поехали вместе с ним в магазин. С того дня и пошла я в немиловость: не так села, не так сказала. А когда снохе дали квартиру от завода, тут она еще больше разбушевалась — выгоню, дескать, ты нам не нужна. До того дошло — куском хлеба стала попрекать: пенсии-то я не получаю, не доработала до колхозной, к ним же в няни уехала. И вот пришлось мне на старости лет идти на завод в уборщицы.

А. ПРОХОРОВА

г. Москва.

Дорогая редакция, я очень прошу опубликовать эти строки, чтобы они дошли до нашего сына Александра Григорьевича Башкирова. Сейчас он живет в городе Дружковке, Донецкой области.

Саша не кровный мне, он племянник моего мужа. Отец его погиб, мать умерла. Мальчика хотели отправить в детский дом, но мы забрали его и растили, как родного. Рос он очень хорошим, смиренным, уважительным. Исполнилось ему 20 лет, захотел уехать на Украину.

«Ты взрослый, Саша. Решай».

Писал нам часто. Однажды спросил, как мы посмотрим, если он женится. Фотокарточку невесты прислал.

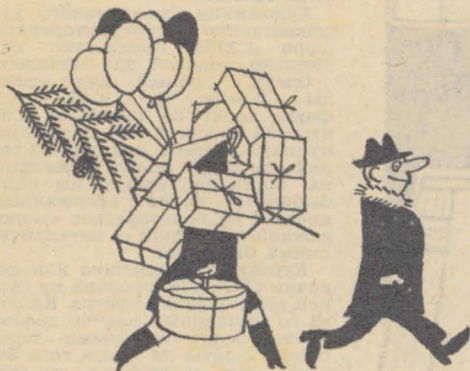
«Тебе, сынок, жить, ты и решаешь. Для нас главное — поселились бы в вашей семье мир и счастье» — так ков был наш родительский совет.

А вот теперь уже несколько лет Саша не пишет. Очень мне обидно, что он нас забыл. Отзовись, сынок!

А. БАШКИРОВА

г. Ленинабад.

Е
Н
ОГ
СКО
ВОДЬ

Найдите в этих рисунках шесть различий.

МУЖЧИНЫ, ПРОВЕРЬТЕ СВОЮ НАБЛЮДАТЕЛЬНОСТЬ!

По лицам женщин определите, кому какой подарок достался.

ИЗОЧАЯНВОРД: 1. Тост. 2. Тамада. 3. Атракцион. 4. Новоселье. 5. Елка.

Ю. Карапаев

В. Лидин

А. Ивашенко

О. Высотская

С. Сутоцкий

Л. Видясова

Ю. Жуков

Р. Измайлова

Т. Кузнецова

Н. Евдокимов

ПРЕМИИ ЖУРНАЛА «РАБОТНИЦА» ЗА 1968 ГОД

Редакционная коллегия отметила лучшие произведения, напечатанные в журнале в течение 1968 года.

ПРЕМИРОВАНЫ:

Ю. КАРАПАЕВ («Весна, акварель, № 4); В. ЛИДИН («Долгота дня», рассказ, № 5); А. ИВАШЕНКО («Плуг, винтовка и пара гранат...», очерк, № 6); О. ВЫСОТСКАЯ («Отдай любовь», стихи, № 7); С. СУТОЦКИЙ («Сим победиши!», статья, № 8); Л. ВИДЯСОВА («Тоскливый, тоскливый, тоскливый мир», статья, № 8); Ю. ЖУКОВ и Р. ИЗМАЙЛОВА («Олена Нищенко строит город», очерк, № 9); Т. КУЗНЕЦОВА («Костюм для улицы», мода, № 9); Н. ЕВДОКИМОВ («Трое», отрывок из повести, №№ 11, 12).

ОБЪЯВЛЕНА БЛАГОДАРНОСТЬ:

Н. ХОХЛОВУ («Мать Эфиопии», очерк и фото, № 4); Л. НИКОЛАЕВУ («Что вы скажете, Антон Семенович?», статья, № 4, и «Бездетные отцы», статья, № 11); И. АКИМУШКИНУ, М. ЗВЕРЕВУ и Н. СЛАДКОВУ («Заметки о природе», №№ 4, 5, 9); В. СУХОМЛИНСКОМУ («Трудность и радость познания», статья, № 10); И. КАШЕЖЕВОЙ («Правнуки «Марсельезы», стихи, № 10); Д. ГОЛУБКОВУ («Когда вы будете в Спасском...», очерк, № 11); В. КОВЧЕНКОВУ (Советы по кулинарии, №№ 11, 12).

РЕДКОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА «РАБОТНИЦА» БЛАГОДАРИТ:

Редакцию многотиражной газеты «Наша правда» Подольского механического завода за проведение «Круглого стола» по вопросу: «Как растут женские кадры» (№ 1);

Е. БАТЬКУНОВУ, арматурщицу Назаровского завода железобетонных конструкций и Н. СЕМЕЧКИНУ, инженера Петрозаводской метеообсерватории, — за «Письма о товарищах» (№ 2);

Г. ЕГОРОВУ, председателя женсовета г. Саранска, Т. СМОЛИНУ, председателя комиссии по работе среди женщин при Мордовском Совете профсоюзов, — за участие в «Клубе общественниц» («Лето на пороге», № 4);

Активистку г. Бандеры, Молдавской ССР, Н. КЛАШЕВИЧ, К. МОСЕНДЗ, А. ИКУЛОВУ, В. ГИПАЧЕВСКУЮ, М. ТОРХОВУ, Н. ХРУМОВУ, А. ЧЕБАН, Е. КИСИНОВСКУЮ, М. АРИСТОВУ, М. КИРНЯК, М. ОРЛОВУ — за участие в заседании «Клуба общественниц» на тему «О материнском счастье» (№ 7); Г. БОЖКО, Р. ЛЕОНОВУ, В. КРАЙНЮК, Т. ЛАУЗЕ, организаторов женских клубов при предприятиях (№ 8); А. ИЮА, Х. РООСИМЕНЕС, Х. ЭРАЛА, Г. САЙЯ, Х. УСАР, В. ТРИОДИНУ, членов спортивного клуба «Норма» в Таллине (№ 10); Н. ПАРХАЕВУ, К. КРЖЕМНИЦКУЮ, Н. БЕРЕЗИНУ, М. НЕСТЕРОВУ, Р. ЮРОВУ, Р. МАКАРОЧКИНУ — за участие в заседании «Клуба общественниц» на тему «Боевые подруги» (№ 11);

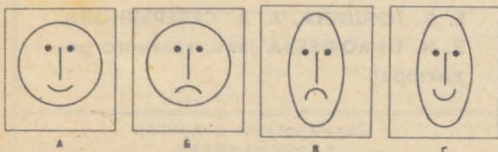
Делегатов Первого Всероссийского съезда работниц и крестьянок: А. ЕРШОВУ-НИКАНДРОВУ, А. БАДАНИНУ, М. КОЛЧИНУ, А. ШУВАЛОВУ — и всех, кто прислал в редакцию свои воспоминания о съезде (№ 11);

М. МОВЧАН, мастера Тихорецкого сырокомбината, — за активное участие в подготовке материала «Дело плесени боится» (№ 11).

Если один или больше крестиков оказались на линии круга или квадрата, вы получаете за каждую фигуру по 10 очков.

Если один или несколько крестиков оказались за кругом или квадратом, вы получаете за каждую фигуру по 5 очков.

Если все крестики разместились внутри квадрата или круга, вы получаете 0 очков.

Задание третье

Представьте, что свою работу вы должны доверить вашему коллеге. Вы можете сделать выбор из четырех человек, «портреты» которых приведены выше. Кому из них вы не хотели бы поручить работу? Зачеркните его портрет. Если это А, вы получаете 1 очко, Б — 10 очков, В — 6 очков, Г — 15 очков.

А теперь подсчитайте полученные вами очки за все три задания и прочитайте ответы.

77 И БОЛЕЕ ОЧКОВ. Вы верите, что все люди по натуре добры. Даже тогда, когда кто-нибудь разочарует вас или обидит, вы стараетесь его защищать, ищете в нем хорошие черты. У вас свой собственный мир, полный романтики, поэзии и добра.

67—76 ОЧКОВ. Вы очень выдержанный человек, отвечаете за свои поступки, каждый знает, что может вам довериться, может во всем положиться на вас. Если вы что-нибудь пообещаете, то всегда выполните, если дали слово, сдержите его.

56—66 ОЧКОВ. Вы очень серьезный человек, за что вас уважают. Вы ответственно относитесь к любому заданию, к любой работе, не боитесь трудностей, не уклоняетесь от них, а, наоборот, стараетесь преодолеть.

43—55 ОЧКОВ. Вы любите людей, вас интересует жизнь вокруг вас. Вы легко сходиться с людьми, прекрасно умеете ладить с каждым, несмотря на его возраст, пол, за-

нимаемое положение. Когда какая-нибудь привязанность кончается, вы принимаете это спокойно, без трагедии и обидных слов.

31—42 ОЧКА. Умение радоваться жизни, юмор, уравновешенность — вот важнейшие и наиболее ценные черты вашего характера. Почти в каждой жизненной ситуации вы не теряете чувства юмора, умеете подшутить над собой. Даже в самые трудные минуты вам удается сохранять оптимизм и заражать им окружающих.

20—30 ОЧКОВ. Вы умны и впечатлительны, умеете быстро ориентироваться в сложной ситуации, у вас много такта. Вам присущи деловитость, быстрота, вы хорошо разбираетесь в людях, оцениваете их справедливо и взвешенно.

21 И МЕНЬШЕ ОЧКОВ. Вы очень логичны в своих словах и действиях, энергичны. Хорошо знаете, чего хотите, и умеете достичь своей цели. Людям нравятся ваша солидность, организаторские способности, сила воли.

Из польского журнала «Нобета и жице».

ХУДОЖНИЦА С УЛИЦЫ ГОРШЕЧНОЙ

Она родилась в старинном городе Калуге. Белые храмы и синяя лента Они, цветущие белые яблони и синее небо, белые снега и синие тени на них. Это были цвета ее детства.

Жила девочка на улице Горшечной, и название улицы как бы определило ее дальнейшую судьбу — Люда Азарова стала керамисткой. Ведь керамистов в шутику иногда называют горшечниками.

В 1954 году, по окончании Высшего художественно-промышленного училища, девушка получила направление в Турыгино, на завод «Художественной керамики».

Турыгино — одна из деревень Гжельского района, Московской области. С восемнадцатого века славится Гжельский куст своими керамическими промыслами. Не случайно и завод, на который попала молодая художница, прозвали Гжелем Кустарным.

Здесь бережно хранят и развивают лучшие традиции старых русских мастеров, специализируясь на синей росписи по белому фарфору. Своей белосинью Гжель Кустарный напоминал Люде родную Калугу.

Пятнадцатый год работает Людмила Павловна в Турыгине. Работы ее неоднократно выставлялись на московских, зональных, республиканских, всесоюзных и международных выставках. Она стала членом Союза советских художников.

Людмила Азарова виртуозно владеет как пластиной, так и кистью. Ее синий цвет имеет множество оттенков, потому ее работы выглядят так многокрасочно. Форма и цвет как бы дополняют друг друга, сливаясь в одну сказочную гармонию. Тонов азаровский Иван-царевич, сияющий на Сером волне.

В другом ключе сделана удивительно живая жанровая группа «Чаепитие». Две женщины в пестрых платьях за столом, покрытым скатертью, пьют чай.

А вот женщина с ведрами. Она идет по воду. Колодца мы не видим, но верим, что где-то неподалеку он непременно должен быть.

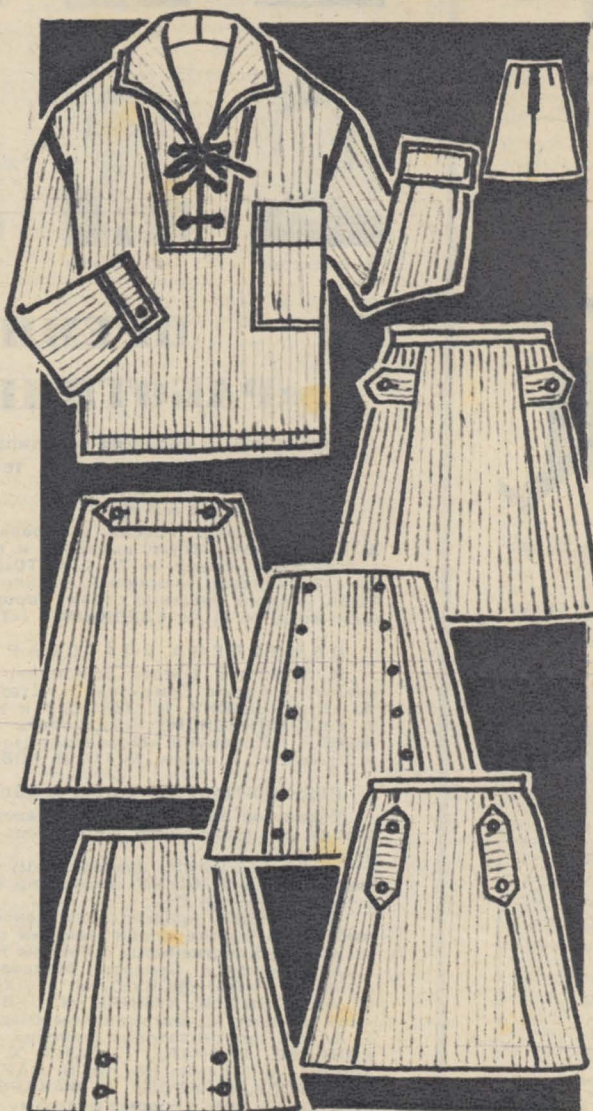
Значительное место в творчестве Азаровой занимает тема материнства. В работах на эту тему Людмила Павловна умело использует приемы русского народного лубка с его трогательной непосредственностью и юмором.

Созданные Азаровой фигурки людей и животных свидетельствуют о ее большом художественном мастерстве, тонком вкусе и редкой наблюдательности.

Николай ГЛАЗКОВ

Работы художницы Л. П. Азаровой вы видите на четвертой странице обложки.

ВЕЛЬВЕТ

Вельвет в рубчик — красивая, дешевая, практичная и модная ткань, которая одинаково хороша для женской, мужской и детской одежды.

Художники Специального художественно-конструкторского бюро (СХКБ) предлагают несколько моделей для молодых.

Очень удобный вид одежды — сарафан (1, 3 и 5). Сарафаны носят со свитером или строгой блузкой и плотными чулками. Кстати, два первых сарафана могут шить и женщины постарше, только им надо выбирать более сдержанные цвета и не пользоваться «молодежной» отделкой — металлическими блочками.

Куртка для мальчика или девочки (2) комбинирована из тканей двух близких цветов. Конетка со спущенным плечом делает плечи более широкими. Если брюки шить из ткани того же цвета, что и отделка, то они создадут впечатление более длинных ног, более высокого роста. Выкройку этой куртки в натуральную величину без припусков на швы для 48-го размера мы даем в приложении.

Слева вы видите рисунок еще одной куртки-рубашки, которую можно шить и для мальчика и для девочки. Украсит ее оригинальная застежка-пшуровка и большой карман. Хорошо сделать петли из металлических колечек.

Платье и пальто (4) шьются из гармонирующих по цвету тканей. Пальто чуть расширено, на спинке длинный разрез, прихваченный выше талии планочкой. Платье с заниженной линией талии, планка-застежка продолжена до глубокой встречной складки на юбке. Поясок носится тоже низко.

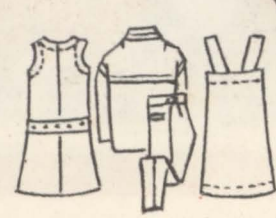
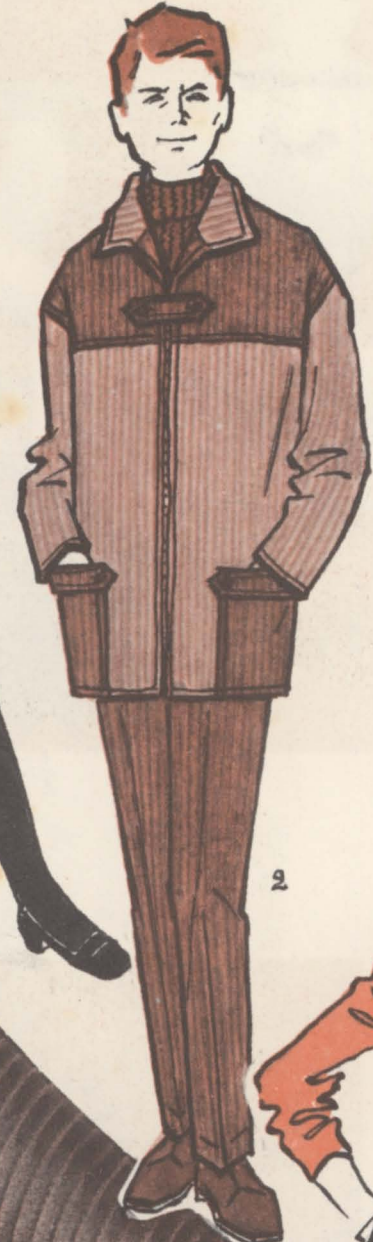
Пять юбок из вельвета кроются по одной выкройке, но выглядят по-разному благодаря отделкам и деталям. Выкройку-основу для 44-го размера вы тоже найдете в приложении.

Рисунки Н. ГОЛИКОВОЙ.

На первой странице обложки: Снегурочка. Рисунок художника И. УШАКОВА.

К этому номеру дается бесплатное приложение: выкройки юбки и куртки, вязание и вышивка.

<p>Адрес редакции: МОСКВА, А-15, БУМАЖНЫЙ пр., 14.</p> <p>ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛОВ: промышленного — 250-11-72; международной жизни — 250-12-30; литературы и искусства — 250-12-30; семьи и быта — 250-11-93; науки и антирелигиозной пропаганды — 250-30-76; художественного оформления — 253-34-79; писем — 250-57-38; массовой работы — 250-44-80; зав. редакцией — 253-30-05.</p>	<p>Главный редактор В. Е. ВАВИЛИНА.</p> <p>Редакционная коллегия: Н. С. БЛАГОВЕЩЕНСКАЯ, В. П. ВЕСОЦКИЙ, В. А. ГЕРАСИМОВА, М. Н. КОЗЫРЕВА, Е. В. КОНОНЕНКО, Е. Д. МИШИНА, А. А. СЕВЕРЬЯНОВА, З. Н. ТИМОФЕЕВА (зам. главного редактора).</p>
<p>Оформление художника Я. МИРОШНИЧЕНКО.</p>	<p>Технический редактор Т. ЖУРАВЛЕВА.</p>
<p>Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.</p>	<p>А 00218. Сдано в набор 30/X — 24/XI-68 г. Подписано в печ. 26/XI-68 г. Формат бумаги 60 × 92½. Усл. печ. л. 5,43. Уч.-изд. л. 9,56. Тираж 10 100 000 экз. (1-й завод: 1—9 600 000 экз.) Изд. № 2239. Заказ № 3205.</p>

ЖАКЕТ

с рельефной
полосой

Размер
50—52

Этот практичный и теплый жакет с рукавами реглан и большим воротником подойдет женщине любого возраста. Весь жакет выполнен гладкой чулочной вязкой, и только по низу проходит широкая рельефная полоса, которая спереди образует прорезные карманы. Такой же рельефной полосой отделаны воротник и рукава. Планка для застежки, манжеты рукавов и окантовка воротника связаны резинкой 1×1.

Для жакета потребуется 800 г шерсти, спицы № 5 для основной вязки и № 4 для резинки, 5 пуговиц.

Прежде чем вывязывать образец рельефной полосы, необходимо освоить некоторые условные названия петель и способы их вывязывания.

2 скрещенные петли направо. Введите конец правой спицы во вторую петлю поверх первой и вытяните 1 лицевую петлю. Не спуская обе петли с левой спицы, введите спицу в первую петлю (слева направо и сзади вперед) под ниткой от клубка и снизу вытяните * 1 изнаночную петлю движением от себя, после чего спустите обе петли с левой спицы. Петля наклонилась в правую сторону.

2 скрещенные петли налево. Подведя спицу под нитку от клубка, введите ее во вторую петлю позади первой и вытяните через нижнюю сторону 1 изнаночную петлю (движением от себя). Не спуская обе петли с левой спицы, вытяните через первую пет-

лю 1 лицевую (обычным способом), после чего спустите обе петли с левой спицы. Наклон петли получился в левую сторону.

1 снятая петля. Введите спицу в очередную петлю справа налево и переведите ее на правую спицу без провязывания. Нитка от клубка тянется спереди, то есть по изнанке работы.

Теперь можно вывязывать образец. Наберите количество петель, кратное 6 (основной узор), прибавьте еще 2 дополнительные петли и 2 краевые (они в описании рядов не участвуют).

1-й ряд: 1 изнаночная петля, * 1 изнаночная петля, 2 скрещенные петли направо, 2 скрещенные петли налево, 1 изнаночная петля. Повторяйте от *, 1 изнаночная петля.

2-й ряд: 1 лицевая петля, * 1 лицевая петля, 1 снятая петля, 2 лицевые петли, 1 снятая петля, 1 лицевая петля. Повторяйте от *, 1 лицевая петля.

3-й ряд: 1 изнаночная петля, * 2 скрещенные петли направо, 2 изнаночные петли, 2 скрещенные петли налево. Повторяйте от *, 1 изнаночная петля.

4-й ряд: * 1 накид, ные петли и с помощью тяните их через на. Повторяйте от * и з. ночными петлями, про

5-й ряд: 1 изнаночные петли налево, 2 скрещенные петли на * 1 изнаночная петля

6-й ряд: 1 лицевая ля, 1 снятая петля, 2 тая петля, 1 лицевая * 1 лицевая петля.

7-й ряд: 1 изнаночная петля, 2 скрещенные петли направо, 2 скрещенные петли налево. Повторяйте от *

8-й ряд: 1 лицевая ли, 1 накид, провяжи и протяните их через ли. Повторяйте от *

Повторяйте узор, н 20 петель равны пр Спинка. Наберите 1 см резинкой 1×1. Д

узором и перейдите тение. Вяжите по выкр ле 38-го см от проймы закрепите 3 сторон, а затем для линии реглана 2 край гой стороны вяжите ч реплетением, то есть работы вяжите изнан изнаночной — лицевы. каждые полсантимет двух краевых петель 58-м см от начала д закрепите в одном р тель.

Правая полочка. На жите 3,5 см резинкой

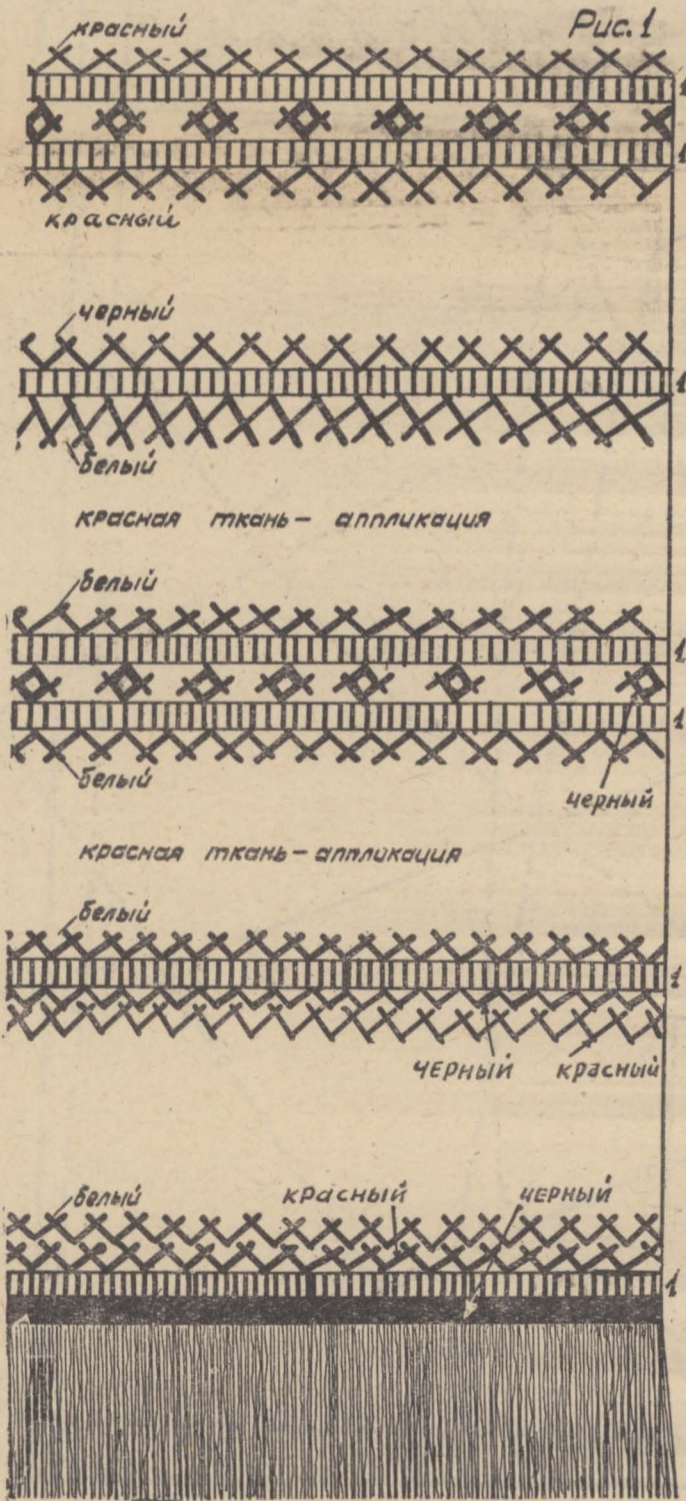

Рис. 1

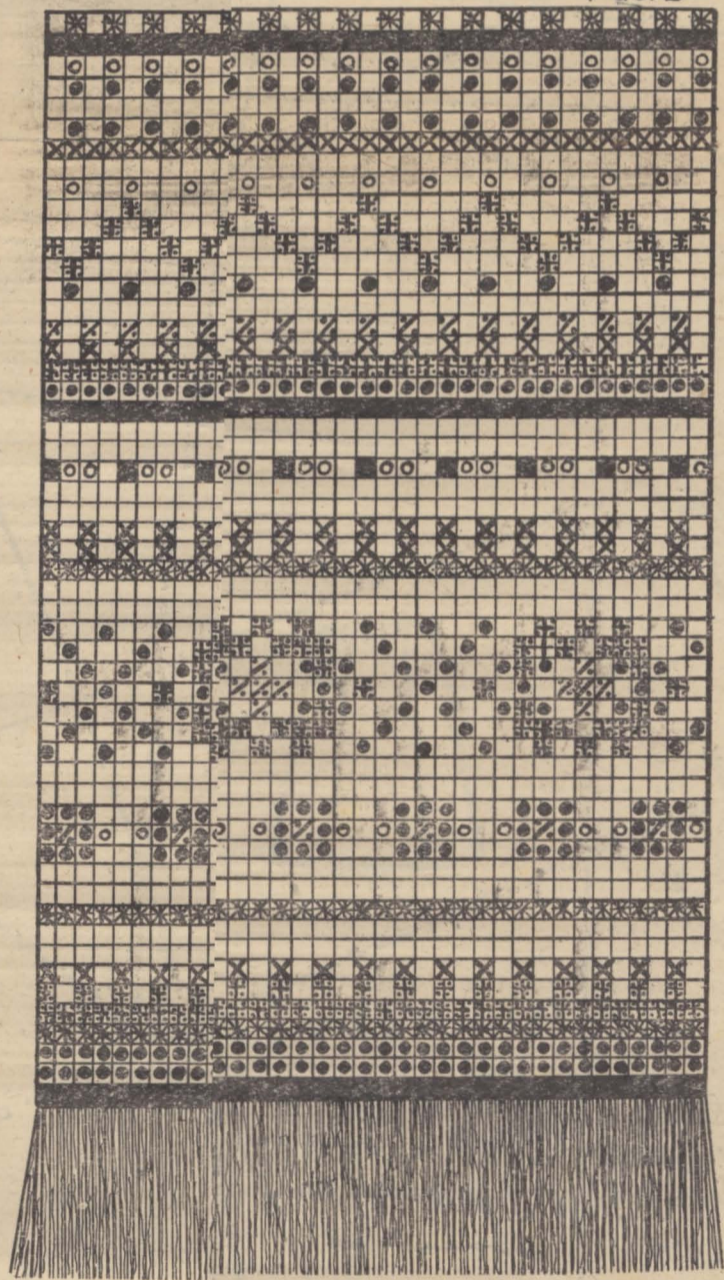

Рис. 2

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

- ЧЕРНЫЙ
- X СВ. ЗЕЛЕН. (Рис. 2)
- X КРАСНЫЙ (Рис. 4)
- Т.ЗЕЛЕН. (Рис. 2)
- % САЛАТНЫЙ
- БЕЛЫЙ (Рис. 4)
- * БОЛОТНЫЙ
- БЕЛЫЙ (Рис. 2)
- + ЖЕЛТЫЙ
- * ЗЕЛЕНый

провяжите 2 изнаночные левой спицы прокид, 4 лицевые петли. закончите ряд 2 изнаночными через накид. лицевая петля, *2 скрещенные изнаночные петли, 2 направо. Повторяйте от

петля, *1 лицевая петля, 1 снятая петля. Повторяйте от

петля, *1 изнаночная петля, *1 лицевая петля, 2 изнаночные петли, 1 лицевая петля, *1 изнаночная петля, *2 лицевые петли, 2 изнаночные петли, 1 лицевая петля.

начиная с 1-го ряда.

примерно 10 см.

06 петль и вяжите 3,5 более свяжите 24 ряда на чулочное переплетение до проймы. После начала работы для крайние петли с обеих образований плавной линии реглана с той и дру- чулочного-изнаночным пе- по лицевой стороне очными петлями, а по ми. Примерно через ра убавляйте около 36 раз по 1 петле. На для выреза горловины ряду оставшиеся 28 пе-

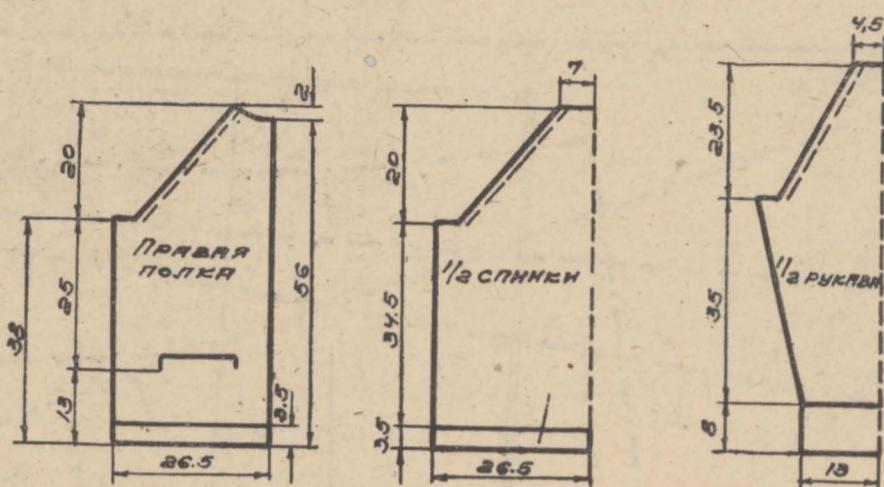
берите 53 петли и вя- 1x1. Затем распре-

делите петли в следующем порядке: 9 крайних петель со стороны застежки вяжите чулочным переплетением, остальные 44 петли — рельефным узором. Провязав 24 ряда, то есть примерно на 13-м см от начала работы, сделайте разрез для кармана. Для этого крайние 9 петель со стороны застежки и 14 крайних петель со стороны бокового края оставьте открытыми, то есть временно переведите на нитку или английскую булавку, а средние 30 петель вяжите, причем один ряд провяжите изнаночными петлями по лицевой стороне работы. Этот изнаночный ряд будет служить линией сгиба верхнего края кармана. Далее свяжите чулочным переплетением 2 см для подшивки и закрепите все петли в одном ряду.

Для той части полочки, которая будет служить нижней стороной кармана (подкарманник), наберите от нового клубка 30 петель и свяжите 9 см чулочным переплетением, а затем подключите эти 30 петель на место разреза кармана. Теперь продолжайте вязать все петли ряда чулочным переплетением прямо, без изменений до проймы. На 38-м см от низа закрепите для проймы 3 петли, а затем для образования плавной линии реглана крайние 2 петли вяжите чулочным-изнаночным переплетением (см. описание спинки). Вяжите вверх до 58-го см, убавляя 36 раз по 1 петле. Одновременно для выреза горловины на 56-м см от начала закрепите 6 петель, а затем еще 4 раза по 2 петли через ряд.

Левую полочку вяжите, как правую, но в зеркальном отражении.

Рукав. Наберите 52 петли и свяжите 8 см резинкой 1x1. Затем 24 ряда вяжите рельефным узором и перейдите на чулочное переплетение. Вяжите вверх, прибавляя через каждые 2 сантиметра 16 раз по

1 петле с обеих сторон. На 43-м см от начала приступите к вывязыванию горловины рукава, закрепляя с обеих сторон по 3 петли, а затем для образования плавной линии реглана 2 крайние петли с той и другой стороны вяжите чулочным-изнаночным переплетением и все убавления производите около этих петель. Вяжите вверх, закрепляя через каждые 0,75 см 30 раз по 1 петле с обеих сторон. На 66-м см от начала оставшиеся 18 петель закрепите в одном ряду.

Воротник. Наберите 98 петель и свяжите 2 см резинкой 1x1. Далее 3 крайние петли с той и другой стороны вяжите чулочным-изнаночным переплетением, а средние 92 петли — рельефным узором. Провязав вверх 10 см, прибавьте с каждой стороны

по 17 петель (всего 132 петли) и вяжите еще 1,5 см резинкой 1x1, а затем закрепите все петли в одном ряду.

Планки под застежку. Свяжите две планки длиной 56 см. Для каждой планки наберите 11 петель и свяжите полосу резинкой 1x1. На одной планке сделайте 5 петель для пуговиц.

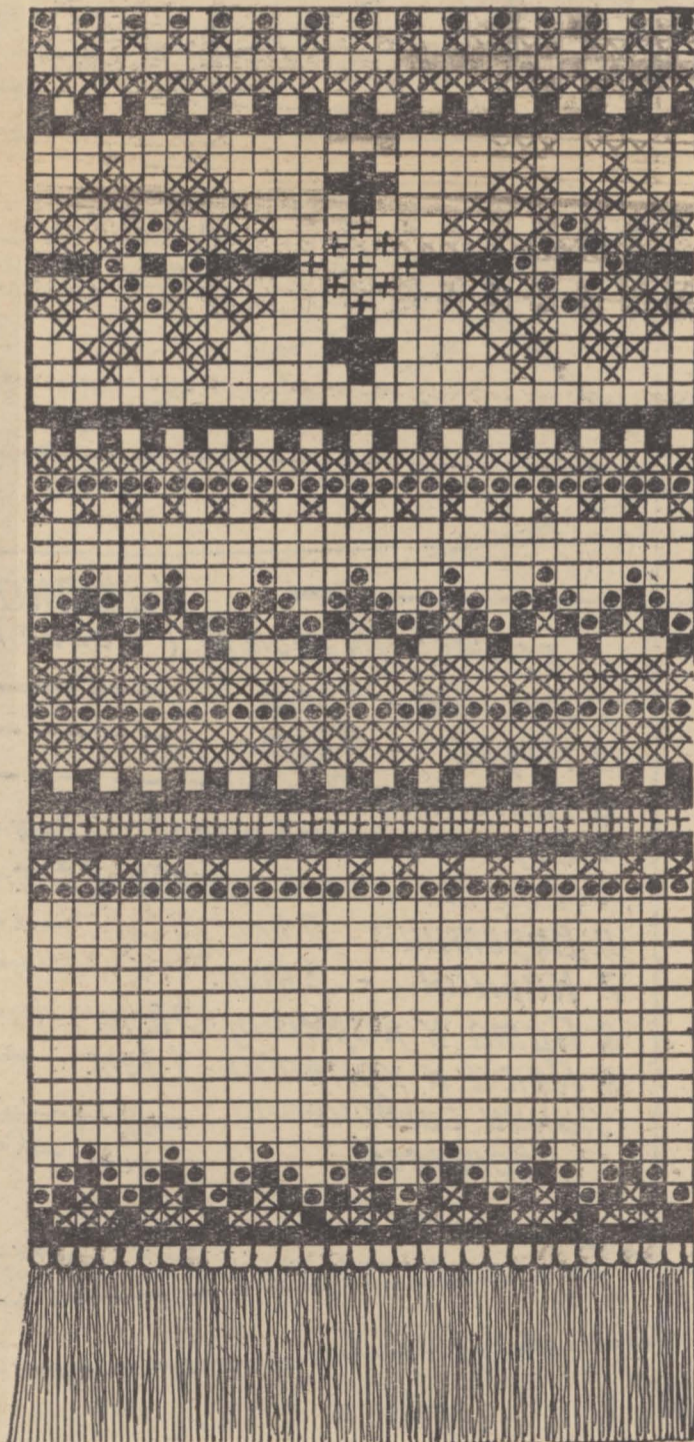
Сборка. Все детали с изнанки прогладьте через влажную ткань. Чтобы узор сохранил рельефность, не прижимайте, а слегка прикладывайте утюг к ткани. Соедините спинку, полочки, рукава. Пришейте планки для застежки. С краев воротника пришейте окантовку, а затем и сам воротник. Подшейте верхний край и низ карманов.

Б. ВАЙНБЕРГ

Рис. 3

Рис. 4

ПО НАРОДНЫМ МОТИВАМ

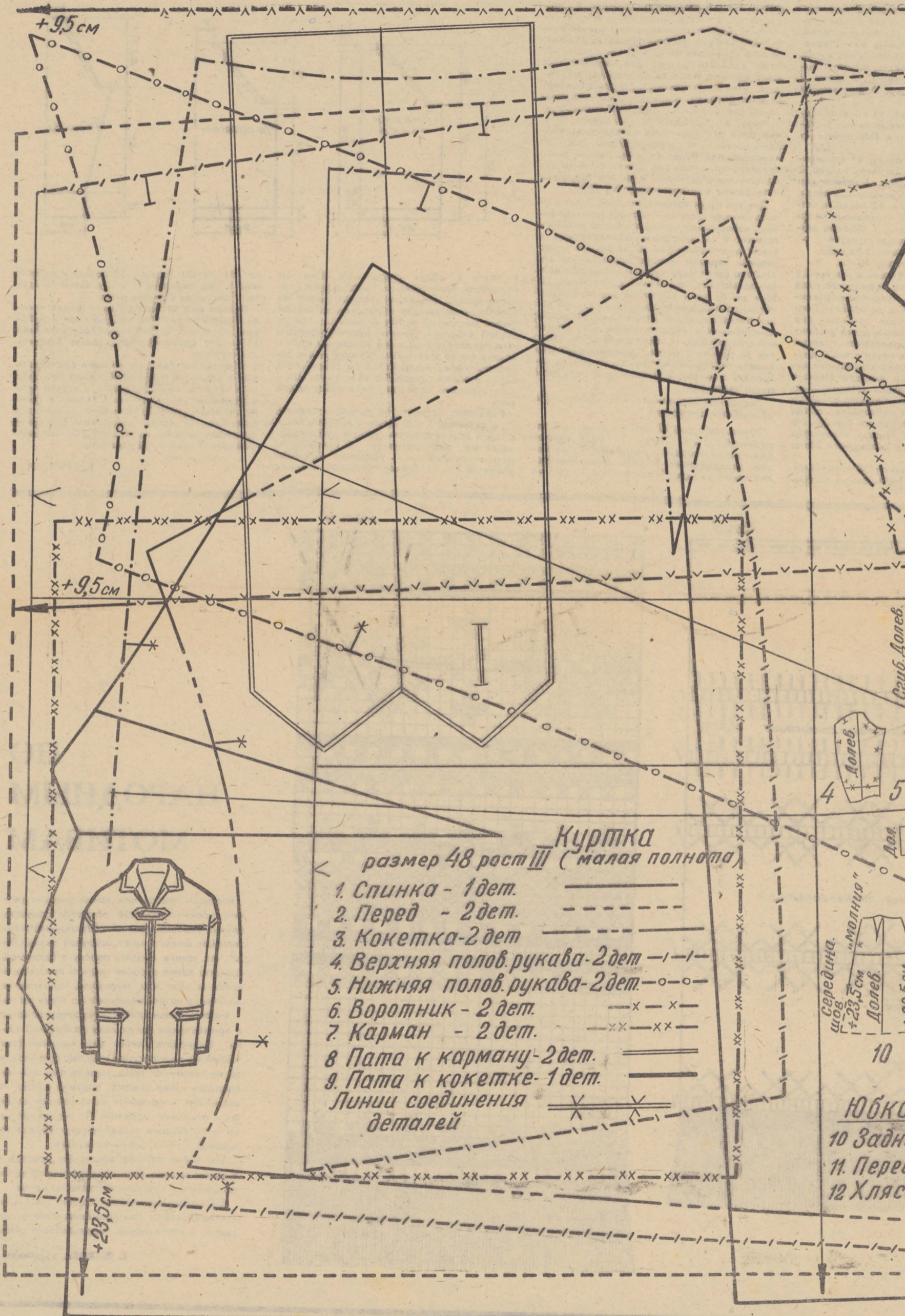
Вышитая полоса или кайма украсит разные вещи — полотенце, салфетку, подушку, платье. Боковые края полосы заделайте петельным швом в цвет основной ткани. Если вы хотите сделать полосу с бахромой, сложите вдвое кусочек ткани и пришейте к краю гладью или мережкой, отступив на 4—5 см, а потом выдерните из ткани нитки.

1-я полоса выполнена на суровом полотне с применением аппликации из красной ткани. Выдерните нитки для мережки (она обозначена на рисунке цифрой 1), наложите на основную ткань вырезанные для аппликации куски красной, подвернув края на сантиметр, и пришейте их красными нитками с помощью мережки. По основной ткани и аппликации вышейте узор бархатным швом («козлик») в 8 ниток мулине.

2-ю и 4-ю полосу вышивайте крестом в 8 ниток мулине (или цветной шерстью) на рогожке или суровом полотне по канве.

3-я полоса вышивается так же, как 1-я, на светло-бежевом или кремовом льне с лавсаном, с аппликацией терракотового цвета.

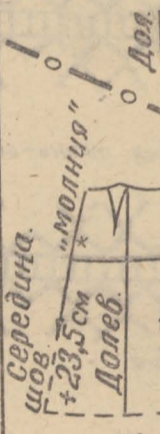
Е. ПЕТРОВА, художник

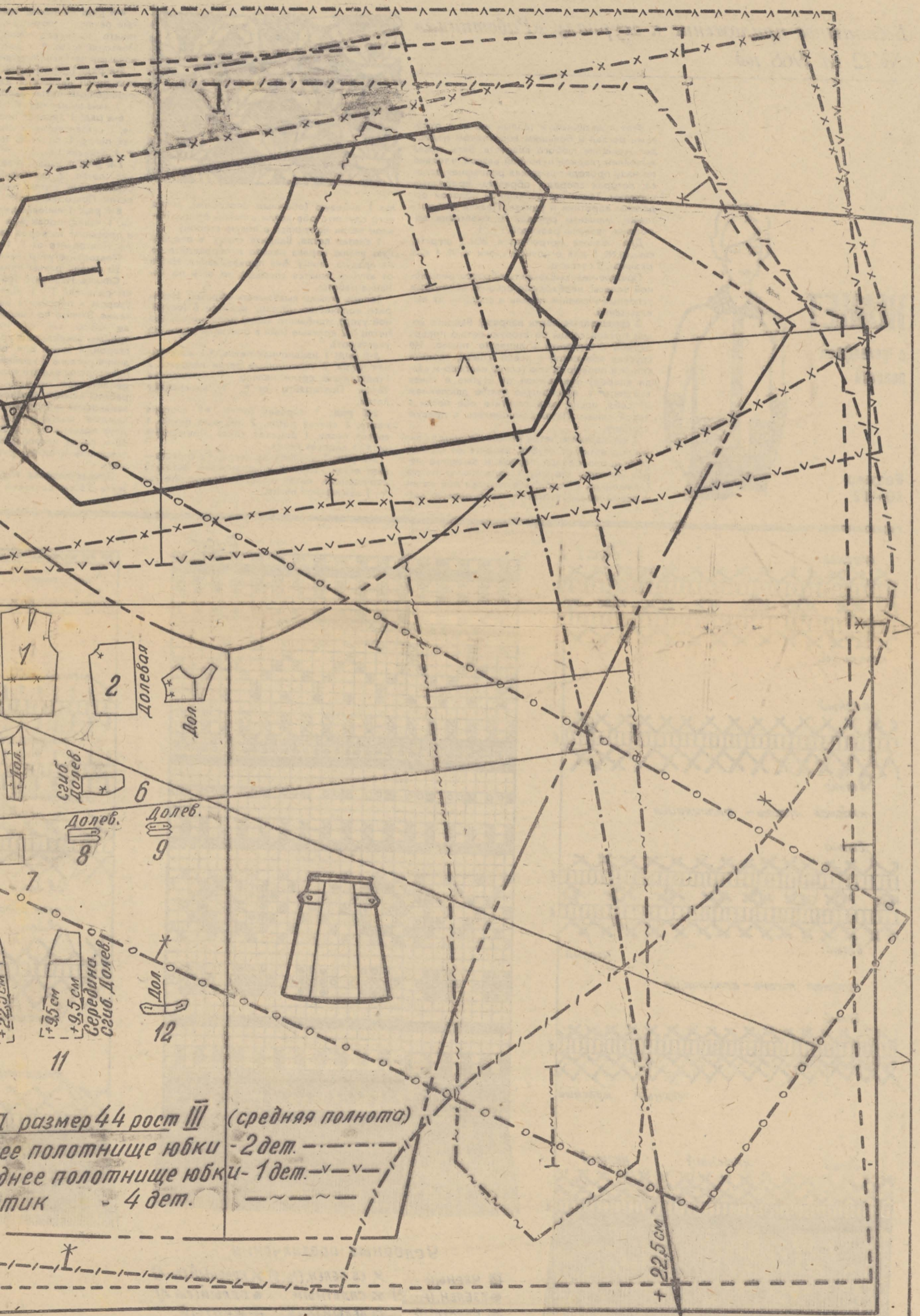
Куртка

размер 48 рост III (малая полнота)

- 1. Спинка - 1 дет. _____
- 2. Перед - 2 дет. _____
- 3. Кокетка - 2 дет. _____
- 4. Верхняя полов. рукава - 2 дет. -|-|-
- 5. Нижняя полов. рукава - 2 дет. -o-o-
- 6. Воротник - 2 дет. -x-x-
- 7. Карман - 2 дет. -xx-xx-
- 8. Пата к карману - 2 дет. _____
- 9. Пата к кокетке - 1 дет. _____
- Линии соединения деталей _____

Юбка
10 Задн
11 Перед
12 Хляс

2
Долевая

Дол.

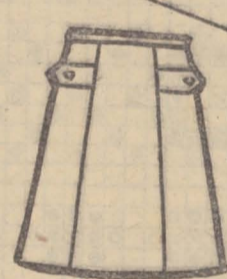
Сгиб. Долев. 6

Долев. 8

Долев. 9

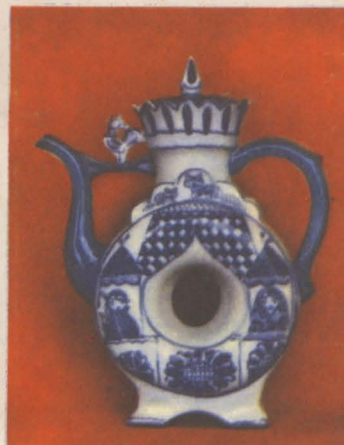
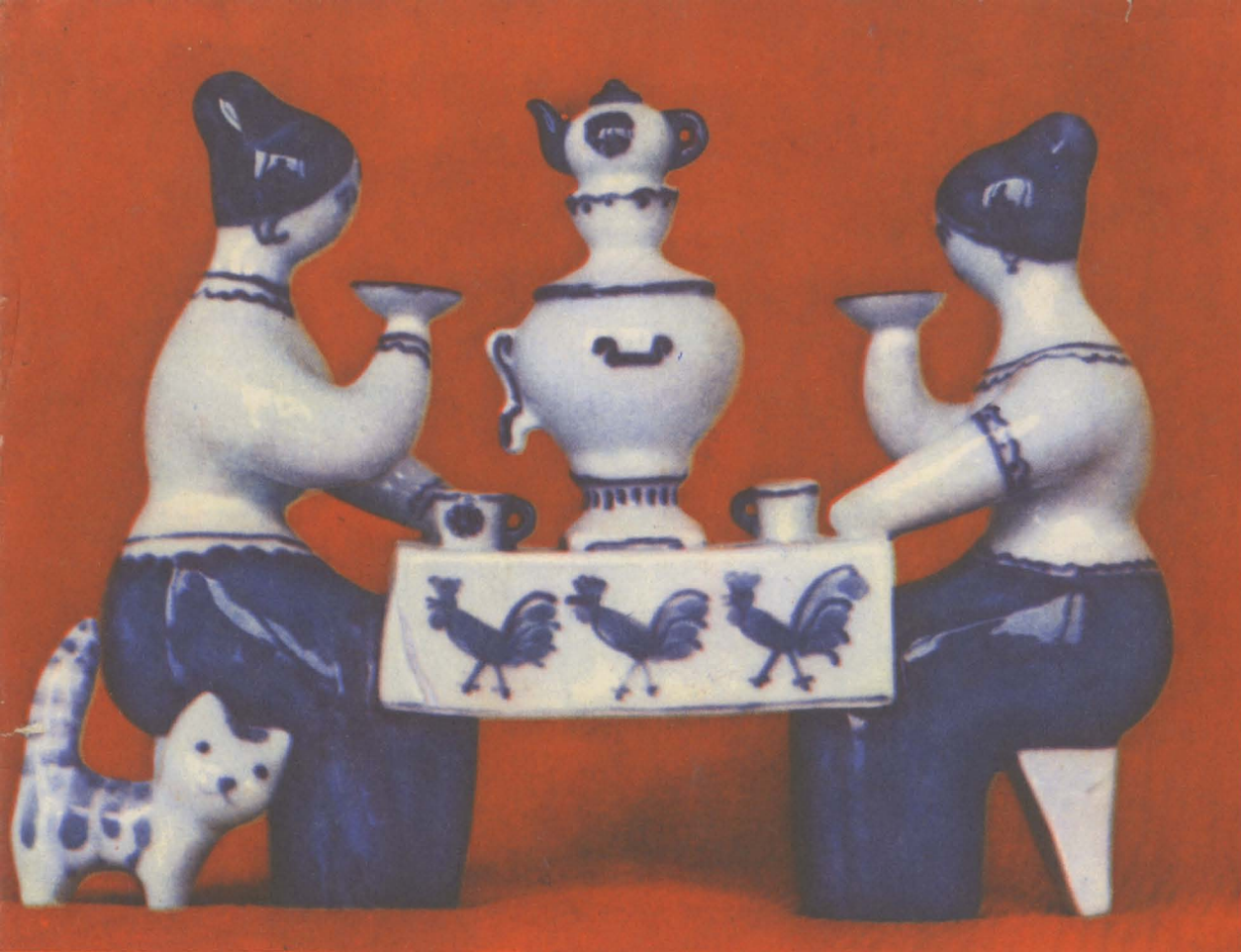
11
+9,5 см
+9,5 см
Середина. Сгиб. Долев.

12
Дол.

размер 44 рост III (средняя полнота)
ее полотнище юбки - 2 дет.
днее полотнище юбки - 1 дет.
тик - 4 дет.

+ 22,5 см

Л. АЗАРОВА.

Чаепитие.
Первый шаг.
Квасник.
Водоноска.
Иван-Царевич.

Цена 10 копеек.
Индекс 70770.

